

РОМАН
Магнолия

Т. А. ФОСТЕР

У Одри Кингстон идеальная жизнь, которую она всегда хотела. Обожающий муж, красивый дом, вечера в книжном клубе с друзьями. Все было идеально. Все было безоблачно. Пока Пэкстон Теннер, кандидат в сенаторы штата, не переехал жить по соседству. Соблазненная его неоспоримыми чарами, жизнь Одри меняется до неузнаваемости после того, как она поддается инстинктам. Эта связь становится все опаснее, и она оказывается замешанной в политическом скандале, который всеми путями ведет в офис губернатора. Когда любовь становится убийственной, остается только один выход...

Переводчик - Маргарита Филимонова (пролог-3-я гл.), Олеся Левина (с 4-й гл.)

Вычитка — Олеся Левина

Оформление — Наталия Павлова

Обложка - Елена Малахова

Пролог

У меня роман.

Я знаю, что вы думаете. Этому должна быть причина. Она просто обязана быть. Что-то приемлемое, вроде того, что после пяти лет брака я провела слишком много ночей одна в компании бокала вина. Или когда мой муж-трудоголик был дома, мы ложились спать спиной к спине, будто он забыл, как прикасаться ко мне.

Вы бы смогли это понять. Возможно, вы бы даже посочувствовали мне и сказали: «Бедное ее сердце. Как ее муж мог так издеваться над ней? Что еще ты могла сделать?»

Вы бы хотели, чтобы я сказала, что единственное, о чем мы разговаривали — это погода и пункты, которые нужно добавить в список покупок.

Это, возможно, смягчило бы осуждения, кипящие на поверхности, если бы я описала, как мы ужинаем перед телевизором, иногда отпуская комментарии о кульминации, которая выйдет на следующей неделе.

Вы бы наградили меня жалостливым взглядом, если бы я сказала, что он перестал замечать, когда я сделала новую стрижку, или когда я ходила по комнате в новом платье.

Вся история собралась бы в единый образ в вашем сознании, если бы я обрисовала, как мы идем спать в одно и то же время просто по привычке, забывая о том, как однажды разделили все со своей половинкой.

Вы бы увидели, как это происходит. Вы бы даже прочувствовали это все, как воду, просачивающуюся сквозь пальцы. Возможно, это напомнило бы вам свой собственный брак, даже если вы бы качали головой, зная, что с вами такого приключиться не может. Маленькие кусочки своей собственной правды, просачивающиеся сквозь представление, которое у вас сложилось о нас.

Это была не моя ошибка. Вот что вы бы сказали себе. Возможно, вам бы захотелось обнять меня и утешить добрыми словами: «Это вполне понятно. Никто не может тебя обвинить».

Но мне есть в чем покаяться. Это то, что вы не захотели бы услышать. Слова, которые не дадут вам покоя больше, чем слова вины. Ничего из этого не правда. Мой муж не делал этих вещей. Не было ни одной причины, которая толкнула бы меня в объятия другого.

Я завела роман по худшей из возможных причин. Потому что я могу.

Глава 1

Тремя месяцами ранее

Я защелкнула серебряную монограмму и расположила ее так, что буквы у меня на шее отражались в зеркале вверх ногами. Подвеска была подарком от Спенсера.

Сегодня был последний день школы. В противоположность большинству коллег, я не ждала этого с нетерпением, будто это был Священный Грааль. Я любила своих учеников. Любила их забавные вопросы и восхищенные взгляды, когда мы начинали новую тему. Я любила планировать поездки. Наша последняя экскурсия была в местный приют для животных. Всю обратную поездку в автобусе я провела за дезинфекцией каждого из них. Один родитель пожаловался, что контакт с животными мог нанести вред их здоровью. Я же не заметила ничего в автобусе, полном улыбающихся детей, кроме удовлетворения. Работа с детьми дала мне это.

Лето зияло передо мной, как черная дыра.

Я похлопала Пэппера по голове, по дороге в холл.

— За мной. Это последний день одиночества в твоей жизни.

Он последовал за мной к задней двери. Когда он пронесся мимо меня через порог, я увидела, что он пытается поймать белку и остановился у одного из дубов, которые отделяли наш двор от соседского. Я сделала себе чашку кофе и села за кухонный стол.

Мы не знали соседей, которые выселились оттуда. Я никогда не планировала ужинать или пропускать с ними по стаканчику. Они жили в доме «а-ля федералы» в течение двух лет, всегда были сами по себе и съехали прежде, чем я смогла перешагнуть через себя и пригласить их в гости.

Не то, чтобы я не хотела общаться с ними. Спенс и я решили, что, возможно, им было чуть за тридцать, совсем немного старше нас. У них было двое детей. У нас же их не было. Я могла видеть маму, идущую за руку со своей дочкой со школы каждый день, когда сама подъезжала к дому. Косички у девочки торчали так, будто она постоянно перебирала их пальцами в варенье. Но я не останавливалась. Я махала рукой и заехала в гараж, взволнованная и с намерением в следующий раз открыть окно и пригласить их к нам.

На прошлой неделе, я увидела, как грузовик припарковался у их дома. Двое мужчин вышли из него и начали разгружать коробки. Как я поняла, это могло означать только то, что эта пара и их липкие дети уже съехали.

Я все еще не видела новую семью, но в этот раз я не собиралась быть плохой соседкой. Я собиралась напечь коробку маффинов, или, возможно, взять бутылку вина. Ореховое печенье тоже было неплохим вариантом.

Мой телефон зазвонил, и я взяла трубку

— Привет.

— Привет. Готова к последнему дню?

Пэппер начал лаять. Я вздохнула.

— Не совсем. Это всегда расстраивает меня.

— Я знаю, но ты заслужила перерыв. Это был долгий год. Как насчет поужинать сегодня вместе и отметить это? — Голос Спенса как всегда был теплым. — Сходим в это новое местечко на пляже. Я могу уйти пораньше сегодня.

— Я не могу. Сегодня ночь книжного клуба, помнишь?

— О, да. Винная ночь.

Я засмеялась.

— Мы там и книги обсуждаем. Алкоголь под литературным прикрытием. Ты сможешь сам поужинать? — Я не могла сказать, что Спенсер был самостоятельным в готовке. Это случилось лишь раз в месяц, но каждый раз, когда я оставляла его дома одного, я чувствовала себя виноватой.

— Конечно. Я куплю пиццу по дороге домой. Или, может, просто сделаю сэндвичи.

— Я могла бы достать что-то из морозилки для тебя, — я пыталась вспомнить, что замораживала из того, что он мог бы съесть. Кажется, на одной из полок стояла кастрюля.

— Я буду в порядке, детка. Не переживай. Я могу провести несколько часов в офисе и дождаться, пока ты закончишь.

Пэппер сосредоточился на доме соседей.

— Ты уже видел наших новых соседей? Я думала о том, чтобы познакомиться с ними поближе.

— Звучит здорово. Конечно. Я еще не видел их.

— Это не будет слишком, если я приглашу жену в книжный клуб сегодня? — Технически, наш книжный клуб был открыт для всех по соседству, но я никогда не раздавала приглашений. Обычно Джилл занималась этим. Можно сказать, она неофициально занималась корректировкой нашего состава.

— Почему это должно быть слишком? — Осведомился Спенс. — Спроси ее. Я думаю, это хорошая идея.

— Хорошо, я так и сделаю, когда вернусь домой из школы, — напоминание, что сегодня был последний день и я увидела свою комнату, полную херувимов, посылающих стрелы разочарования прямо в мой живот.

— Позвони мне позже. У меня клиент, который пришел, чтобы написать заявление на расчет, — Спенс сделал паузу. — Этим детям повезло, что в этом году их учителем была ты. Второй класс не сможет даже сравниться с тем годом, что они провели с тобой. Не забывай об этом. Ты всегда западаешь в душу. Я должен идти, детка.

Я промямлила в трубку:

— Спасибо, — затем отключилась и вышла на террасу. Мне нужно было запереть Пэппера в доме, прежде чем отправиться в школу.

— Пэппер! — Позвала я. — Пэппер!

Если бы он услышал, то пришел бы. Пэппер был собакой Спенса до того, как мы поженились. Спенс смеялся в конце второго свидания. Когда он представил меня этому косматому дурехе.

— Это тест, — предупредил он.

— Какой тест? — спросила я, ожидая, когда он откроет дверь.

— Если ты не понравишься моему псу, у нас не будет третьего свидания.

Я уперла руки в бедра.

— Серьезно? Ты перестанешь со мной встречаться из-за своей собаки? — Я надеялась,

что он шутит, но после двух свиданий я не могла сказать точно. Его было довольно сложно понять.

— Я выяснил, что нет смысла встречаться с девушкой, которая не может с ним поладить. Его инстинкты всегда верны.

— Это точно? — Последний бокал вина начал действовать. Я наклонила голову и прижалась плечами к стене.

Спенсер перестал перебирать ключи и посмотрел на меня. Моя грудь поднималась от тяжелого дыхания, возбуждения и нервного напряжения, которые проходили сквозь мое тело. Я всегда помнила этот момент. Эту секунду, когда его глаза встретились с моими. Я думала о том, как удержать его там, желающим меня, желающим мои губы. Дверь была закрыта, и он все еще хотел поцеловать меня. Я еще не завалила тест. Он все еще хотел третьего свидания. У меня все еще был шанс увидеть его снова, поцеловать его снова и лечь с ним в постель.

Я сфокусировалась на его губах, глядя на них, в то время, как он сокращал дистанцию между нами. Я представила, как они будут ощущаться напротив моих. Мягкие и требовательные, настойчивые и голодные, с оттенком сладости.

Его ладонь легла на стену у моего плеча, что заставило его придвинуться ближе ко мне. Мой взгляд переместился с его губ на его светло-голубые глаза.

— Одри, — улыбнулся он.

Я подняла голову вверх, позволив себе слегка коснуться губами его рта.

— Ммммм, — промычала я, когда его рука соскользнула со стены и прижала мое тело к нему. Меня с ног до головы окатило новизной этого поцелуя. Я никогда не чувствовала себя настолько потерянной и в то же время уверенной. Поцелуй со Спенсером был абсолютно таким, каким я его представляла.

Медленно, он вернулся рукой к ключам, торчавшим в замочной скважине. Я прикоснулась к своим губам, желая снова ощутить этот поцелуй.

Он повернул ручку.

— Готова?

Я кивнула, до смерти напуганная тем, что какой-то паршивый щенок может украсть лучший поцелуй, который у меня когда-либо был.

— Пэппер! — позвал он в темную квартиру.

Спенсер включил свет, и я увидела собаку, бегущую через гостиную. Я замерла на месте, зная, что собаки могут чувствовать страх. Я хотела понравиться ему. Мне нужно было ему понравиться, чтобы у меня была возможность испытать больше этих поцелуев. Я хотела третье свидание.

Пэппер перешел на шаг, прежде чем усесться у моих ног. Он обнюхал мои туфли и перекатился на спину.

Спенсер тихо засмеялся, и я стрельнула взглядом в его сторону.

— Это значит, что я прошла проверку?

Я опустила на пол, чтобы почесать живот псу. Я была совсем не против заработать дополнительные очки.

Спенсер потянул меня за руку, помогая мне подняться.

— Я думаю, ты бы в любом случае ее прошла, — он прижал меня к двери. — Так, ты хочешь сходить куда-нибудь завтра? Свидание номер три?

Я кивнула и обернула руки вокруг его шеи.

— Хорошо. Я боялся, что ты не захочешь после этой небольшой шутки.

— Что?

— Я просто пошутил насчет собаки. Он любит всех. Худший сторожевой пес в мире.

Мои руки упали вниз.

— Ты все это придумал? — в ответ Спенсер засмеялся.

— Ты должна была видеть свое лицо, когда я открыл дверь.

Я ударила его в грудь.

— Не смешно. Я не могу в это поверить.

— Брось, не будь сумасшедшей, Одри. Это была шутка. Я действительно хочу сходить с тобой еще куда-нибудь. Я надеялся, что для тебя это значит также много. Мне не следовало заставлять тебя нервничать. Это было глупо, — мне не хотелось так просто прощать его. — Что я могу сделать, чтобы ты простила меня? — Спросил он мягко.

Звук его голоса заставил меня остыть. Я была одержима Спенсером Кингстоном месяцами. Я не собиралась позволить всему разрушиться из-за плохой шутки.

— Поцелуй меня, — прошептала я.

Было сложно поверить, что все это было пять лет назад.

— Пэппер! — Мой голос звучал уже громче. Пес запрыгнул на террасу. — Я уже опаздываю, — я загнала его в дом и забрала свой кофе и портфель. — Увидимся вечером.

Когда я выехала с подъездной аллеи, то заметила другой грузовой фургончик, из которого выгружали коробки у соседней двери. Я помахала ребятам, занимающимся разгрузкой, не останавливаясь. Мои манеры плохой соседки заканчиваются сегодня.

Я преподавала в начальной школе Чарльстон Оакс. Это была школа неподалеку от нашего района. Я припарковала машину на своем месте, прилегающем к крылу первоклассников.

— Здравствуйте, миссис Кингстон, — Мери-Элис, моя бывшая ученица, помахала мне с пешеходной дорожки.

— Доброе утро, ответила я и проследовала за ней в школу.

Большинство детей в моих классах были из благополучных семей Чарльстона. Их рюкзаки всегда были украшены вышивкой, их обеды были упакованы нянями. Я уже поняла, что положение родителей не значило ничего для моих любимых шести и семилетних малышей. Они не знали ничего об их привилегированном статусе в социальной системе Чарльстона, только то, что они должны научиться читать до зимних каникул и быть в состоянии дописать цифры на свои тестовые листочки.

Последний день занятий всегда сопровождался приливом энергии. Я протиснулась сквозь толпу родителей и детей в холле. Пэппер избавил меня от возможности приехать в школу так рано, как я хотела. Мой ассистент Клэр все расставляла стулья.

— Доброе утро. Прости, я опоздала, — я бросила сумку у своего стола.

— Это последний день. Нам повезет, если мы сможем пережить его. Дети носятся туда-сюда по коридорам и кричат, а еще даже нет восьми.

— Они просто взволнованы, — я пожалала плечами.

Клэр и я имели разные взгляды на дисциплину учеников. У нас были стычки в течение всего года. Я любила давать детям свободу и позволять делать собственный выбор. Философия Клэр включала строгий порядок и беспрекословное выполнение требований. Она бурчала каждый день во время часа чтения, когда я позволяла им взять контроль над классом, а сама улучала время, чтобы спокойно посидеть и почитать.

— Я просто рада, что сегодня последний день. Мне нужен отпуск, — сказала она.

— Когда ты уезжаешь во Флориду? — Я начала выкладывать карандаши и стикеры, которые обвязала лентой в подарок детям.

— Не раньше следующей недели, но это даст мне время перестирывать и упаковать все вещи. Мы едва успеваем это сделать с четырьмя детьми.

— Верно, — я пересчитала связки, и оказалось, что у меня не хватало стикеров в одном наборе.

— Тебе стоит посмотреть в сумке. Мой муж говорит, что совершенно не важно, куда мы поедем. Но я напоминаю ему, что у нас четверо детей и это значит, что нужно собирать больше вещей. Но он, кажется, не собирается обращать на это внимания.

— Верно, верно, — я кивнула. Я обыскала свою сумку. — Вот они! — я вытащила стикеры, которые лежали отдельно от комплекта.

— Что насчет тебя? Вы со Спенсером поедете куда-нибудь этим летом? Он когда-нибудь может вырваться с работы?

Я положила первый набор на парту у выхода. Ученики сидели за партами с их именами на столе.

— Нет, мы здесь все лето. Спенсеру нужно работать в компании. Мы надеемся улучшить уикенд в горах, может как-нибудь в августе. У его родителей есть там домик, где мы можем остановиться. Обычно мы стараемся избегать самой жаркой части лета, — объяснила я.

— Звучит здорово, — Клэр была впечатлена моими планами на лето также, как и я ее.

— Ты не против заняться раскрасками вместе? — Я указала на шкаф с рабочими материалами. — Мы могли бы раздать их, когда дети придут.

Я не хотела следовать расписанию в их последний день. Мы могли провести время за чтением, раскрасками и тихим часом. Я еще в первый год преподавания обнаружила, что планировать уроки в последний день — пустая трата времени.

Я почувствовала, как кто-то потянул меня за край рубашки.

— Миссис Кингстон, моя мама сказала, что я должен отдать это вам.

— Джон Майкл, спасибо тебе, — Я взяла кофейную чашку с парой шоколадных плиток. — Передай своей маме слова благодарности. Я люблю шоколад. И чашка очень милая.

Выглядев довольным, он сел за парту в конце класса. Его конфетная чашка была первой из пяти. Я ушла из школы в тот день с цветком в горшке, яблочным пирогом, подарочной картой в мой любимый мексиканский ресторан, двумя свечами и горой конфет.

В машине было жарко. Я проветрила ее несколько минут, пока раскладывала подарки на заднем сидении. Дома у нас был шкаф, отведенный для моих учительских подарков. Спенс говорил, что я должна пожертвовать их какому-нибудь благотворительному фонду или выбросить на свалку, дети все равно никогда об этом не узнают.

Но я бы знала. Я не могла избавиться от них. Шоколад мне всегда помогал съесть Спенсер, а все остальное он продолжал терпеть, зная, что у меня было особое отношение ко всему, чего касались руки моих учеников.

Я сдала назад и поехала в сторону дома.

Снизив скорость около подъездной дорожки, я заметила, что грузчики уже закрывали кузов грузовика. У парадного крыльца стоял мужчина. Это мой шанс. Я могла представиться ему и его жене прямо сейчас.

Я припарковалась в гараже и вышла из машины, наполненной конфетами и кружками

«любимому учителю». Изначально я собиралась прийти к ним с испеченным подарком, но во мне выиграло «лови момент» чувство.

Между нашими дворами росли заросли магнолии. На Рождество я состригала листья, чтобы использовать их в качестве зеленых украшений, что было всеобщей традицией в Чарльстоне. А учитывая, что моя футболка прилипла к спине от пота, морозные декабрьские дни не могли быть еще дальше.

Наш район находился на окраине города. С выбором дома нам помогали родители Спенсера. Они сказали, что нам нужно место, где мы могли бы расти, как семья. И они упорно не хотели верить в то, что нам сможет помочь в этом целый ряд рассмотренных домов. Думаю, они также хотели найти достаточно большой дом для множества внуков.

Я знала, что они думали. Мне было тридцать и я все еще не дала им то, чего они хотели больше всего. Мы говорили об этом. Я хотела детей. Я хотела держать сладкого, нежного малыша на своих руках, зная, что Спенсер и я привели его в этот мир вместе. Мы говорили о том, как обустроить детскую и смеялись над тем, как смешно я буду выглядеть в одежде для беременных. Но эти обсуждения всегда заканчивались одинаково. «Когда-нибудь. Мы слишком заняты сейчас».

Спенс хотел заключить партнерство в своей юридической фирме. Он хотел этого еще до того, как мы стали семьей. Каждый раз, когда я думала о беременности, я не представляла, как это повлияет на мои уроки. Я не могла оставить учеников в середине года. А это означало, что мне необходимо настолько идеально спланировать свою беременность, чтобы я могла родить, пока в школе будут каникулы и вернуться на работу на следующий год, ничего не упустив.

Еще один учебный год прошел без идеально выполненного плана. И будет, по крайней мере, еще один, прежде, чем это случится. Спенс и я любили тот ритм, в котором жили. И так как я хотела иметь ребенка только от него, все шло хорошо. Наша жизнь была без сложностей. Завести детей означало разрушить это все.

Ведь это бы означало, что нам пришлось бы отказаться от попкорна на ужин, так? И никакого спонтанного секса на диване, если фильм, который мы смотрели был слишком скучным. И как бы мы поехали в Европу? Я не слышала, чтобы люди брали с собой детей в путешествие в Шампань во Франции, во время романтической поездки.

Я прихлопнула комара на своей руке.

— Ауч, — на месте, где он сидел выступила капелька крови.

Поднявшись на уже пустое соседское крыльцо, я позвонила в звонок. Я надеялась, что жена будет молодой и дружелюбной. Возможно, это тот тип соседей, которые хотят выходить на пикники каждую пятницу. Мне бы пришлось заставлять Спенсера сокращать свои рабочие часы по пятницам, но мы смогли бы с этим справиться.

Я услышала шаги с другой стороны двери. Я поправила рубашку и цепочку на шее так, чтобы монограмма, постоянно переворачивающаяся на другую сторону, была в правильном положении.

— Привет, я Одри, — я прочистила горло. Я не могла видеть, что происходит внутри. Там было темно и вечернее солнце нагоняло еще больше тени на все, что находилось не на свету. — Я пришла познакомиться.

— Пэкстон Таннер. Приятно познакомиться, — он шагнул на крыльцо.

Имя звучало знакомо. Я посмотрела на его лицо, чтобы понять, чье имя я узнала. Его мощную нижнюю челюсть компенсировали темные глаза. Его каштановые волосы

выглядели так, будто он только что взъерошил их пальцами. Я пыталась не пялиться. Это был второй раз в моей жизни, когда новизна ощущений окатила меня ледяным ливнем. И это меня удивило.

— Я... Я пришла, чтобы поздравить вас с переездом, — я еле как заставила себя выговорить эти слова. И я знала, что сильно заговаривалась. — Я живу по соседству, — я указала рукой на дверь нашего дома.

— Это очень мило с вашей стороны, — у Пэкстона был глубокий голос, и он нарочито растягивал слова. Меньше чем за тридцать секунд, я поняла, что этот голос подходит ему.

— Я...эм...хотела пригласить вашу жену в книжный клуб сегодня. Она дома? — Я попыталась заглянуть в дом через его широкие плечи. Я ожидала увидеть женщину, соответствующую внешнему виду Пэкстона.

Он тем временем закатал рукава своей рубашки.

— Нет, здесь только я. Она умерла, — я закрыла рот рукой.

— О Господи. Мне так жаль. Я...

— Все в порядке, — он положил руку мне на плечо. — Это случилось несколько лет назад. Автомобильная авария, — я переступила с ноги на ногу.

— Это ужасно.

— Так и было. Но вы пришли не для того, чтобы обсуждать это. Вы упомянули книжный клуб. Я бы хотел прийти. Я люблю читать, — он улыбнулся, и неловкость, которая была в начале нашей встречи, кажется, совсем исчезла.

— Вы хотите прийти в книжный клуб? — заикаясь, спросила я.

— Конечно. В том случае, если приглашение распространяется на меня.

— Почему бы и нет? — Он застал меня врасплох. Моя подготовленная речь для миссис Таннер полетела в печь и я, кажется, упустила этот момент.

— На самом деле, я состоял в книжном клубе на своем прежнем месте проживания. Это была хорошая группа. Что вы читаете? Может, у меня это есть.

Я моргнула. У нас была книга, но я не могла вспомнить ее название или сюжет. Я вообще слабо могла думать.

— Не хочешь войти? Осмотреться? — Спросил он.

— Я не ответила. Просто проследовала за Пэкстоном в дом через дверной проем, попае в прохладное темную прихожую. Я никогда не была внутри этого дома за все те годы, что мы жили по соседству.

Первая комната, возможно, кабинет, была завалена коробками. Они были выставлены также по всему коридору и вдоль стен в гостиной.

— Мне нужно многое распаковать, — он махнул рукой в сторону коробок. — Так как долго ты живешь здесь?

— Мы живем здесь пять лет, — он протянул мне бутылку воды.

— Прости, не имею представления, где стаканы.

— Все в порядке, — я открутила крышку и сделала глоток.

— Пять лет? Муж? Дети?

— Нет. В смысле, да, я замужем. Нет детей.

Он улыбнулся. Мне казалось, он догадывался о том, как я нервничала, стоя посреди его кухни. Он же выглядел расслабленным, как будто мы делали это каждый день. Что-то в нем казалось таким знакомым. Я чувствовала это кожей. Моя шея покрылась мурашками, когда он встал ближе ко мне.

— То же самое...за исключением того, что я не женат. У нас никогда не было детей.

— Ты из Чарльстона? — Наконец задала я вопрос.

— Вернулся. У меня здесь семья, и работа заставила меня снова переехать в этот округ.

— Округ? То есть, ты занимаешься торговлей?

Я снова услышала низкую вибрацию его смеха. Я не имела представления, что сделать, чтобы заставить его продолжать смеяться.

— Некоторые называют это торговлей. А вообще — политика. Я вернулась, чтобы баллотироваться в сенаторы штата.

— Ого. Я не ожидала, что ты это скажешь.

— Как тебе перспектива соседства с сенатором?

— Полагаю, это будет зависеть от политики этого сенатора. Из какой ты партии? — У меня была привычка наклонять голову набок каждый раз, когда я задавала серьезный вопрос. И в этот раз я сделала также. Он покачал головой.

— Это не мой сорт политики. Отношение к партии не должно играть роли. Это должны быть проблемы. Где у нас есть проблемы? Например, относительно тебя. Что мы должны предпринять, чтобы улучшить ситуацию? Я представляю свою кампанию так. Мне не нравятся все эти партийные прерии.

— Я не совсем понимаю. По тому, что ты сказал не похоже, что ты собираешься чем-то управлять, — я не ожидала, что он начнет озадаченно моргать.

— Потому что я делаю что-то правильное. Я серьезно. Мне плевать на всю эту хрень, о которой все говорят. Умные люди говорят, что ад строится из проблем. Людям нужен лидер, а не шоумен.

— Я согласна, — я села на барный стул поблизости.

— Расскажи мне, чем ты занимаешься.

— Я учитель. Первые классы в начальной школе по соседству.

— Учитель? — Его брови взлетели вверх. — Хорошо. Давай поговорим о проблемах учителей. Глядя на факты. Школы нуждаются в деньгах Учителя в более высокой зарплате. Родители хотят, чтобы их детям предоставляли лучшее возможное образование и готовили их к жизни. Верно? Мы можем согласиться с этим?

Я просто кивнула. Я не могла оторвать от него взгляда. Его же взгляд был сосредоточенным.

— Все остальное — просто лишний шум. Чем больше денег мы выделяем школам, тем больше в них будет новейших программ и оборудования. Они будут способны нанимать лучших учителей в стране. Эти ученики будут добиваться успеха. Гарантировано. Если мы будем поддерживать базу в наших школах, мы получим активных и целеустремленных горожан. Не вижу причин спорить с этим. Это заставляет меня двигаться дальше. Мы все должны бороться за единую цель.

Аплодисменты были произвольными, но и я правда никогда не слышала, чтобы кто-то так страстно говорил о моей профессии, не желая извлечь из этого какой-то выгоды.

— Браво, браво.

Он оперся локтем о столешницу.

— Это значит, что у меня есть ваш голос, миссис...?

— Кингстон, — ответила я, в то время как он разглядывал мой кулон.

— Теперь я понял, что означает буква «К», — он повернулся к холодильнику.

— Да, я абсолютно точно буду голосовать за тебя, после подобной речи.

— Даже не зная, к какой партии я принадлежу? — я кивнула.

— Хороший вопрос. Окей, я поддерживаю твоё отношение к образованию. Полагаю, сначала я бы хотела узнать твою позицию по некоторым другим вопросам. Если ты назовешь мне свою партию, возможно, это бы что-то прояснило.

— Но это то, что я пытаюсь тебе объяснить. Мы не должны голосовать за какую-то определенную философию. Я хочу получить голоса за то, что люди верят в меня. Кому интересно все остальное? Партии изменяют свои идеалы перед каждым выборами. Почему бы не довериться *кому-то*, на кого ты можешь рассчитывать, а не чему-то?

— Потому что это даст мне представление о том, консервативен ты или либерален. Ты за многочисленное или малочисленное правительство? Какие основные проблемы тебя интересуют? Партии разделяют эти понятия. Я бы поняла, подходит ли мне такой вариант.

— Такой вариант? Ха, — он потер подбородок. — Готов поспорить, что смогу убедить тебя по любой проблеме, которая сидит у тебя в душе. Меня не волнует, чего хочет моя партия. Мы должны решать проблему за проблемой.

— А что, если мы не сойдемся во мнениях по всем вопросам, а только по некоторым? Ты не можешь ожидать, что избиратели согласятся с тобой во всем, — надавила я.

— Твоя правда. Но я могу убедить их, что важность того, что я делаю, превышает некоторые вещи, в которых мы не согласны.

— Если это так, то как ты можешь убедить меня проголосовать за тебя?

— Дай мне час, и я расскажу тебе свою точку зрения по всем вопросам, — в его голосе зазвенели игривые нотки.

Я встала со стула. В его кухне я находилась уже тридцать минут. Я была не готова потратить час на политические дискуссии об идеологиях.

— Мне нужно бежать, чтобы успеть подготовиться к книжному клубу, но ты должен прийти. Мы только что закончили читать «Щегол», — я, наконец, смогла вспомнить название.

— Тяжелое чтение, — Пэкстон проводил меня в прихожую. — Хорошо, я приду. Возможно, я смогу убедить тебя проголосовать за меня к концу ночи, — он придержал дверь открытой для меня. — Где это?

— Сегодня собираемся у Тины Лайонс. Мы меняем дома каждый месяц. У тебя есть листок бумаги? Я напишу тебе адрес, — он вернулся из кабинета с блокнотом.

— Вот, напиши здесь, — я записала адрес и свой номер телефона в конце.

— В случае, если что-то понадобится, можешь позвонить мне, — сказала я и начала спускаться по ступенькам.

— Во сколько?

— В семь, — ответила я, уже направляясь к дереву магнолии.

— Увидимся вечером. Спасибо, что зашла. Было приятно познакомиться, Одри.

Я помахала ему и юркнула между низкими ветвями магнолии. Жесткие листья скрипели под моими сандалиями. Пэппер уже ждал меня у гаражной двери. Я выпустила его поиграть на заднем дворе, пока доставала подарки учеников из своей машины. Конфеты я поставила на столик и отсортировала некоторые полезные подарки, прежде чем отправить все остальное в трофейный шкаф. Завтра мне предстоит рабочий день, но учебный год уже закончен.

Я обдумывала то, что Пэкстон говорил насчет базового образования. Меня поразило, сколько аргументов он привел в мою пользу. Что, если бы я ему сказала, что у меня свой

небольшой бизнес? Возможно, мне следовало сказать ему, что я учусь на медсестру в течение года и послушать, что он скажет насчет реформы здравоохранения.

Я разогрела в микроволновке замороженные макароны с сыром. У меня оставался еще час до книжного клуба. Я села за стол и вбила его имя в строке поиска на своем компьютере, ожидая, пока разогреется лапша.

Пэкстон Таннер. Он был в самом начале списка десяти развивающихся и подающих надежды политиков юга. Я, должно быть, слышала о нем в новостях, но не запомнила его лицо и имя. Если бы увидела это лицо прежде, я бы точно запомнила.

Я нажала на одну из статей. У него была степень по юриспруденции в Эмори. Там была фотография его жены. У нее были темные волосы до подбородка. Я перешла по ссылке.

Сара Таннер умерла в возрасте двадцати семи лет. Ее машина была найдена в канаве на проселочной дороге в Южной Каролине. Расследование полагает, что она заснула за рулем и умерла, когда машина врезалась в дерево.

Я вздрогнула. Должно быть, это было ужасно для него. Я попыталась представить прекрасного кандидата, скорбящего по молодой жене. И подумала о том, какой была бы моя жизнь, если бы что-то случилось со Спенсом.

Пробежала взглядом по статье в поисках чего-нибудь еще, что можно было узнать о моем новом соседе. Он с отличием закончил Цитадель и играл в футбол все четыре года, что там учился. Его родители основали благотворительный фонд для приютов и поддерживали ежегодный классический гольф на острове Киава.

Все о нем соответствовало представлениям об идеальном политике. Обеспеченная семья, занимающаяся благотворительностью, звездный спортсмен с безупречным аттестатом, и жена, которая умерла слишком молодой. Я закрыла крышку ноутбука. Не хотелось снова видеть ее лицо. Это было слишком печально.

Моя копия «Щегла» лежала рядом с кроватью. Я потратила всю прошлую неделю на ускоренное чтение, пытаясь осилить ее до конца. Это был амбициозный шаг для нашего клуба, попытаться осилить ее за месяц. Я была почти уверена, что не все дошли до конца, но я закончила последнюю страницу вчера ночью.

С увесистым томом в руке, я направилась в сторону дома Тины. Я наслаждалась прогулками по нашему району. Пешеходные дорожки, неровные из-за разросшихся корней дуба. Я уже достаточно хорошо изучила эту дорогу, чтобы запомнить, где нужно идти, чтобы избежать падения.

Когда мы только переехали в этот район, нас встретили шоколадными кексами, печеньем, и всеми возможными видами выпечки, которые я могла назвать. Это был соседский обычай, который мне так и не удалось перенять. Даже сегодня, я пришла к Пэкстону без какого-либо подарка. Это был скорее импульсивный жест.

Я подошла к входной двери и вошла внутрь дома Тины.

— Одри! — позвала Тина.

— Привет, Тина. Ожидается много народу сегодня?

— Думаю, да. Проходи. Я достану для тебя винный бокал, — хозяйка вечера была занята на кухне, в то время как соседи понемногу приходили.

— Одри, сегодня был последний день в школе? — Спросила Крикет. Я сделала глоток вина.

— Да. Я ненавижу прощаться со своим классом. Это самый тяжелый день в году для меня, — она хлопнула меня по плечу.

— Милая, у тебя целое лето свобод впереди. Почему бы тебе не присоединиться к нашей группе в бридж?

Крикет пыталась заманить меня в эту группу с тех пор, как я переехала. Я никогда не играла.

Я мягко улыбнулась ей.

— Возможно, я могла бы попробовать.

— У тебя будет занятие, пока Спенсер на работе. Он заключает контракт в этом году? Я слышала сплетни.

— Мы надеемся на это. Он работает безостановочно. Это может занять еще год.

Мы со Спенсером знали, когда он заключит контракт, это может многое изменить для нас, и не только финансово. В нашем квартале нас все еще воспринимали как детей. Не имело значения, что у нас обоих есть степени, успешные карьеры, дом и собака. В глазах наших соседей мы были просто детьми. Заключение партнерского контракта сразу перебросит Спенсера в другой класс. Мы никогда не будем старыми монетами, но это был хороший шаг по лестнице, который он собирался сделать. Я не была уверена, что мы готовы к такому. Крикет хлопнула меня по плечу.

— Дай мне знать насчет бриджа. У нас открытый доступ. И кто знает, если он заключит контракт, ты можешь стать постоянным членом.

— Что ты имеешь в виду? — Спросила я. Она посмотрела на меня с недоумением.

— Тебе не придется больше работать. Тебе придется освободить свое обеденное время. Ты не сможешь выполнять свои обязанности, если будешь работать учителем.

Я не знала, что ответить, поэтому решила промолчать, уделив все свое внимание вину в моей руке.

Пятнадцать минут спустя, кухня Тины была полна людей. Я улыбалась и обнимала женщин, которых называла своими друзьями. Я не слышала, чтобы кто-то уже упоминал книгу. Было такое ощущение, что мы специально откладывали наши лучшие комментарии, чтобы произнести их во время официальной части. Тина постучала по своему винному бокалу.

— Леди, давайте начнем. Я могу принести еще стулья, если они нужны.

Я решила сесть настолько далеко от Крикет, насколько это было возможным. Ее слова все еще вызывали мурашки на коже. Я не собиралась оставлять свою карьеру учителя.

Один за другим, стулья вокруг меня находили своих хозяев.

Миссис Эллерби села на диван.

— Я не видела тебя с прошлого собрания. Что у вас нового? — Спросила она.

— Сегодня был последний день занятий. Я готовилась к этому. Больше ничего интересного.

— Как насчет Спенсера? У него все хорошо?

— Да, он упорно работает в компании, — я не была уверена на счет того, что миссис Эллерби не станет давать мне советы вроде тех, что я должна оставить работу. Услышать это один раз за вечер было вполне достаточно.

— Не могла бы ты поблагодарить его за то, что он помог мне с этими растениями на прошлой неделе? Я никогда бы не вытащила их из машины самостоятельно, — она вздохнула. — Старость — это отвратительно.

— Он был рад помочь, — ответила я.

Мы со Спенсером работали в саду, когда увидели, как миссис Эллерби подъезжает к

дому, а то время как ее голова была скрыта за зеленой листвой. Ее дом находился прямо через дорогу от нас.

— Я пойду узнаю, не нужна ли ей помощь, — сказал он.

— Конечно, — я снова вернулась к кусту гардении, который стригла минуту назад.

Пятнадцать минут спустя, Спенс вернулся.

— Она накупила тонну домашних растений.

— Ей нужна помощь с чем-нибудь еще?

— Нет, я занес их все внутрь. Думаю, она делает это все просто чтобы занять себя чем-нибудь, — предположил он.

— Почему ты так говоришь? — Я стянула садовые перчатки с рук, когда убедилась, что гардения выглядит более опрятно. А я в свою очередь осталась довольна проделанной работой.

— Потому что ее дом похож на джунгли. Там повсюду растения. Однажды она проснется, оплетенной лианами, — засмеялся он.

— Было мило с твоей стороны предложить ей помощь, — я улыбнулась своему учтивому красавцу-мужу.

— мне жаль, что она живет одна. Ей не с кем поговорить. Не с кем поужинать. Ей нужна помощь с каждой мелочью. Это угнетающе. Ты можешь представить, каково быть одной в конце своих дней?

— Нет. Нет, я не могу. Но с нами такого не случится. Нам не нужно беспокоиться о чем-то подобном. Мы состаримся вместе и умрем во сне, как в том кино. Ты понял, о каком фильме я говорю?

— Откуда ты можешь знать, Одри? Иногда в жизни слишком много условностей. Это не кино. И это был «Дневник памяти».

Я повернулась, оставляя между цветами небольшие бороздки своими сликкерсами.

— Спенс, прекрати. Это звучит как речь одержимого.

— Мы даже не знаем, что случилось с ее мужем.

Я свернула свои перчатки и бросила их в ведро к садовым ножницам.

— Он умер до того, как мы переехали. Я не имею ни малейшего представления. Кажется, кто-то говорил мне про сердечный приступ, — я остановилась, задумавшись на минуту. А говорил ли мне кто-нибудь о том, как умер мистер Эллерби или я просто это предположила?

В комнате воцарилась тишина, и я заметила, как все повернули головы.

— Простите, леди. Я попал куда нужно? Тина Лайонс?

Тина перевернула свой бокал с вином.

— Боже мой, я такая недотепа, — она подорвалась со своего места. — Прошу прощения. Я Тина. Вы кого-то ищите? — Ее голова повернулась вокруг, как шарик на воде. Я встала.

— Тина, прости. Я забыла предупредить, что пригласила своего нового соседа в наш клуб. Мне стоило сказать заранее, — я подошла к Пэкстону. — Это Пэкстон Таннер. Он только сегодня переехал в соседний дом.

Он поднял копию «Щегла»:

— Надеюсь, вы не будете против, если я присоединюсь к вашей дискуссии сегодня. Я нашел книгу. Это заняло немного времени. Я все еще не до конца распаковал все вещи, — рука Тины легла на его предплечье.

— Конечно. Вы будете первым мужчиной, который когда-либо посещал наш клуб. Вы

замещаете свою жену, мистер Таннер? Мы были бы рады видеть и ее. Может, она сможет прийти в следующий раз.

Я заметила, как он взял руку Тины в свою ладонь и нежно ее сжал.

— К сожалению, моя жена покинула нас несколько лет назад. Здесь только я.

— О, мои соболезнования. Это так ужасно, — Тина выглядела так, будто готова была разразиться слезами.

— Спасибо, — Пэкстон хорошо держался. Полагаю, он привык к том, что женщины реагируют подобным образом. Стоя на его пороге, я не заметила этого.

Крикет передала ему бокал вина.

— Здравствуйте, я Крикет. Я живу вниз по улице от вас. Не могу поверить, что еще не видела вас, — она выглядела так же взволнованно, как и звучала.

— Благодарю. Как вы узнали, что я предпочитаю белое вино?

— Инстинкт, полагаю, — Крикет откинула прядь волос со лба, отчего браслет на ее запястье зазвенел. Я задалась вопросом, что бы подумал Джони, если бы увидел ее, откровенно флиртующей перед целой группой.

— Почему бы вам не присесть там, раз вы с Одри уже знакомы? — Тина указала на сидение рядом со мной.

Пэкстон улыбнулся и занял место.

— Вполне подходит для меня.

Я стрельнула в него взглядом. Когда мы стояли на его крыльце, и я упомянула книжный клуб, я не думала, что это будет чем-то особенным, но сейчас, сидя рядом с ним и видя, как абсолютно все тарацились на его точеное, будто иноземное тело, я изменила свое мнение. Он был огромным. Я внесла свою лепту в историю книжного клуба.

— Ну, хорошо, — Тина подождала, когда возбуждение немного уляжется. — Давайте поприветствуем Пэкстона здесь. Ничего страшного, если сегодня мы будем обращаться по именам? — Тина была не из тех, кто стеснялся бы посмеяться над своей же шуткой.

— Не нужно из-за меня изменять свои обычаи. Я пришел сюда, чтобы познакомиться. У меня не так много развлечений помимо работы, — добавил Пэкстон.

— Подожди, я знаю, кто ты, — Линдси Миллер чуть не подскочила на месте. — Ты баллотируешься в сенат штата, — сказала она с таким самоуважением, будто провела целое расследование.

Пэкстон спокойно воспринял это нападение.

— Вы меня поймали.

— Вот почему вы выглядите знакомо, — Линдси не могла остановиться. — Я читала о вашей семье и о том, что они выделяют миллионы для вашей кампании.

— Линдси, я не думаю, что это подходящее место, — Тина выглядела смущенной.

Он поднял руку, успокаивая хозяйку.

— Я часто с этим сталкиваюсь, Тина. Все в порядке. Я открыт для вопросов в любое время. Но, возможно, нам стоит начать обсуждение книги, а политические прерии на потом, — усмешка расплзлась по его лицу. Это была совершенная картина. Тина посмотрела на Линдси.

— Простите. Я не хотела вас обидеть, — она выглядела раздраженной за то, что Тина начала извиняться за нее.

— Все в порядке, — он сел обратно в кресло, затее шепнул мне на ухо. — Не беспокойся. У меня все еще есть час, отведенный на то, чтобы убедить тебя отдать мне свой

голос.

Я выпрямилась и огляделась по сторонам, обеспокоенная тем, что кто-то мог увидеть, как он шепчет мне. Это было слишком фамильярно. Я знала этого мужчину всего несколько часов и чувствовала себя с ним слишком комфортно.

— У меня есть список вопросов, — Тина подняла лист бумаги в воздухе. — Итак, кто думает, что Донна Тротт просто исписала кучу страниц?

Все в кругу застонали. Я попыталась сфокусироваться на книге, которая лежала у меня в ногах. Я нарисовала силуэт птицы на кончиков своих пальцев воображаемыми чернилами, в то время, как вокруг меня разгоралась дискуссия. Все, что я могла чувствовать, это как Пэкстон не отрывает взгляда от моей шеи. Мне не нужно было поворачиваться, чтобы знать, что он смотрит на меня.

Я открыла обложку и быстро пролистала до той страницы, которую отметила маркером. Я чувствовала, как его взгляд безостановочно следит за моими пальцами, затем перемещается к предплечью и выше. Я чувствовала каждый дюйм. Каждый миллиметр. Каждый раз, когда он поворачивал голову. Каждый раз, когда он улыбался чьим-то комментарием.

Я вцепилась пальцами в край стула и приподняла настолько, чтобы сдвинуть на один дюйм. Следующий дюйм уже казался безопаснее.

Книжный клуб всегда проходил в одном и том же формате. Мы собирались, пили, обсуждали книгу и затем проводили еще два часа, допивая хозяйское вино, прежде, чем отправиться по домам. Я осушила свой третий бокал, тем самым опустошив последую бутылку муската.

Из угла в кухне передо мной открывалась нереальная картина. Я знала всех этих женщин и никогда не видела, чтобы они вели себя так, как перед Пэкстоном Таннером. Он держал их в плену, бесконечно рассказывая забавные истории. Они все смеялись немного громче положенного.

Ему удалось сбежать из этой толпы и приземлиться рядом со мной на кухонном островке. Я почувствовала его руку у себя на спине. Это был дружеский жест, но я подумала, что это могло бы значить что-то еще.

— Тебе налить еще?

Я отошла на несколько дюймов от него, и его пальцы соскользнули с моей рубашки.

— Может, пол бокала.

Он передвигался у Тины в кухне так, будто это было его собственное собрание книжного клуба, и открыл новую бутылку вина. В его руках это выглядело легким, как поднять перышко.

— Вот, держи, — он протянул бокал через столешницу. — За тебя, — я наблюдала за тем, как он поднял свой бокал и сделал глоток. — Какие живые дамы, — его брови забавно заиграли.

— Как обычно. Эта компания всегда хорошо проводит время, когда собирается вместе. Но, думаю, сегодня ты украл их внимание, — мой язык начал казаться тяжелым, когда мой четвертый бокал неожиданно быстро начал заканчиваться...слишком быстро.

— Я не собирался. Просто я не ожидал, что здесь будут только женщины, — он засунул руку в передний карман джинсов. — Не то, чтобы я жалуюсь.

— Твой предыдущий книжный клуб был открытым?

— Лучше сказать, нетрадиционным.

— То есть, там было больше либералов? — Спросила я.

— Ха-ха! Все еще пытаешься задеть меня.

Вино стекало в мое горло. Я и не думала вкладывать в это какой-то двойной смысл, но то, как он построил свое предложение заставило меня пересмотреть все, что я ему сказала. Я была смущена. Это он травил меня или наоборот?

— Нет, я не это имела в виду. Я просто... — быстро выпив последние капли вина, я поставила свой стакан у раковины. — Уже поздно, — я прошла мимо него. — Тина, спасибо за вечер, — сказала я, поцеловав ее в щеку.

— Уже уходишь? — Это был ожидаемый ответ.

— Да, у меня завтра короткий день в школе, но мне нужно немного поспать.

— Увидимся через месяц.

Забрав свою книгу, я распахнула стеклянную входную дверь. Снаружи было немного прохладнее, чем в доме Тины, но в темноте все ощущалось еще холоднее, даже если это было только в моей голове.

— Подожди, Одри, подожди, — я услышала его голос через лужайку и остановилась на тротуаре.

— Эй, я тороплюсь домой, — думаю, последняя часть моего предложения звучала слегка расплывчато.

— Почему бы мне не проводить тебя? — Предложил он. — То, как ты ушла, я подумал, что мог сказать что-то, чего говорить не стоило.

— Нет, нет. Просто уже поздно, и у тебя там потенциальные избиратели, — я пошла дальше в сторону дома. Мы могли видеть всех женщин через окно.

— Но я думал, ты обещала мне час. Я приму этот вызов только вместе с тобой.

Я тяжело сглотнула. То, как он сказал это, звучало соблазнительно, или я просто слишком много значения придавала его голосу? Я чувствовала себя ужасно из-за вина и из-за того, что мне нравилось, как Пэкстон говорил со мной. Я сказала сама себе, что меня не должно беспокоить то, как разговаривают другие мужчины.

— Мы можем пойти домой вместе. Если я смогу убедить тебя по одной теме, ты дослушаешь остальное. По рукам?

Это было простое предложение. Соседский разговор о самых насущных актуальных событиях в нашей политике. Это была прогулка до дома с кем-то, кто жил на той же улице... наши адреса отличались одной цифрой. Это не ощущалось также невинно, как мне хотелось, но я не могла остановиться.

— По рукам.

Глава 2

Моя кожа покрылась испариной. Я старалась не смущаться того, как я выглядела на фоне Пэкстона и спокойно идти, прогуливаясь с ним под фонарями. Мои светло-русые волосы начали виться и стали тяжелыми из-за влажности.

Я смутилась, когда его рука скользнула по моей.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — он первым начал разговор. Мои сандалии издавали шаркающие звуки по бетонному тротуару.

— Слишком неопределенно. Ты уже знаешь, что я учитель.

— Что-нибудь о своих увлечениях. Хобби? Что ты делаешь в свободное время?

— Я много читаю. Немного пишу летом. Не думаю, что что-то из этого было неожиданным.

— Полагаю, что так, — он сделал небольшую паузу. — Я знаю одно.

— Одно из моих хобби?

— Возможно, — мне было до чертиков интересно узнать, какие предположения он сделал насчет моего свободного времени.

— У тебя есть оружие? — Я остановилась там же, где стояла.

— Оружие?

— Да. Но по твоему ответу я полагаю, ты не из тех ковбойских девушек с Юга.

— Нет, я никогда не держала его в руках, — я потрясла головой.

— Мы должны что-нибудь с этим сделать.

— Я не держала в руках оружие, потому что я не люблю его. Мне не комфортно, когда вблизи меня находятся все эти пушки. И так было всегда.

— Тогда это прекрасная тема для нашей дискуссии.

Я посмотрела на него. Как минимум на голову выше меня. Кажется, даже выше, чем Спенс.

— То есть ты считаешь, что, по моему отношению к оружию, сразу понял, как я отношусь к закону о его контроле и за время этой прогулки собираешься превратить меня в любителя пушек?

— Что-то вроде того. Но я не говорил про любителя пушек. Это были твои слова.

— У тебя есть оружие? — Спросила я.

— Вообще-то несколько. Я состою в оружейном клубе.

— Не думаю, что мне когда-нибудь будет комфортно рядом с ними, — ответила я, пытаюсь представить его стреляющим по мишеням.

— Тогда ты будешь моим проектом. Я хочу убедить тебя отдать мне свой голос, даже если мы не придем к согласию. Поверь, я буду учитывать твою точку зрения каждый раз, когда буду сталкиваться с вопросом о контроле оружия. Потому что так и будет. Я буду думать конкретно об этом разговоре. Это моя работа. Я хочу выслушать тебя. Я хочу узнать все, что ты думаешь об этом.

Мы еще не начали нашу дискуссию, а я уже не была уверена в своей позиции. Из-за всего этого я даже почувствовала себя немного неустойчиво, как будто я балансировала, стоя на одной ноге. Пэкстон умел довольно соблазнительно складывать слова в предложения.

— Для тебя так важно нравиться мне? — Изначально я не собиралась быть слишком прямолинейной.

— Да, — его рука снова коснулась моей, но в этот раз я не была уверена насчет случайности этого действия.

— Я это всего лишь один маленький голос. У тебя в кармане все остальные соседи. Все в книжном клубе были впечатлены тобой, — он немного обдумал мои слова.

— Каждый голос считается. Каждый человек важен. Ты важна.

Мы свернули за угол. Я уже могла видеть мою подъездную аллею.

— Ты говоришь как идеалист.

У меня в груди разлилось тепло, когда я услышала звук его смеха, хотя и понимала, что не должна ощущать что-то подобное, когда смеется чужой мужчина. Я вообще не должна была на это реагировать.

— Ты всегда предполагаешь худшее. Как насчет идеалиста, который хочет воплотить

свои идеалы в реальность?

Мне стало интересно, общался ли он с Сарой также? Пытался ли убедить ее изменить свою точку зрения в спорных вопросах? Пытался ли склонить ее на свою сторону, также излучая харизму во все стороны?

— Одри?

— Да. Звучит здорово.

— Мне показалось, что я потерял тебя на секунду.

— Прости, я просто задумалась.

— У меня довольно высокие цели в плане контроля оружия, не так ли? Это очень актуальный вопрос, — его выражение изменилось.

— Я так не думаю, — Я не могла объяснить, что происходит. Предполагалось, что у меня будет зрелая дискуссия с моим соседом. Мы должны были просто прогуляться до дома. Я должна была находиться рядом с ним и не думать о его губах. Губах, которые складывались в голливудскую улыбку. Что-то менялось, и я не могла остановить это.

Сквозь крепированные мирты пробивалось достаточно света, чтобы я смогла разглядеть как напряглись мышцы у него на шее. Я сказала что-то не то?

Клумба, которая располагалась у начала тропинки к дому Пэкстона, была всего в нескольких шагах от того места, где мы остановились. Я ускорила шаги.

— Мне нравится разговаривать с тобой. Это очень здорово — иметь возможность поговорить с кем-то, не опасаясь последствий.

Мой взгляд пересекся с его. Но последствия были. Они были внутри меня. Моя кожа горела, нервы были натянуты, а пульс стучал как ненормальный у меня в голове. Он не мог видеть ничего из этого, но я не была уверена, что он этого не чувствовал.

Я сделала шаг, совершенно забыв о корнях дерева, которые торчали у его дома и чуть не упала лицом вниз. Пэкстон поймал меня за руку и потянул вверх, спасая от буквального падения лицом в грязь.

— Ничего себе. Ты в порядке?

— Боже, мне жаль, — я стряхнула с себя его руку. — Я в порядке. Просто не смотрела, куда иду. Эти идиотские корни повсюду, — я не могла не заметить, как тех ощущений в месте, где он держал мою руку. Там чувствовалось пульсирующее тепло.

— Спокойной ночи. Спасибо, что проводил меня домой, — мне хотелось как можно быстрее сбежать от него. Сбежать вон из своей кожи.

— Уже темно. Позволь хот бы проводить тебя до двери, — предложил он. — Я бы не хотел, чтобы ты пострадала.

Я промолчала. Какая-то часть меня надеялась на то, что он предложит это.

— Хорошо. Мы можем срезать через твой двор. Там есть короткий путь.

— Покажи мне.

Я повела Пэкстона вдоль тропинки, заметив, что свет в моем доме был выключен. Было поздно даже для Спенсера. Возможно, он пошел спать.

Мы прошли мимо парадного крыльца, и я пошла тем же путем, что и сегодня утром. Я чувствовала его позади меня, как он шел за мной след в след. Я подняла одну ветвь магнолии и убрала ее в сторону, когда почувствовала, как его рука накрыла мою.

Я остановилась, застыв на месте, застигнутая врасплох чем-то, чего я не ощущала уже несколько лет. Я все еще держала ветвь, а Пэкстон все еще держал мою руку, и тепло его ладони обжигало мою кожу.

Я ощущала его тяжелое дыхание на своей шее. Каждый вздох ощущался как волна, накрывающая меня с головой, и каждая из них разрушала барьер между нами. Я боялась обернуться, боялась, что если взгляну на него, обратного пути уже не будет. Пока я оставалась в этом положении и глядела на цветы, я еще могла держать все под контролем. Но я не могла говорить.

Свободной рукой он убрал волосы с моей шеи, и я почувствовала его дыхание вдоль воротника своей блузки. Мои колени дрожали, я уже едва могла удержаться за ветвь, и Пэкстону приходилось поддерживать меня в вертикальном положении.

Совершенно произвольно, моя голова повернулась навстречу ему. Он подошел ближе. Я даже не понимала, кем я была. Скрывшись в тени, в то время как мужчина, которого я едва знала, касался меня, как если бы я была свободной женщиной. Женщиной, которая была вольна выбирать, кто может ее касаться. Но я не была такой женщиной. Моя жизнь была связана со Спенсом. Я не имела права на такие выборы, но все же сделала один. Его дыхание на моей коже ощущалось как глоток свободы, которой я так желала, не подозревая об этом.

Его рука обвилась вокруг моей шеи. Он взял меня ладонью за горло. Он провел пальцем по шее, слегка сдавливая ее. Не думаю, что смогла бы простоять там еще хоть немного, если бы его пальцы так и продолжили исследовать мою кожу. Стрекот цикад скрывал звук моего тяжелого дыхания.

Мне нужно остановить это. Но я все больше нуждалась в этом.

Я не могла открыть глаза, когда он развернул меня к себе. Если я буду держать их закрытыми, все будет как во сне. Это все было просто винным сном. Я могла сказать себе, что этого не было.

Стоя под кустом магнолии с мужчиной, которого я не знала несколько часов назад, но которого, бесспорно, мне было предназначено узнать. Меня тянула вперед силой его голоса, взглядом его глаз, всей энергией вокруг него. Ему удавалось быть одновременно грубым и нежным. Но когда его губы коснулись моих, я знала, что это было реально. Я ощущала вкус вина на его языке и его шершавые ладони, которыми он держал мое лицо. Я пробовала на вкус всю новизну этих чувств. Наши губы двигались в диком танце.

Я вцепилась в его спину. Поцелуй становился все более жадным, наши стоны больше напоминали разочарованные всхлипы каждый раз, когда мы натыкались на одежду между нами. Он прошелся зубами по моему горлу, прикусывая в самых чувствительных местах, нежно, но достаточно, чтобы дразнить меня.

Я напряглась, когда почувствовала, как его рука легла мне на живот и, поднявшись вверх, он начал сдвигать бюстгальтер. Это было слишком. Я попыталась вырваться, и Пэкстон поднял свою голову.

— Боже, прости, — прошептал он.

Я потрясла головой, чувствуя тошноту.

— Мы не можем делать этого. Я... я не хотела, чтобы ты целовал меня. Ты не собирался целовать меня, — мои руки начали дрожать.

— Я знаю. Я знаю. Это вышло за все рамки. Я поступил необдуманно, — он пробежал пальцами по своей идеально стрижке. — Мне жаль. Я повел себя как идиот.

Я не стала ждать продолжения разговора. Пробравшись сквозь куст магнолии, я выбежала с другой стороны, как Алиса, возвращающаяся из зазеркалья. Мне казалось, я слышала, как Пэкстон зовет меня по имени, но я уже набирала код гаражной двери, и прошмыгнула под ней, когда она начала подниматься.

О Господи. Я закрыла рот рукой и прошла в нашу комнату. Из спальни доносилось сопение Спенсера. Я прокралась через спальню в ванную и стянула блузку через голову, включив душ, и встала под поток воды. Я дважды промыла все тело. Все не как не удавалось смыть с себя это наваждение.

Закончив с душем, я легла в кровать рядом с Спенсом. Он уткнулся лицом в мою шею, но так и не открыл глаза. Меня начало трясти, в то время как слезы катились по щекам на подушку. Я только что разрушила все, что держало нас вместе.

На следующее утро я забрела в кухню в поисках кофейного чайника. Рядом с одной из моих новых кофейных чашек лежала записка:

«Сегодня праздничный ужин. Прости. Обещаю, я постараюсь вернуться не слишком поздно. С.»

Мне казалось, что я заболела. Все вчерашние события всплывали в голове мучительными вспышками. Ощущение дыхания чужого мужчины на моей шее. Его требовательные губы на моих. То, как я позволяла ему прикасаться к себе. То, как я раскрылась ему. *О, Боже.* Я сползла на пол, и записка Спенса приземлилась рядом со мной.

Я мечтала о том, чтобы это все оказалось просто сном. Одной из тех фантазий, которые есть у всех замужних женщин, но которые никто из них не воплощает в жизнь. Невинный сон, который кажется реальным и от которого тебя бросает в жар, но затем ты просыпаешься и говоришь себе, что никогда в жизни не сделаешь ничего подобного. Я бы хотела, чтобы это было что-то, что я могла бы смыть под душем, но вместо этого, я чувствовала, будто вся испачкалась в грязи.

Пэппер уткнулся носом в мою щеку, напоминая мне, что ему все еще нужно было на улицу. Я заставила себя подняться с пола и открыла дверь.

Мой взгляд упал на магнолию. Ветви свисали низко к земле, сгибаясь под тяжестью зеленой листвы. У меня появилось чувство, что в моем животе разверзлась кислотная яма. Это случилось в нескольких шагах от задней двери в мой дом, и *Я* позволила этому случиться.

Я должна была рассказать все Спенсеру. Он должен знать. Я отпихнула свой кофе в сторону. Он разозлится. Это причинит ему такую боль, как ни один из моих поступков до этого, но мы сможем справиться с этим. Это был поцелуй и ничего более. Я прекратила это. Я убежала. Эту часть он тоже узнает.

Спенс будет смотреть на меня болезненным взглядом и, возможно, даже захотят спать в гостевой комнате несколько ночей. Я смогу смириться с этим. Я заслужила это после того, что сделала. Однако я не могла потерять его. Возможно, он спишет все на вино. Четыре бокала были слишком большой дозой. Возможно, он будет винить Пэкстона. Смазливый политик. Все это звучало вполне правдоподобно. Я дождусь его после ужина и просто выложу все напрямую.

Я не знала, какие слова могли подойти для этого, но я была обязана найти их.

Мой телефон завибрировал на кухонном столике. Сообщение было с незнакомого мне номера.

«Мне жаль. Пожалуйста, можем мы поговорить?»

Не веря своим глазам, я уставилась на сообщение на экране. Записка. Я дала Пэкстону свой номер вчера, еще до книжного клуба. Мои руки начали дрожать.

«Нет, я не могу. Мне нужно идти на работу.»

Не знаю, зачем я вообще ответила ему. Все инстинкты говорили мне игнорировать его, прервать все возможные связи с ним. Если я пойду на рождественскую вечеринку, которую устраивают соседи, то буду держаться в другой комнате. Если он придет на следующий книжный клуб, я буду молчать. Если ему нужно, чтобы кто-то проверял его почту, пока его нет в городе, пусть это будет Тина.

Мой телефон снова завибрировал.

«Всего 5 минут. Я не пройду дальше твоей подъездной аллеи. Обещаю, это будет недолго».

Я прочитала сообщение дважды.

Я открыла дверь, чтобы Пэппер мог зайти. Он нашел старый грязный теннисный мячик под крыльцом и положил его у моих ног.

— Дурацкая собака. Почему ты не можешь приносить милые вещи вроде цветов? — Подняв мяч, я выкинул его за ограду.

«Окей».

Я отправила сообщение до того, как новый приступ тошноты схватил меня. Я вела себя как наркоман с ломкой, которому срочно нужно было получить новую ядовитую дозу.

Я поспешила к шкафу и надела топ на лямках и пару шорт. Нет смысла наряжаться, чтобы наводить уборку в классе. Собрав волосы в хвост, я выключила в доме свет, перелила свой кофе в дорожную кружку и собрала сумку, чтобы отправиться на работу.

На улице было уже десять градусов, несмотря на то, что было всего восемь утра. Кажется, намечался жаркий день. Пройдя через подъездную аллею, я решила срезать путь, чтобы пройти во двор Пэкстона. Я прошла под деревом магнолии. Утром она не выглядела так таинственно.

Поднявшись на крыльцо, я постучала в дверь. Через несколько секунд Пэкстон уже стоял передо мной.

— Доброе утро. Проходи, — он отошел в сторону, давая мне дорогу.

— Нет, мы можем поговорить и здесь, — я поглядела через плечо, проверяя, не наблюдает ли за нами миссис Эллерби через окно.

Он выглядел мрачно. Я предположила, что он тоже не мог заснуть прошлой ночью.

— Думаю, лучше было бы поговорить внутри. Пять минут. Я клянусь.

Пара бегунов появились на противоположной стороне улицы. Я слышала обрывки их разговора, когда они пробегали мимо дома.

— Хорошо, но только пять минут. Мне нужно в школу.

— Пять минут, — он закрыл дверь за мной, как только я вошла в фойе.

Я попятилась, пытаюсь показать ему, что я не намерена проходить дальше в его дом. Это уже было достаточно далеко.

Он вздохнул.

— Слушай, я хочу извиниться за прошлую ночь.

— Не говори ничего, — я покачала головой. Было бы лучше, если бы мы просто притворились, что ничего не случилось.

— Мне нужно кое-что сказать. Это было дерьмово. Я никогда не должен был целовать тебя, не важно, как много вина мы выпили, — его глаза были полны раскаяния.

— Ясно. Я тоже, — Я повернулась к двери. Две минуты наедине с Пэкстоном это уже было слишком много. Все уже начиналось снова. Воздух ощущался по-другому. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Мне нужно было убираться отсюда.

— Просто... я... — он сел на нижнюю ступеньку лестницы, нервно пробежав рукой по волосам. — С тех пор как умерла Сара, я не встречал никого, с кем ощущал бы какую-либо связь, и я готов сам себе напирать за то, что подумал, будто между нами есть связь. Это была ошибка. Я знаю, что ты замужем, — он все еще не поднимал взгляд, чтобы встретиться со мной глазами.

— Вот именно. Очень даже замужем.

— Только не думай, что я делаю такое постоянно. Просто хочу, чтобы ты это знала.

— Если ты беспокоишься о том, что кто-то узнает об этом, то можешь быть спокоен. В мои планы не входит рушить твою кампанию.

— Боже, нет. Это совсем не то, о чем я говорю, — его глаза вспыхнули. — Я пытаюсь извиниться. Я не могу объяснить, как или почему у меня вдруг вспыхнули чувства к женщине, которую я только встретил. К тебе. Я сделал глупость.

— Это была не только твоя ошибка, — я цеплялась за него так же, как и он. Исследовала его тело в темноте.

— Надеюсь, мы сможем остаться друзьями.

— Друзьями? — Это слово звучало глупо на моих губах.

— Да, друзьями. Соседями.

— Не думаю, что это возможно, — я покачала головой. Чем дольше я оставалась в его доме и говорила с ним, тем больше я хотела продолжения. Сам факт его присутствия будил во мне что-то.

— Если ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я сделаю это, но я надеялся, что мы сможем пройти через это. Назвать это ошибкой. Назвать это «одиноким вдовец сделал то, за что никогда в жизни никогда не простит себя».

— Мне нужно идти на работу. Этого никогда не случилось.

— Прости, Одри, — он встал и сделал шаг в мою сторону.

Прежде, чем он успел сделать еще хоть одно движение, я распахнула дверь у себя за спиной. Я вылетела на улицу и, кажется, успела заметить, как колыхнулись занавески в доме миссис Эллерби.

Отправившись на работу, я провела весь день, избавляясь от ненужных поделок, наводя порядок в своем столе и отмывая парты. Отскребая жвачки и оттирая пометки от карандаша со всех возможных поверхностей, я почувствовала себя лучше. Чем сильнее я терла, тем чище они становились.

Я не смотрела на часы до тех пор, пока не услышала последний звонок. В школе они звонили по расписанию круглый год, независимо от того, были ученики в школе или нет.

Я никак не ожидала, что моя карьера навсегда будет связана со школой, даже когда подавала документы на вакансию учителя. Ни для кого не было секретом, что среди учителей проводилось сокращение, но в Чарлстон Окс требовались учителя начальных классов, а получить место здесь было очень сложно.

Спенсер ни на секунду не сомневался, что у нас все сложится должным образом.

— Я работаю в новой фирме и мы только что вернулись из медового месяца. Конечно, ты получишь эту должность.

— Но весь опыт, который у меня есть, это школьная практика. Чарлстон Окс обычно не принимает учителей-первогодок, — я готовилась к плохим новостям.

Спенсер поцеловал меня в кончик носа.

— Это наш год, детка. Идеальный год для нас двоих.

Мне нравилось то, как Спенсер умудрялся видеть лучшее в каждой ситуации. Он не сомневался. Он не задавался вопросом, будет ли все как нужно. Именно поэтому он был таким хорошим юристом. Он верил в своих клиентов всем сердцем. Он защищал и боролся за них в любой ситуации. Думаю, остальные напарники воспользовались его преимуществом. Они брались за те дела, за которые никто другой не хотел, но которые могли принести хорошие деньги, отнимая довольно много времени.

Спенс был прав. Я получила работу в Чарльстон Оакс. На самом деле, я прошла собеседование во всех четырех школах, в которые подавала документы. И в конце, я сама должна была сделать выбор.

Погрузив коробку с вещами в машине, я отправилась домой. Я старалась не отводить взгляда от дороги, когда проезжала мимо дома Пэкстона. Мне приходилось избегать даже мыслей о прошлой ночи и о нашем утреннем разговоре большую часть дня.

Закрыв дверь в гараж, я проскользнула в дом. Жалюзи в кухне были опущены и я не могла видеть эту чертову магнолию.

Пэкстон забудет об этом. Мужчины не заикливаются на подобных вещах.

Он встретит красивую одинокую девушку. Кого-то, кому будет нравиться слушать его политические теории. Девушку, которая захочет появляться на снимках газет и не будет против того, чтобы стоять рядом с ним во время пресс-конференции. Она будет воспитанной и образованной, возможно, из обеспеченной семьи, вроде его. Да, он забудет меня.

Он забудет о той ночи под магнолией. Он должен.

Глава 3

В глубине моего шкафа висело черное платье, которое Спенсер всегда просил меня надеть. Я пыталась объяснить ему, что не могу носить одно и то же платье снова и снова, но сегодня я надела его без каких-либо напоминаний.

Я должна рассказать ему. Если я этого не сделаю, оно никогда не отпустит меня. Я пыталась убедить себя, что это не было просто эгоистичной исповедью. Я делала это не только для того, чтобы почувствовать себя лучше. Ничто не могла заставить меня чувствовать себя лучше. Люди, которые так считают, просто никогда не были в моей ситуации. Они не знают, какую боль причиняет чувство вины, как она давила на меня и то, что я понимала, что это не отпустит меня, пока я не расскажу ему. Это всегда будет между нами — темная, грязная тайна.

Спенс должен был узнать правду.

Он забронировал для нас столик в ресторане тем вечером. Хостесс провела нас к нашим местам.

— Пожалуйста, располагайтесь. Сейчас принесу винную карту, — с этими словами она оставила нас наедине, а я нервно начала разглаживать салфетку на коленях.

— Ты знаешь, что я люблю, когда ты надеваешь это платье, — улыбнулся Спенс.

Я кивнула. Даже комплементы от него заставляли меня чувствовать себя виноватой.

— Винная карта. Я дам вам несколько минут, чтобы выбрать, — сказал официант, положив перед нами тонкое меню из кожи.

Спенсер проглядел меню и выбрал что-то с последних страниц.

— Вот оно.

— Что?

— Сюрприз. Увидишь через секунду.

Я знала, какие вина обычно располагаются в конце и какие у них цены.

— Последний день школы не настоящий праздник, Спенс. Нам не нужно дорогое вино.

— Нет, нужно.

Официант вернулся, и Спенс вернул ему меню.

— Бутылку «Дома», пожалуйста.

Мои глаза расширились, и он улыбнулся мне.

— Спенс, я серьезно.

— Я заключил контракт.

— Что?

— Да. Я узнал вчера, но не хотел портить тебе вечер в книжном клубе. Они включили все мои пожелания в контракт.

— О, Господи. Это потрясающе. Это просто удивительно, — Я обошла стол и обернула руки вокруг его шеи. — Я так горжусь тобой. Правда, ты заслужил это, — я прижалась своим лбом к его.

— Спасибо. Я бы не смог ничего сделать без твоей поддержки.

Я ослабила свои объятия и внимательно изучила его серьезное лицо.

— Я ничего не сделала.

— Конечно, сделала. Как много жен с таким пониманием отнеслись бы к тому, сколько времени я трачу на работу? Это твой праздник настолько же, насколько и мой.

Я покачала головой. Я не могла принять то, как он превозносил меня, думая, что я была идеальной женой.

Официант вернулся с бутылкой, продемонстрировал ее Спенсу и начал церемонию открытия. Спенс одобрительно кивнул. Он поднял бокал в воздух и засмеялся.

— Я безнадежен по части тостов. Мы можем просто выпить «за нас»?

— Можем, — я не спеша сделала глоток, зная, что мое время вышло. Я не могла разрушить момент его триумфа.

Никогда нет подходящего момента, чтобы поведать мужу о своем поцелуе с другим мужчиной. Не существует хорошего способа объяснить это или облегчить боль, которую принесет подобное открытие. Но это точно было не подходящее время. Он всегда будет вспоминать вечер, когда он праздновал заключение партнерского соглашения с тем омерзительным, грязным поступком, который я совершила.

Я улыбнулась и попросила его рассказать каждую деталь контракта. Я спросила, будет ли у него новый офис и нужна ли ему помощь с дизайном. Я пила шампанское, совершенно не беспокоясь о том, как оно заставляло мутнеть мое сознание. Мы смеялись над тем, какое оно дорогое и над тем, что оно совершенно точно нам не по карману.

В конце вечера мы вызвали такси, так как никто из нас не был в состоянии вести машину. Я запрятала свои воспоминания о вчерашней ночи в самый дальний ящик сознания, когда он снял свое любимое черное платье с меня в кухне. Я расстегнула его рубашку, целуя его грудь, пока он шептал мое имя. Мои руки и ноги раскрылись для него, когда он уложил меня на нашу кровать. Я громко стонала, когда наши тела двигались в унисон, зная друг друга лучше, чем самих себя. Нет, сегодня было не время для исповеди.

Прошло четыре недели с тех пор, как я в последний раз видела Пэкстона. Никто не стриг его газон и не проверял почту. Никто не проезжал по подъездной аллее и не выходил

на пробежку. Он стал призрак. Спенс иногда предлагал пригласить его на ужин. Он думал о том, чтобы вместе сыграть в бейсбол, но к счастью, он был слишком занят на своей должности в фирме, чтобы даже вспомнить, что он предлагал это.

Я погрузилась в свои обычные летние привычки с пробежками по утрам, загоранием у бассейна днем с книгой и приготовлением ужина по вечерам по рецепту из последнего шоу «Южная жизнь».

Я бросила попытки поговорить со Спенсером о том, что случилось после книжного клуба. Я не думала, что чувство вины пройдет, но все же, это случилось. С каждым днем я все больше чувствовала себя самой собой, а не кем-то, кто поддался примитивным инстинктам. Это и правда было вино.

Я легла в пляжное кресло, раскрыв перед собой книгу так, чтобы я могла ее читать. Сегодня снова было собрание книжного клуба. Как обычно, я тянула до последнего, чтобы погрузиться в чтение. Я была рада, что мы выбрали что-то боле романтическое на лето. Я старалась игнорировать измены, которые были упомянуты в романе. Для себя я интерпретировала это как любовную историю.

Сделав глоток воды, я вернулась к книге.

— Привет, Одри.

Я подняла свои солнечные очки.

— Привет, Крикет.

— Тебя не было видно несколько недель. Как проходит отпуск? — Она приземлилась в соседнее со мной кресло.

— Хорошо, — ответила я, сделав закладку в середине последней главы. — Как раз заканчиваю книгу.

— Я дочитала на прошлой неделе. Я влюбилась в эту книгу!

— Мне осталась одна глава.

— Не беспокойся, я не выдам развязку, — она подняла руки в воздух, а мне пришлось притвориться, что меня это насмешило.

— Где дети? — у Крикет было двое прелестнейших светловолосых детей, которых я когда-либо видела. Не смотря на то, что их мать раздражала меня как звук наждачной бумаги по стеклу, я любила ее детей.

— С няней, — она намазала руки и ноги кремом от загара, после чего положила широкополую шляпу поверх очков, — жду не дождусь сегодняшнего книжного клуба. Как думаешь, сенатор будет там?

— Не уверена, — я как могла старалась не реагировать.

— Я знаю, что у нас там одни женщины, но я была бы не против, если бы он снова пришел, знаешь.

— Угу, — я притворилась увлеченной книгой.

— Если бы я не была замужем... — Крикет сходила с ума по глазам и широким плечам Пэкстона. Я была не единственной, кто заметил его длинные ресницы. Мне пришлось рассказывать про себя алфавит в обратном порядке, пытаюсь заглушить звук ее голоса. — Я имею в виду, что это очень печально, что ему приходится жить в одиночестве в этом огромном доме. Не с кем разделить кампанию. Я уверена, что его выберут. Что ты думаешь о сенаторе Хьюзе?

— Конечно.

— Ты не следила за новостями? — Крикет опустила ноги между нашими креслами.

— Не совсем, — правда была в том, что каждый раз, как только я слышала о предвыборной гонке, я переключала канал.

— Что ж, гонка набирает обороты, это без сомнений. Никто и не думал, что у действующего сенатора Хьюза есть шансы, но я начинаю думать, что он собирается побороться с Пэкстоном. Но он все равно выиграет в конце. Я это точно знаю. У сенатора Таннера очень хорошие шансы.

Я перевернула страницу, не имея представления, что я только что прочитала.

— Ты будешь голосовать за него, не так ли? — Крикет упорно подталкивала меня к разговору.

Когда мы переехали сюда, я поняла, что лучше не вступать в социальные дискуссии. Я чувствовала себя комфортно, не разделяя мнения своих соседей, но это был не тот случай. Люди вокруг нас, кажется, не очень хорошо воспринимали противоположные мнения, но это точно не стоило подобных неловких стычек у бассейна.

— Я не знаю, Крикет, — я перевернулась на спину.

— Выборы будут только через месяц, но мой голос точно пойдет за него. Это может сыграть только на руку — быть в соседстве с сенатором. Он ведь живет прямо на нашей улице. Он твой ближайший сосед. Я знаю, что ты собираешься за него проголосовать. И ты проголосуешь.

Я начала собирать свою пляжную сумку.

— Я собираюсь домой, принять душ. Увидимся вечером.

— Хорошо. Увидимся. Передай Спенсу от меня привет.

— Передам, — ответила я, когда ворота бассейна закрывались за мной.

Я не думала, что Пэкстон придет на сегодняшнее собрание клуба. Это ведь было одноразовое приглашение. Тем более, после того, как он узнал, что клуб состоит из одних только женщин, вряд ли в нем проснется желание снова там появиться. По крайней мере, так я говорила самой себе.

Я уже включила душ, собираясь смыть с себя крем для загара и пот после бассейна, когда на столике зазвонил мой телефон.

— Слушаю, — ответила я, стоя посреди ванной и прижимая полотенце к груди.

— Я уже в пути.

— Хорошо. Я как раз принимаю душ.

— Отлично. Прости, что пропустил это.

— Спенс, — я улыбнулась.

— Я позвоню, когда доберусь. Вернусь завтра вечером.

— Удачи. Я знаю, у тебя все получится. Так ты мне всегда говоришь? — Зеркало напротив меня начало запотевать.

— Именно. Но я не уверен на счет этого раза, детка. Партнерское соглашение действует только месяц, а мне уже передано дело по колумбийской компании. Боюсь, я пытаюсь прыгнуть выше собственной головы.

— Остальные, кажется, так не думают. Ты профессионал в этом.

— Что ж, если ты так считаешь, — его голос приглушался шумом мотора.

— Да, я так думаю. А сейчас я собираюсь принять душ, пока не закончилась горячая вода. Напиши мне, когда доберешься до отеля. Сегодня у меня собрание книжного клуба, я не беру туда телефон.

— Понял. Люблю тебя.

— И я тебя, — Я положила телефон на тумбочку у кровати, не заметив, что на нем остались последние десять процентов заряда.

По мере того, как я смывала с себя липкий крем для загара, я чувствовала себя все лучше. Чтобы смыть его с ног понадобилось несколько дополнительных минут.

В июле ночи в Чарльстоне были такими же ужасными, как и дни. Почти не было шансов, что я не задохнусь от духоты на улице. Я надела легкий сарафан без лифчика. Было очень жарко, так что чем меньше одежды — тем лучше.

Джил любила принимать книжный клуб у себя в саду, независимо от температуры. Они с Дэном потратили тысячи прошлым летом, чтобы обустроить патио у себя во дворе. Там был небольшой пруд с пятнистыми карпами, которые плавали в воде. Это было действительно красиво. Достойно дизайнерского журнала.

Я взяла себе стакан воды, несколько кусочков сыра и крекеры. Было слишком жарко для полноценного обеда.

— Я вернусь прежде, чем ты заснешь, — я погладила Пэппер по голове. Чтобы ему не было скучно, я оставила включенным метеорологический канал. — Следи за погодой.

Захватив свою копию «Жены солдата» и обула свои сандалии. Пока я доберусь до Джилл, я вся взмокну. Но то же самое будет со всеми. Проходя мимо дома Пэкстона, я не удержалась и бросила взгляд через плечо. В его кабинете был включен свет. Отлично. Это означало, что он будет дома сегодня ночью.

Услышав звуки вечеринки, я сразу прошла на задний двор.

— Одри! — Воскликнула Джил. — Как хорошо, что ты пришла. Мы как раз обсуждали назначение нового директора в школе. Что ты думаешь об этом?

— Я не встречалась с ним. Так что не знаю, — она провела меня в патио, где были все остальные.

— Я потратила целый год, чтобы избавиться от обязанностей управляющей. Так кто что думает об этом парне? — Она оглядела свою аудиторию.

— Я слышала, он из школы с углубленным изучением предметов в Ралли, — сказала Тина, как всегда высунув свой нос. — Кажется, никто толком ничего о нем не знает. Разве родители не должны быть в курсе того, кто управляет нашей школой?

Джил встала рядом с ней, положив одну руку на ее плечо, а в другой держа бокал с маргаритой.

— Конечно, должны. Мы обеспечиваем их зарплату. Вот почему я столько лет возглавляла родительский комитет. Но я пропустила один год. Один год. И посмотрите, что случилось.

— Никто не винит тебя. У тебя достаточно собственных проблем с родителями. Мы понимаем, — Тина похлопала ее по плечу.

Я знала, что родители Джил больны. Им было за восемьдесят, и они оба страдали старческим маразмом. Какое-то время она старалась проводить у них одну ночь в неделю, но от частичного ухода им не становилось лучше. Так что теперь она проводила больше времени в их доме, чем в своем собственном. Мне было интересно, как дети воспринимали ее отсутствие.

Джил повернулась ко мне.

— Может, ты смогла бы разузнать что-то в школе на этой неделе и рассказать нам? Хоть что-нибудь. Я схожу с ума, находясь в неведении. Это очень оскорбительно, что никто даже не поставил меня в известность.

Она хотела, чтобы я поддержала ее. Она хотела, чтобы я согласилась со всем и сказала, как это ужасно, что совет попечителей не спросил ее мнения. Но совет оплачивал мою зарплату, а новый директор был моим боссом. Я не собиралась вставать на эту скользкую дорожку.

— Я собираюсь взять себе что-нибудь выпить. Сейчас вернусь, — я скользнула между Джил и Тиной и, как можно быстрее, убежала туда, где были подносы с маргаритой.

В кухне также стоял кувшин с сангрией. По крайней мере, по апельсинам, плавающим на поверхности, я могла предположить так. Я налила напиток в высокий бокал, позаботившись о том, что мне также достался и кусочек фруктов.

Прежний спор утих, и я вернулась в патио, чтобы узнать, что же могло остановить рьяное обсуждение нового директора школы.

Что он здесь делает?

Я встретила его взгляд и быстро попыталась притвориться, что мой бокал с сангрией интересовал меня гораздо больше. Ладони моментально вспотели. Я делала все, чтобы избежать этого момента, но, тем не менее, он был здесь.

— Сенатор Таннер, мы так рады, что вы снова к нам присоединились, — Крикет тут же подорвалась из своего угла в саду.

— Я еще не сенатор, — опроверг он.

— Но вы ведь можете им стать. Проходите. Мы нальем вам выпить. Сегодня очень жарко, вы не находите? — Лепетала Крикет, повиснув на его плече.

Я стояла как вкопанная. Если я сбегу слишком быстро, то станет очевидно, что я избегаю его. И вообще, почему я должна его избегать? Ничего не случилось. Мы ведь согласились на этом. Месяца было вполне достаточно, чтобы все забыть.

— Одри, — он медленно произнес мое имя. — Рад тебя видеть.

— Привет.

— Мы говорили о вас сегодня в бассейне, — сообщила Крикет.

— Правда? — Пэкстон повернул голову. Его глаза старательно пытались найти во мне какое-то подтверждение этого.

— О выборах, — сказала я.

— Точно. Выборы, — он выглядел разочарованным, но возможно, я просто старалась увидеть слишком много в его реакции.

— Что вы собираетесь делать с сенатором Хьюз? — Тут же спросила Крикет.

— То же, что и всегда. Я собираюсь продолжать выявлять и предлагать решение проблем. Хьюз хочет поиграть в старые политические игры. Он может делать, что ему угодно. Но я не собираюсь опускаться до его уровня.

— Но вся его кампания уже переходит всякие границы. Я ни за что не поверю и в половину тех сплетен, что он насобирал о вас, — Крикет благоговейно глядела на него.

— Я очень ценю вашу поддержку.

— Всегда к вашим услугам. Если я могу чем-то помочь вашей кампании, только дайте мне знать.

— Очень мило с вашей стороны. Если что-то случится, я знаю, кому позвоню в первую очередь, — он засмеялся, и Крикет передала ему напиток.

— Я скоро вернусь. Джил нужна помощь с закусками, — с этими словами она ушла в кухню, оставив нас с Пэкстоном стоять у живой изгороди вдвоем.

— Не думала, что ты сегодня придешь, — я посмотрела на его лицо, ища объяснения,

хоть и знала, что он не обязан отвечать.

— Я решил это в последнюю минуту. Миссис Эллерби поймала меня на подъездной дорожке, поэтому у меня не оставалось выбора.

— Она может быть убедительной.

Я вздрогнула, когда поняла, что он начал оттеснять меня в угол. Я поймала взгляд Пэкстона, направленный на мое плечо.

— Я хотел увидеть тебя, — сказал он, следя взглядом за карпом, плавающим в пруду.

— Я не понимаю, о чем ты. Ты не можешь так говорить, — я покачала головой, после чего вынуждена была изобразить улыбку, так как Крикет вернулась в патио с тарелками пасты и закусок.

— Позже. Мы поговорим позже, — он ушел в сторону до того, как я успела отказаться.

Джил выключила музыку.

— Ну что ж, начнем. Думаю, сегодня намечается интересная дискуссия.

Я спряталась за Тиной, ожидая, что Пэкстон сядет первым. Я не собиралась находиться в какой-либо близости к нему.

Не могу сказать, о чем вообще была дискуссия. Ни одной фразы. Все говорили. Кроме меня. Я не могла делать ничего, кроме того, как пить сангрию и кивать в ответ на комментарии. Я должна была предположить, что все пойдет по такому сценарию. Предположить, что мужчина, который разбавлял нашу женскую компанию, увлечен мной. Кандидат в сенаторы шептал мне на ухо, спрятавшись в углу. Все это было теперь в моей голове. Ничто из этого не казалось хоть немного реальным. Моя жизнь была размеренной и чистой. Она не включала в себя тайны и моменты слабости.

В конце концов, я пришла к выводу, что лучше сбежать через задние ворота на другой стороне двора и вернуться к своей беззаботной жизни. Пэппер будет ждать меня дома на диване, посапывая и разглядывая меняющиеся картинки на экране.

Джил ушла в дом, чтобы приготовить десерт. Я могу написать ей завтра с извинениями и сказать, что у меня внезапно разболелась голова. Миссис Эллерби и Пэкстон что-то увлеченно обсуждали. Я вылила последний глоток сангрии в кусты и поспешила к выходу.

Только очутившись снаружи, я смогла почувствовать себя лучше. Дом остался позади меня. Пэкстон остался позади, рассказывая о своей предвыборной кампании и объясняя, что, по его мнению, политический разрыв будет означать для Южной Каролины.

Я широко раскрыла руки, вдыхая ночной воздух жадными глотками. Еще не свернув за угол, я услышала первые раскаты грома. Я огляделась вокруг, но было слишком темно, чтобы увидеть, откуда надвигаются тучи.

Я прохлаждалась слишком долго. Я почувствовала, что будет дальше еще до того, как все произошло. Как только я услышала звук своего имени, мой позвоночник выпрямился сам собой.

— Одри, подожди, — Пэкстон бежал следом, пытаясь догнать меня.

— Скоро пойдет дождь, — я постаралась уйти как можно быстрее, зная, что не могу позволить себе остановиться. Мы не могли обмениваться любезностями. Уж точно не сегодня.

— Подожди, — его рука легла на мое плечо, и я обернулась.

— Не надо.

— Вот, — он протянул мне мою копию «Жены солдата». — Ты забыла свою книгу.

— Оу. Я... — Я была сражена чувством стыда.

— Ты слишком торопилась уйти, — он пошел рядом со мной, стараясь не отставать ни на шаг.

— Я подумала, что скоро будет гроза. Спасибо за книгу, — я прижала копию к груди.

— Гремит довольно близко, — он оглядел небо.

Я немного ускорила шаг. Дом Джил находился на противоположной стороне улицы от нашего.

— Да, кажется так.

— Как проходит лето? — Спросил Пэкстон.

— Хорошо. Я все время занята.

— Я тоже, — он засмеялся, и от этого звука в моем животе разлилось тепло. Я закрыла глаза. Мне казалось, что я переборола это чувство.

— Как кампания? — Мне показалось, что это самый безопасный вопрос, который я могла задать.

— Хотя я и сказал Крикет, что все хорошо, но на самом деле, это больше напоминает собачьи бои. Оказывается, людей не заботят общие проблемы так, как меня.

— Звучит как ужасный аргумент для капитуляции. Что случилось со всеми твоими идеалами?

Он спрятал руки в передние карманы своих брюк цвета хаки.

— Они все еще есть у меня. Но оказалось, что мне в любом случае придется играть в те же игры.

— Это печально.

— Так и есть, но если я не смогу попасть в сенат, я ничего не смогу с этим сделать. По крайней мере, если я выиграю, у меня будет почва под ногами. Так что приходится убеждать себя, что путь не важен. Гораздо важнее пункт назначения, — он пнул консервную банку в сторону с тротуара. — Пути назад нет.

— Но тогда получается, что ты ничем не лучше всех остальных. Сенатора Хога и кого бы то ни было еще. Ты обычный политик. Выбиваешь свои голоса, говоря все, чего от тебя ждут. Играешь для прессы, — я прикусила губу. — Господи. Это было грубо. Я не должна была так говорить.

— Нет. Мне нужно было это услышать. Ты довольно хорошо видишь сквозь все это дерьмо. И не прикидываешься лапочкой, говоря мне все, что я хочу услышать. Мне нужен кто-то, кто скажет мне правду.

Позади нас послышался раскат грома. Я почувствовала, как первая холодная капля упала мне на руку. И подняла глаза.

Если Пэкстон и почувствовал дождь, то не подал вида.

— Послушай, я знаю, что мы не общались уже месяц, но я не могу перестать думать о том разговоре. Ты почти бросила мне вызов.

— Я не подразумевала этого, — ответила я.

Еще одна тяжелая капля упала мне на щеку. Я смахнула ее и еще прибавила скорости.

— Я знаю. И я помню, что обещал оставить тебя в покое. Но...

Тучи уже были прямо над нами.

— Нам лучше бежать, — я сделала то, что и собиралась, в то время как капли дождя падали на нас уже с пугающей частотой. Каждая еще тяжелее и крупнее, чем предыдущая.

Пэкстон схватил меня за руку и потащил сквозь завесу дождя.

— Быстрее!

Снова прогремел гром, и через минуту улицу осветила вспышка молнии. Все, что я могла видеть это его промокшую рубашку, в то время как мы неслись по лужам на тротуаре. Он затащил меня вверх по ступенькам и закрыл за мной дверь.

Мы были в его кухне. Я прислонилась к двери. Мои волосы намокли. С платья лилась вода, и оно прилипло к коже.

Я перевела дыхание и начала следить за его пальцем, который уже спускался в ложбинку между моих грудей.

— Боже, ты прекрасна.

Его рот атаковал мой в грубом, пьяном поцелуе. Мои руки обвились вокруг его шеи, втирая капли дождя в его кожу, притягивая его ближе, глубже ко мне. Я боролась с этой слабостью в своей голове, но все, что я смогла, это застонать, когда он стянул с меня платье и посмотрел на меня глазами, полными обожания. Он отнес меня в свою постель. Я могла бы запротестовать, но вместо этого я поддалась инстинктам.

Дождь стучал по крыше в то время, когда я отдавалась ему. Он был страстным и уверенным. Но не был груб, но не давал мне и секунды, чтобы задуматься над тем, что мы делаем. Его руки исследовали каждый сантиметр моего тела, разжигая меня поцелуями.

Он снова и снова повторял мое имя, наполняя меня своим голосом. До тех пор, пока мое тело не стало его. И даже когда я уже не понимала, где я и кто я, он не прекращал прикасаться ко мне. Тогда я уже знала, что окончательно пропала.

Глава 4

Я не собиралась заводить интрижку с Пэкстоном. Я не была такой женой, которая изменяла своему мужу. Я никогда не предполагала, что я такая девушка. Обманщица. Лгунья. Это не я. Я говорила себе, что счастлива в браке. Он подходит мне. Впрочем, я также никогда не собиралась пересекаться с таким мужчиной, как Пэкстон. Я знаю, что не достаточно пыталась.

Мы виделись практически каждый день. С его предвыборной кампанией это было непросто, но он уместил меня в свое расписание. Я была дома каждый день, весь день, в ожидании его сообщений, подпрыгивая от каждого телефонного звонка.

Поначалу, я думала, что это была только случайная связь на одну ночь. Ночь, которую я могла бы добавить к моему растущему списку сожалений. Я могла бы снова держаться на расстоянии от него. Ни какого больше книжного клуба. Никакой больше работы в саду. Я могла бы пропустить выборы в этом году.

Но на утро после ливня, я прошла по дорожке между нашими домами, и кое-что выяснила. Я хотела его. Не важно, что это неправильно и подло. Он что-то пробудил внутри меня, я не думала, что это возможно. Это не было страстью, — нет, это было слишком просто. Он заставил меня почувствовать себя многослойной и сложной. Простота моей жизни осталась похороненной под его простынями.

Иногда я могла просидеть у окна, вспоминая какой он на вкус, пытаюсь представить его тело надо мной. Я могла просиживать часами за воспроизведением наших встреч. Я никогда не приводила его в наш дом. Я стала таким параноиком из-за того, что кто-то мог увидеть мою рискованную попытку пройти через его переднее крыльцо, поэтому он сделал для меня ключ, чтобы я могла входить в заднюю дверь. Я могла проскользнуть под изгородью нашего двора абсолютно незамеченной с улицы.

Это было волнительно. Это опьяняло, и хуже всего то, что это было привлекательно. Мне было не достаточно Пэкстона, и я знала, что и ему было недостаточно меня.

— Скажи, куда мы могли бы поехать, если бы ты могла выбрать любое место в мире, — он провел пальцами по моим волосам, позволив им рассыпаться по моим плечам. Мы переплелись друг с другом на полу его гостиной, наша одежда была разбросана по мебели.

Я подумала про свой стандартный ответ: Европа. Он не хотел стандартного.

— Я никогда не была в Новой Зеландии. Думаю, мы могли бы попытаться съездить туда. А ты был там?

— Не-а. Вообще-то, я хотел сходить в пеший поход по малонаселенной местности, когда учился в колледже, но так и не совершил его. В итоге, я проработал помощником судьи все лето.

— Прозвучит ли слишком занудно, если я скажу, что всегда хотела попасть на съемочную площадку «Хоббита»?

Он засмеялся.

— Мне нравятся зануды.

Мы проводили так дни, и некоторые ночи. Спенсер проводил одну ночь в неделе в Колумбии по просьбе партнеров. Он сказал, что сделка по покупке небольшой фирмы была практически завершена. Он чувствовал это. Если он приведет их в другую область, это принесет им миллионы прибыли. Колумбийская фирма специализировалась на земельном судопроизводстве, тем, чего не хватало фирме Спенсера.

У меня не было плана. Мне и не хотелось. Чувство новизны разгоралось во мне, Пэкстон подталкивал меня к большему. Я говорила себе, что могу отказаться в любой момент. Я могу прервать все и вернуться к своей прежней жизни, но он знал, что я не хотела этого. Я страстно желала его. Мне было необходимо то, как он заставлял меня чувствовать. Это стало зависимостью. Он подпитывал ее каждый раз, когда я заползала в его постель. Только, уходя опьяненной, я жаждала большего.

Я пыталась не сравнивать их. Они были разными мужчинами — мой муж и любовник. Однако, существовали проблески жизни, когда я была с Пэкстоном, от чего я задумывалась — каково это быть его женой. Останемся ли мы такими страстными, или провалимся в свои собственные привычки? Хочет ли он вообще жениться снова?

Он хранил фотографию Сары на комод. Я случайно переворачивала ее лицом вниз, когда заходила в комнату, перед тем как разделить кровать с ее мужем. Я была единственной обманщицей в этих отношениях, но я не хотела видеть ее лицо, пока спала кожа к коже с мужчиной, которого она любила. Это облегло мою чувствительность к лежащей рамке на комод.

Я думала, что если бы это был просто секс, я могла бы покончить с ним, когда начнутся школьные занятия, но я чувствовала привязанность и преданность к Пэкстону. Он не просил этого. Он только просил моего времени. Изредка, она хотел моего присутствия на предстоящей речи, которую он произносил. Иногда, он спрашивал мое мнение о Хьюзе, поскольку мы были на одном политическом уровне. И он хотел мое тело. Боже мой, как он хотел меня.

Занятия начинались на следующей неделе. Несколько рабочих дней было запланировано, перед возвращением учеников. В первые, я страшилась этого.

Я не хотела отказываться от своего летнего хобби. Все стало бы сложнее. Я не знала, откуда мне выделять время для Пэкстона. Я продолжала говорить себе, что мы найдем

выход. Он должен быть уверен, что выход есть.

Сегодня последняя поездка Спенсера в Колумбию. Он сказал, что в эти выходные мы пойдем отмечать покупку. Эта встреча была больше формальностью, — объяснил он. Он встретиться с партнерами за напитками, после ужина.

Звучало скучно. Я предложила сопровождение, но он заверил, что это только по работе, никаких жен. Я не протестовала.

Быстро написала Пэкстону.

«Нужна компания?»

Я подняла розовый пакет из торгового центра, и спрятала его на дно своего шкафа, под зимние ботинки.

«Только твоя»

Я потеряла атласную шнуровку, которая едва сдерживала кусочки прозрачной ткани вместе. Я никогда не покупала белье раньше. Мои подружки подарили мне обычную забавную корзинку с секс-игрушками и липкими аксессуарами на моем девичнике. Я никогда не собиралась одевать комплект с оборками. Спенсеру я нравилась в футболках или в каком-нибудь комплекте пижамы, которую я натягивала.

То, что я держала в руках, было отличным от тех глупых подарков. Оно было намеренно и тщательно подобрано. Подобрано для Пэкстона. Я держала это перед собой, представляя, как он пожирает меня взглядом, снимая это с моего тела. Может, он захочет оставить его на мете. Я запахнула его на дно своей сумки и перекинула ее через плечо.

Иду.

Я почувствовала запах чеснока, как только вошла на кухню. Пэкстон стоял у плиты с завязанным на талии фартуком.

— Ты готовишь?

Он засмеялся.

— Я многое умею.

— Да, умеешь, — я провела пальцами вдоль его шеи. — Что готовишь?

— Я подумал, что мог бы угостить тебя своей фирменной пастой с креветками.

— Ммм, звучит аппетитно.

Он подбросил креветки на раскаленной сковородке.

— Хочешь вина? — спросил он.

— Ага, — я вытащила охлажденную бутылку из холодильника. — Как прошло интервью сегодня? — я боролась с пробкой.

Он потер шею сзади. Теперь я знала, что это был первый знак, что он не был настолько расслабленным, насколько хотел, чтобы я думала. В фартуке он выглядел игриво, но вес кампании душил его.

— Хьюз подрезает меня на каждом шагу. Не знаю, как он это делает, но он подпитывает репортеров всевозможными обвинениями. Ощущение, как будто я шел на расстрел, а не продемонстрировать свою добрую сторону. Предполагалось, что это должно быть незначительной фигней, а не тем дерьмом.

— Так плохо? Было что-то новое? — я протянула ему прохладный бокал вина.

— Большинство таким же. Кое-что новое. Но я знаю, почему он делает это.

— Почему? — мои ноги свисали с кухонного островка. Мне нравилось наблюдать за ним на кухне.

— Сегодня вышел рейтинг. Я впереди на два очка.

— Да? Это великолепно!

Он добавил еще больше креветок в сковороду.

— Да, за исключением того, что теперь начнется настоящее поливание грязью. Он не собирается сдаваться без боя. Он просидел в этом кабинете так долго, что стал уверенным, что никто больше не имеет права сидеть в нем. Пришло время все изменить в сенате.

— Какими были обвинения? Разве есть что-то еще на тебя?

— Девушка, с которой я встречался в колледже. Она сказала, что забеременела от меня.

— Что?

Он выключил газ под сковородой, наконец-то, повернувшись ко мне лицом.

— В свой выпускной год в Цитадели, я встречался кое с кем.

— Но я думала, что вы с Сарой были влюблены с колледжа, — мы не разговаривали об этом, но мой своевременный онлайн поиск в тот день, когда мы познакомились, составил примерное представление.

— Да, — проглотил полбокала вина. — Но было время перед каникулами, когда мы не были уверены, к чему все идет.

— И ты переспал с кем-то еще? — я попыталась сдержать все осуждение в голосе. Оно сочилось в каждом слого.

— Звучит плохо. Выглядит плохо. Но Сара хотела расстаться, и мы не проводили рождество вместе в том году. Я поехал покататься на лыжах с несколькими друзьями, и подцепил эту девчонку на курорте. Все было кончено до начала семестра. Сара поменяла свое мнение, мы снова были вместе, и я никогда не рассказывал ей. Я не видел смысла причинять ей боль.

— И только сейчас объявилась эта лыжница?

— Она никогда не связывалась со мной. Никогда. Я не знаю, как люди Хьюза раскопали о ней. Я даже не уверен, что это она.

— А ребенок?

Он покачал головой.

— Эта часть самая безумная. Они обвинили меня в том, что помог оплатить ей аборт, идя против воли ее родителей. Я припугнул ее, чтобы помалкивала, и заплатил за хранение секрета от прессы и Сары. У них есть снимки, как она покидает клинику.

— О Боже, — я дернула ногами. — Это уничтожит твою кампанию.

— Репортер придержит историю ради меня до выходных, но потом она выйдет на первые страницы воскресных газет.

— Ты кажешься ужасно спокойным по этому поводу. Разве ты не должен докопаться до истины? Попытаться разыскать эту женщину?

— У меня есть люди, которые сделают это за меня. Я действительно ничего не могу поделать с этим. Я опроверг обвинения. Теперь очередь моей команды замять историю. Мне повезло, что мой отец владеет приличной частью издательских контор.

— Так, по этой причине, она придержит историю? Не потому что дает тебе шанс доказать свою невиновность? — спросила я. — Она оказывает твоей семье услугу.

— Так было всегда.

Не знаю, почему была разочарована. Полагаю, что я надеялась, что репортер поверит в ту информацию, которая очистит имя Пэкстона, и выставит историю неэтичной.

— Если тебе нужно разобраться с этой историей сегодня, я пойму. Мы можем все отменить, — не было бы другой ночи, как эта в ближайшее время, но я все равно

предложила.

— Нет, — он запечатлел поцелуй на моих губах, вкус вина задержался на них. — У меня есть люди. Они позаботятся об этом. Нам нужна сегодняшняя ночь. Ты нужна мне сегодня ночью, — его глаза вспыхнули.

— Разве нет ни одной частички тебя, которая задумалась о том, был ли ребенок? Или есть ли ребенок? — не знаю, почему я продолжала цепляться за эту тему. Он должен был быть более расстроенным.

Он пожал плечами.

— Полагаю это возможно, но что я могу поделать сейчас? Я даже не знаю ее имени. Мои родители ведут публичный образ жизни. Если бы ей нужна была помощь, она бы разыскала меня много лет назад. Я просто не повелся на это.

Он обхватил мое лицо своими ладонями.

— Это грязная сторона политики. Люди фабрикуют истории. Они пытаются разорвать тебя. Они не остановятся, пока не уничтожат твою кампанию.

— Тогда почему ты занимаешься этим? Почему тащишь себя туда?

— Потому, что я могу сделать это. У меня нет скелетов в шкафу, — он отступил, чтобы вылить пасту в дуршлаг в раковине.

Я откашлялась. На самом деле, иронично. Я на его кухне, наблюдаю, как он готовит ужин для нас. Я — замужняя женщина. Он — вдовец. И после того, как мы закончим есть и допьем последнюю каплю вина, я натяну клочок той ткани для него. Наверняка, мы даже не выйдем из кухни. Я позволю ему взять меня на столе или на островке. Мою кожу покалывало от мыслей его прижимающегося тела ко мне. Но он не думал о нас, как об интрижке. Мы не были частью того грязного белья, которые его оппоненты могли раскопать. Пэкстон либо наивен или слишком самоуверен, чем я признавала.

— Ты же думал о поиске другого поста, после победы на выборах?

— Я планировал. И мне нравится такая позиция. Ты проделала длинный путь после нашего первого разговора об образовании.

— Ты же знаешь, что я буду голосовать за тебя.

— Безусловно, — он потер своим большим пальцем мою нижнюю губу.

— Какой следующий пост? Какая твоя следующая кампания?

— Ну, это не для общедоступного сведения, — он начал натирать несколько сортов сыра.

— Думаю, я доказала, что могу хранить секреты, — поддразнила я.

— Это ты умеешь, — он вытер руки об фартук и взял емкость со специями, читая каждую этикетку. Он был аккуратен на кухне. — Есть несколько экспертов в политическом прогнозировании. Мы провели несколько. У меня было несколько встреч, и мы начали пробивать наши взгляды на пост губернатора.

— Ты хочешь стать губернатором Южной Каролины?

— Не надо так удивляться.

Пэкстон был адвокатом, или, по крайней мере, имел юридическое образование, но никогда не обсуждал дела. Он был профессиональным политиком. Подготовленным и сформированным для этой роли. Губернатор — влиятелен и могуществен. Прозвучит амбициозно, но если он захочет, я знала, что он им станет. Он был тем мужчиной, который добивался того, что хотел.

— Нет. Думаю, ты станешь прекрасным губернатором. Одним из сексуальных, это

точно, — я подмигнула ему.

Он бросил пасту пошел прямо ко мне, его губы скользнули по моим.

— Ты намекаешь, что я добьюсь поста губернатора, только из-за своей сексуальной привлекательности?

Я глубоко вдохнула.

— Что-то типа того, — я хотела поцелуя, который оставит меня бездыханной.

Его палец очертил мое горло.

— Это прозвучало довольно по-сексистски.

— И как ощущения? — я выпятила подбородок вперед.

Его глаза опустились на мои губы.

— Ты пытаешься спровоцировать меня на разговор о том, как объективизированы женщины в политике, а мужчины нет?

Я изучала его, его темные, сексуальные глаза, прямоугольные черты его челюсти, то, как его губы, казалось, всегда готовы улыбаться.

— Ох, думаю, ты был довольно таки объективизирован, — я испустила смешок.

— Это так?

Он развернулся на каблуках и вернулся к подготовке тарелок, оставив мои не целованные губы наливаясь тяжестью.

— Знаешь, все в книжном клубе собираются голосовать за тебя, — я прыгнула с островка и наполнила заново свой бокал. — Все, что я слышу от них, — насколько *невероятен* Пэкстон Таннер.

— Мне нравится думать об этом, потому что у меня твердая позиция по проблемам женщин, — его брови нахмурились. — Я действительно подталкиваю рост заработной платы в каждом округе.

— Пэкс, ты же знаешь, что я играю с тобой, — я сжала его плечо.

Я хотела обернуть наш разговор во что-то легкое. Я чувствовала, что он напряжен из-за ситуации с Хьюзом, так же он пытался не позволить этому помешать нашему вечеру. Я не хотела, чтобы он убеждал меня, что будет бороться за права женщин.

— Эти проблемы волнуют большинство людей, а не как горячо ты выглядишь на обложке журнала.

— Горячо? — спросил он.

— Да. Я могу сказать, что ты горяч.

Он усмехнулся.

— Голоса они и есть голоса, полагаю.

— Так и есть. Ты всегда говорил мне, то не имеет значения, как ты добился этого, только то, как долго ты этим занимаешься. Ты показал всем женщинам, что можешь помочь им с поста сенатора, — я замолчала. — Или губернатора.

Он улыбнулся.

— Мне нравится, как ты говоришь это.

Не знаю, почему я покраснела. Я чувствовала, будто плаваю с ним на краю пропасти, и гордилась. Я заставляла его улыбаться.

— Ужин готов, — он зажег свечу в центре стола. — Надеюсь, тебе понравится.

— Пахнет вкусно. Уверена, будет великолепно, — я наколола креветку и подула, чтобы остудить ее.

— Заняло много лет, подгоревших креветок и сырой пасты, чтобы она получалась

правильно.

Я хихикнула. Вино было крепким. Пэкс сказал, что оно было из того, что он импортировал. Я была впечатлена его кулинарными навыками. Еда была приправлена правильным количеством приправ.

— Я рад, что ты проведешь здесь ночь. Мне нравится просыпаться с тобой.

— Мне тоже, — я улыбнулась.

— Мне не нравится спать одному, — его голос стал ниже.

Я посмотрела на него.

— Сегодня не будешь.

— Разве ты не думаешь, что мы должны что-то изменить в нашем положении? — он подлил в мой бокал.

— Изменить? В смысле?

— Я хочу этого, Одри. Я хочу тебя.

Мое сердце заколотилось так же, как и когда его руки на мне.

— Ты просишь меня уйти от Спенсера?

— Я думал, что в этом направлении мы движемся, — заявил он, как ни-в-чем-не-бывало.

— Это так? — спросила я. Когда началась наша интрижка, я предполагала, что она закончится. Роман закончится. Но конец никогда не был ясен для меня. Не могла представить, как смогу уйти от Пэкстона.

— Да. Это так, — он убрал со стола, складывая тарелки в раковину. — Допивай свое вино.

Я сделала, как он попросил.

Он задул свечу на столе.

— Пойдем со мной, — он вышел из кухни.

Я поспешила за ним, пытаясь догнать. Он прошел через гостиную и коридор. Поднялся по лестнице. Я никогда не видела комнаты на втором этаже. Хозяйская спальня была на первом этаже. Я следовала за ним шаг за шагом.

Было темно. Я добралась до верха и не заметила, в каком направлении он повернул.

— Пэкстон? — я медленно двинулась, ожидая его ответа. — Пэкс? Где ты? — я слышала звуки его дыхания. — Ну, правда, где ты? Я спущусь вниз.

Я положила руку на перила, когда почувствовала грубые руки, кружащие на моей талии. Его рот прижимался к моему уху.

— Скажи мне, что любишь меня, — его руки прошли по моей шее, сжимая грудь, потом скользнули вдоль моего живота. — Скажи мне.

Охваченная пламенем, я прижалась к нему, желая, чтобы он взял меня прямо здесь. Его зубы впились в мою шею сзади, его руки развели мои ноги.

— Скажи мне, Одри.

— Я люблю тебя, — я никогда не говорила ему этих слов раньше. Это было таким же нереальным, как и поцелуй под магнолией.

Он вцепился в мои бедра, раскачивая меня напротив себя. Он был твердым.

— Скажи, что хочешь быть моей.

Я закрыла глаза. Это проверка. Я не хотела провалиться. Его руки стянули мои шорты на пол.

— Скажи мне, — выдохнул он.

Я прошептала в темноту:

— Я хочу быть твоей.

— Это все, что мне нужно было услышать, — он поднял меня и понес по коридору, укладывая на кровать.

В темноте, мы нашли друг друга. Отчаянно нуждаясь в нем, я всхлипывала и умоляла, пока не ощутила, как его кожа скользит по моей. Он был настойчивым и решительным, заявляя на меня свои права. Я задыхалась от изнеможения и выкрикивала его имя, когда мы распадались на части практически одновременно. Я засыпала, Пэкс все еще был внутри меня, его вес накрывал мое тело.

Когда я проснулась, потянулась к нему, но под одеялом было пусто. Все еще темно. Я перекатилась на свою сторону, закрывая глаза, когда сон снова нашел мое изможденное тело.

Я потянула руки, мое обнаженное тело болело, и было удовлетворенным. Я села прямо и оглядела комнату. Это была обычная гостевая спальня. Я не знала, почему он взял меня здесь прошлой ночью, но подобрала его футболку и скользнула в нее через голову. Я побрела вниз по лестнице, надеясь, что он сделал кофе.

Я остановилась перед его кабинетом.

— Доброе утро, — сказал он одними губами. Он разговаривал по телефону.

Я указала на кухню, и он улыбнулся. Я надеялась, что он получил хорошие новости по поводу обвинений, с которыми столкнулся. Что за человек будет заниматься такой фигней? Я была рада тому, что смогла отвлечь его. Кампания становилась ужаснее, и Пэксу был необходим кто-то, с кем бы он мог поговорить обо всем. Кто-то кому он мог доверять. Он нуждался во мне.

Сливки и сахар стояли на островке. Я добавила их в свою чашку.

Я держала ее у подбородка. Был ли он серьезен прошлой ночью? Хотел ли он, чтобы я ушла от Спенсера? Была ли я той женщиной, которая могла бы уйти от своего мужа? Если я была той, кто обманывает, может и такой тоже была. Потом я подумала о вспышке надежды в этом. Может, нам суждено было встретиться с Пэкстоном. Может, я не была обманщицей. Может, это настоящая история любви, наша история. А потом я подумала о Спенсе и закрыла глаза. У меня и с ним была история любви.

Звонок Пэкстона длился полчаса. Я помылась, потом оделась и ополоснула свою кружку из-под кофе. Я просунула голову в его кабинет.

— Я собираюсь пробежаться и вывести Пэппера.

— Хорошо. Но возвращайся скорее. Я хочу провести немного времени с тобой этим утром.

— Разве ты не идешь на ланч с «Дочерьми Революции»? — спросила я.

— Иду, но ничего нет до этой встречи. Что дает нам достаточно времени, чтобы закончить наш разговор.

— О, — замялась я.

— Я это и имел в виду, Одри. Мы будем вместе. Мы просто должны выяснить как. Я хочу жить с тобой.

— Пэкс... — то, что я сказала в темноте, — это не настоящая я, или это была в большей степени я, чем осознавала? Был ли он тем единственным, кто показал мне, чего я действительно хочу от жизни? Я знала, что не смогу принять такое решение так быстро. Это не только моя жизнь. Она и Спенсера тоже.

Прошлой ночью я была другой женщиной, и мы оба знали это. Я сказала, что люблю его.

— Ладно, я скоро вернусь, — я оставила его разбирать свою почту. Я схватила ключи с крючка и вытащила свои из сумки. Это произошло на кухне. Была и другая причина, по которой я не могла показываться перед теми стервами.

Я пересекла кусты до места, где соединялись наши задние дворы. На другой стороне я заметила синие огни и полицейскую машину, припаркованную у моей подъездной дорожки.

Моей первой мыслью стало то, что что-то случилось с миссис Эллбери, но не было скорой помощи, а машина стояла здесь, а не через дорогу. Это не имело смысла.

Ощущение, как будто вирус захватил мое тело. Мои ноги задрожали, во рту пересохло. Я почувствовала внезапный жар на своих щеках.

Я споткнулась на заднем дворе, все время, слушая лай Пэппера внутри дома. Он подпрыгивал, чтобы выбраться наружу. Я пошла прямо к мигающим огням, но там никого не было. Я встала рядом с машиной.

— Миссис Кингстон? — офицер вышел из-за передней части дома. Он держал фуражку в своей руке.

— Н-да? — мои коленки дрожали так сильно, что я схватилась за капот машины, чтобы удержаться.

— Мы можем зайти на минутку? — он сгреб волосы наверх, где они упали.

— К-конечно. Что происходит? — я пыталась подумать, в каком направлении идти. Гараж был закрыт. Передняя дверь была закрыта, а Пэппер выл на заднюю дверь, в поисках свободы.

— Давайте зайдём внутрь на минуту, — он ждал, когда я покажу ему дорогу. — Я стучался некоторое время. Вы выходили?

Я кивнула.

— Да. Я ходила на прогулку, — я набрала код гаража. Мои нервы не выдерживали этого. Я посмотрела на свои шлепки и хлипкие шорты. Он не поверит, что я выходила в этом на секунду.

Я заметила, что он провел рукой по капоту моей машины, а потом полу-улыбнулся мне.

Я открыла дверь, и Пэппер прыгнул на нас. Он вилял хвостом и лизал мою ногу.

— Успокойся, Пэппер. Успокойся.

— Похоже, он давно вас не видел, — прокомментировал офицер.

— Он всегда такой, — я прогнала собаку на задний двор. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить, офицер?

— Нет. Думаю, нам стоит присесть.

Дрожь восстановилась, на этот раз колотились мои плечи.

— Что? Что случилось? — я хотела, чтобы он высказал все.

— Это всегда самая тяжелая часть моей работы, мадам, — он замолчал, и я подумала, что вылезу из кожи вон. — Нет легкого способа принести такие известия, — он кашлянул в кулак. — Сегодня утром произошел несчастный случай.

— О, Боже. Что за несчастный случай? Кто? Кто?

— Это ваш муж, — его губы вытянулись в тонкую линию.

— Спенсер? Где он? Он в порядке? — я судорожно искала свой телефон, понимая, что он остался заряжаться на кухне Пэкстона.

Офицер покачал головой.

— Мне жаль. Его убили.

— Убили? — слово прозвучало мерзко.

— Я понимаю, что это очень шокирующе, но машину вашего мужа нашли на обочине, недалеко от залива Трентер.

— Автомобильная авария? Он попал в автомобильную аварию? — я продолжала повторять слова, пытаясь понять строчки того, что казалось невообразимым. Комната казалась размытой. Я обернулась пледом со спинки дивана, но дрожь не прекратилась.

— Это не просто автомобильная авария. Его застрелили. Мы считаем, что он погиб мгновенно, и в следствии, произошла авария.

— Застрелили? В этом нет смысла. Залив Трентер находится недалеко от города. Это не правда, — я встала, скинув плед. Я покачала головой. — Нет, вы нашли не того Спенсера. Мой муж в Колумбии прямо сейчас. Он завершает сделку. Это не он. Вышла путаница, — я чувствовала себя лучше. Мне стало страшно за другую миссис Кингстон, но облегчение было встречено с радостью. Они нашли не того парня.

Офицер Ньютон встал и сунул свой телефон мне.

— Это ваш муж?

Это копия водительских прав Спенсера.

— Этот снимок сделан на месте происшествия. Он совпадает с лицом мужчины в машине. Ваш муж ездил на серебряной BMW?

Я кивнула. Села. Мои колени ослабли, и Ньютон попытался смягчить мое приземление.

— Я принесу вам немного воды. Посидите здесь и попытайтесь дышать, — он пошел на кухню и вернулся с чашкой воды из-под крана. — Сделайте несколько глотков, — он поднес край к моим губам.

— Этого не может быть. Этого не могло произойти.

— Я понимаю, что это ужасное время, но сюда едет детектив. Он будет здесь через несколько минут.

— Детектив?

— Идет расследование убийства. В окно с водительской стороны стреляли несколько раз. Кажется, одна из пуль попала в мистера Кингстона. Ваш муж был убит одним выстрелом в висок. Мы должны найти того, кто сделал это с ним.

Я съежилась и зарылась в плед по самые глаза. Только не Спенсер. Только не его красивое лицо. Его улыбка. Нет, Господи, нет.

— Пенделтон придет и задаст вам несколько вопросов. Хорошо? Как думаете, сможете ответить на них?

— Не знаю, — мне было страшно отпустить одеяло.

— Это слишком. Я знаю. Но, Спенсеру нужно, чтобы вы сделали это для него, — он произнес это в настоящем времени, как будто мой муж был все еще жив. Как будто он в деловой поездке и потерял свою кредитку. Ему только и нужно, чтобы я позвонила по номеру и вытащила его из неудобного положения.

Я услышала, как зазвенел звонок, и Ньютон пошел к входной двери.

— Она здесь, — он вернулся обратно в комнату с мужчиной, одетым в костюм. Он был темно-синим. Его обувь — коричневой. Я изучала его ноги.

— Миссис Кингстон, Кэм Пенделтон. Сожалею о вашем муже.

— Спасибо, — был ли это правильный ответ? Ничего из того, что происходило, не имело смысла.

— Мы быстро движемся в этом деле по настоянию фирмы вашего мужа. Преступник на свободе. Чем больше мы узнаем, тем быстрее мы сможем взять этого парня под стражу. Поможете нам?

— Фирма? — спросила я.

— Что? — Пенделтон сел в ближайшее кресло к дивану.

— Вы сказали фирма Спенсера?

— Да. Они попросили разобраться с этим до того, как все попадет в прессу.

— Ха. Откуда они знают? Кто знает?

— На переднем сидении машины лежала папка с информацией о фирме. Мы позвонили им, чтобы опознать жертву, в смысле информацию о вашем муже. Они назвали мне ваше имя.

— Ох. Ладно, — мне стало интересно, кто ответил на этот звонок.

— Поступали ли вам или вашему мужу какие-либо угрозы? Подозрительная активность в доме? Что-то необычное за последние несколько недель?

— Нет. Ничего, — мои слова звучали безжизненно.

— Была ли хоть какая-то причина, по которой кто-то хотел убить вашего мужа? — спросил он.

— Нет. Никакой.

— Вы можете подумать. Подумаете секундочку. Спенсер упоминал что-нибудь по работе? О коллеге? Может, клиент? Недовольный сосед?

Я подняла глаза слишком быстро. Пенделтон уставился на меня. Мой следующий вдох застрял в легких. О, боже мой. Я вцепилась в одеяло. Нет. Нет. Я была с Пэкстоном всю ночь. Нет, он никогда бы не причинил боль Спенсеру. Нет

— Миссис Кингстон?

Я покачала головой.

— Нет, он...эм...он говорил только о сделке. Сказал, что она шла хорошо.

— И эта сделка, она была с фирмой в Колумбии?

— Да, именно так. «Андерсон и Ли», думаю, такое название. Прошлая ночь была праздничным ужином.

— А вы не поехали?

— Спенс сказал, что никаких жен. Я осталась здесь.

Пенделтон продолжил черкать заметки в свой блокнот.

— Ясно. А он упоминал, что это был рейдерский захват. Что-то необычное в разговоре с вами?

— Нет. Совсем нет. Он сказал, что все великолепно. Что это принесет много клиентов его фирме. Это предполагалось, как его большой прорыв, — мой желудок сжался. Мы собирались отпраздновать его большой успех в эти выходные.

— Ладно. Можете вспомнить что-то еще? Это может быть не большая деталь. Что угодно за прошедшие несколько недель?

— Нет ничего. Спенсера любят...любили.

— Подумайте. Он должен был кому-то деньги?

— Нет. Говорю же вам. Ничего такого.

Офицер Ньютон откашлялся.

— Почему бы нам не дать миссис Кингстон секундочку? Присоединишься ко мне на улице?

— Конечно. Мы сейчас вернемся, — Пенделтон и офицер стояли на моем переднем крыльце. Я видела их, но их голоса были тихими.

Моя гостиная казалась холодной и пустой. Ничего холодного не было в августе, но холодок добрался до моих костей, распространившись по каждой моей мышце и поре. Я пожевала нижнюю губу, прикусывая ее в центре, пока не почувствовала неровность надорванной губы.

— Одри? — я услышала стук в заднюю дверь и голова Пэкстона появилась в дверном проеме. — Ты в порядке? — он метнулся к дивану. Он казался не к месту в моем доме. — Что происходит? Ты не вернулась, потом я увидел машины перед домом. Одри?

— Спенс мертв, — прошептала я, отчаяние захватывало меня.

— Боже. Ты не серьезно, — он опустился на пол и схватил меня за руки.

Входная дверь закрылась.

— Миссис Кингстон, вы хотите нашей помощи в оповещении ваших родственников? — офицер прошел в комнату. — Мистер Таннер?

Пэкстон встал, обронив мои руки.

— Я увидел машины и пришел проверить миссис Кингстон. Она сообщила мне новости. Есть ли что-то, чем я могу помочь вам в вашем расследовании? Я могу обеспечить финансирование. Я не знаю, — он запнулся. Пэкстон никогда не запинаясь. — Я хочу помочь. Как я могу помочь?

— Вы друзья с Кингстонами? — спросил Пенделтон. Его голос даже не дрогнул.

— Я живу рядом, — ответил Пэкс. — Мы соседи.

Я боялась посмотреть на него. Боялась, что слово «изменщица» было вырезано на моем лбу. Пенделтон и Ньютон заметят, как я смотрю на него. Они увидят связь. Они поймут, что мы провели последнюю ночь, трахаясь друг с другом. Поймут, что я позволила ему раздевать себя, облизывать себя, наполнять меня, пока мой муж лежал мертвый в канаве. Они увидят это.

Я зарылась с головой снова, позволяя рыданиям нарастать. Они вышли на поверхность, скапливаясь в моем горле, не пропуская воздух в мои легкие. Спенсер был мертв, а мой любовник стоял в гостиной. Живой.

— Одри, есть ли кто-то, кому я могу позвонить для тебя? — он был рядом. — Одри?

Я глубоко вдыхала, сражаясь за воздух. Втягивая тепло одеяла. Мне хотелось бы, чтобы оно накрыло меня, унесло меня в темноту.

— Одри, — Пэкстон тряс меня. — Она в шоке, — крикнул он офицерам.

Я закрыла глаза и перестала сражаться. Я не хотела ни света, ни воздуха.

Глава 5

Служба была прекрасной. Вот, что каждый продолжал говорить мне. Цветы милые. Проповедь прекрасная. Спенсеру она бы понравилась. Почему люди делают такие idiotские заявления, как эти? Его мать не выпускала моей руки с тех пор, как мы покинули церковь. Она сжала ее, ее побелевшие костяшки практически посинели от хватки.

Я наблюдала, как его опускали в землю. Священник кивнул, когда пришла очередь бросать розу на гроб. Я встала и подошла к краю ямы, которая поглотит моего мужа. Красная. Роза была красной.

Я развернулась, в поисках своего места, но быстро огляделась на всякий случай. Я

прекрасно знала, что искать. Он был там, позади толпы. Его солнечные очки маскировали выражение его лица. Я не могла отговорить его от появления здесь. Я села рядом со своей свекровью, позволяя ей сдавливать свою кожу.

Машина привезла нас домой, после церемонии на краю могилы. Водитель довел нас до двери раньше того, как скорбящие придут к нам.

Я не могла сбежать от цветов. Их запах вторгнулся в мои ноздри, и проникал во все трещины дома. Цветы симпатии. Цветы твой-муж-мертв. Цветы твоего-мужа-убили. Я захлопнула дверь спальни позади себя.

— Одри, давай же. Впусти меня. Это Эйвери.

Я приоткрыла дверь достаточно для того, чтобы моя сестра увидела мое лицо.

— Что?

— Я могу спрятаться с тобой здесь. Никто не станет нас винить, — она протиснулась через щель. — У матери Спенсера достаточно друзей там.

— Мммхмм, — я села на край кровати.

— Там тонны еды. Хочешь, я принесу тебе тарелку?

— Не голодна.

— Ты должна поесть, — предупредила она.

— Зачем? Нет смысла, — наша свадебная фотография издевалась надо мной с комода. Чистое, белоснежное свадебное платье было тошнотворным.

Эйвери окружила меня руками. Казалось, что она была старшей сестрой, а не моей двадцати-четырёх-летней сестрой. Ее светлые волосы были собраны в тугий пучок.

— Не говори так. Это не произойдет сегодня, но ты снова захочешь есть. Тебе нужно поддерживать свои силы. Я принесу крекеров.

Я кивнула.

— Ладно. Пока это ты, а не мама. Я не перенесу того, как она смотрит на меня. Не позволяй ей заходить сюда.

— Не буду. Я скажу всем, что ты отдыхаешь. Не беспокойся о них. Я вернусь с крекерами и водой.

— С вином, — поправила я.

Она остановилась у двери.

— С вином. Принесу его, — она закрыла дверь за собой.

Я упала на кровать, подушки разлетелись вокруг меня.

Разруха была ошутима. Холодная и пористая, нависающая надо мной, заставляя меня дрожать, меркнуть от света. Горячий душ не мог задушить ее. Ночи сна на-таблетках не отражали ее. Посетители и цветы только маскировали ее. Она всегда здесь, скрывалась в каждом снимке, на котором я видела Спенсера. Она обосновалась в нашей спальне. Моя жизнь разрушена.

Я услышала, как открылась дверь.

— Быстро ты, — я села, когда увидела его.

— Что ты здесь делаешь? Убирайся! — прошипела я.

Пэкстон стоял рядом с дверью.

— Мне нужно было убедиться, что ты в порядке.

— Мой муж мертв. Я не в порядке, — я сверкнула взглядом на него.

— Позволь мне нанять охрану для тебя. Позволь мне что-нибудь сделать.

— Убирайся, Пэкс, — мне было тошно от того, что я использовала его прозвище. Это

напомнило мне, как мы были знакомы друг с другом.

— Ты можешь ненавидеть меня. Но, там ходит кто-то, кто убил Спенсера. Позволь мне нанять телохранителей. Установить систему безопасности. Что-нибудь.

— Моя сестра возвращается. Убирайся. Я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел тебя рядом со мной, — я сжала челюсть, скрипя зубами.

— Мы поговорим. Просто немного отдохни. Я вернусь завтра, — он закрыл за собой дверь.

Я бросила подушкой в нее и закричала. Я не могла видеть его и не вспоминать.

Прошло всего несколько дней. Ночи, когда я заползала в кровать, запивая таблетки водой, которые обещали, что помогут мне заснуть. Поначалу сны убаюкивали меня. Я видела Спенсера. Мы говорили о нашем летнем отпуске в горах. Он извинялся, что был слишком занят в поездке в Колумбию, чтобы отвезти меня в этом году. А я дразнила его, говоря, что он может устроить для меня круиз или путешествие в Венецию. Пока я спала, сны сменялись от сцены к сцене без предупреждения.

Я хватала чемодан и начинала сборы, смеясь и планируя наряды, но когда я поворачивалась, Спенс лежал на кровати. Его лицо забрызгано кровью. Она стекала лужей под него и впитывалась в простыни. Он лежал там, обмякший, его глаза безжизненны, а кожа холодная. Машина вписалась в одну из стен нашей спальни. Осколки ветрового стекла врезались в мои ноги. Каждый шаг выстреливал болью в моем теле, когда стекло глубоко зарывалось в мою кожу. Она передвигалась по моему телу, когда каждый кусочек оживал в моих венах.

Я начинала кричать, звать его по имени, умолять о помощи, и потом я нагибалась, отчаянно выдирая стекло из своих ног, и видела Пэкса надо мной, направляющегося в меня, раскачивая мои бедра на себе. Машина и Спенсер исчезали. Я была в своей кровати с Пэксом. Он говорил мне продолжать кричать громче. Ему нравилось, когда громко. Он говорил, что чем громче я была, тем тверже он становился. Я покрывалась потом и выкрикивала его имя, пока, в конечном счете, не просыпалась, моя футболка насквозь промокала, а сердце бешено колотилось.

Сны приходили, когда бы я ни дремала на диване, или когда уходила спать в кровать. Я не могла остановить их. Появление Пэкса в моей комнате, только еще больше напоминало мне, что я сделала со Спенсером. Он напомнил мне, что я увижу их обоих в следующий раз, когда усну.

Я крепко прижала подушку к своей груди и ждала свою сестру. Я слышала, как говорили соседи в гостиной. Звук цокающего сервиза, когда люди ели похоронную еду, от этого я хотела блевануть.

Она зашла на цыпочках.

— Запри ее, — я указала на дверь.

— Не думаю, что кто-то соберется ворваться в нее. Они знают, что тебе необходимо немного пространства прямо сейчас.

— Запри ее.

— Ладно. Ладно, — она повернула замок. — Мама Спенсера спрашивала о тебе.

Я покачала головой.

— Я не смогу с ней справиться сейчас.

— Думаю, от этого ей становится лучше, когда она видит тебя, — предположила Эйвери. — У нее нет других детей, Одри.

— Я не ее ребенок, — я схватила вино и опрокинула в себя половину. Оно скользнуло по моему горлу, и я закрыла глаза. Хотя что-то может помочь мне забыть.

— Может, вы двое можете помочь друг другу. Это все, что я хочу сказать. Вы обе потеряли его.

— Никто не может мне помочь.

— Но есть так много людей, которые хотят. Мы с мамой здесь. Все твои друзья здесь. Учителя из твоей школы. Женщины из твоего книжного клуба. У тебя большой круг поддержки.

— Я просто хочу побыть одна, — я поставила пустой стакан рядом с кроватью.

— Ты уверена? Я могу оставаться здесь некоторое время, пока ты не заснешь.

— Все в порядке. Я сплю лучше, когда одна.

Она пошла к двери.

— Ты можешь написать мне, если что-то потребуется. Я буду держать телефон при себе, и никто даже не узнает. Хорошо?

Я кивнула.

Эйвери оставила тарелку с крекерами рядом с кроватью. Я не прикоснулась к ним, но поднялась, когда была готова к другому бокалу вина. Я была уверена, что не было не единого шанса, что Пэкстон все еще в моем доме. Толпа в основном рассеялась. Я прокралась на кухню, надеясь, что смогу наполнить свой бокал и пробраться обратно в свою комнату.

— Милая, ты вышла, — моя мать мыла посуду.

Я кивнула.

— Налить вина.

— Ты ела что-нибудь? Эйвери сказала, что принесла тебе тарелку.

— Да, — солгала я. Это, казалось, теперь у меня легко выходит.

Она разглядывала бокал вина в моей руке.

— Мы поговорили, и Эйвери собирается остаться с тобой на эту неделю. Я приеду на следующей, если захочешь. Мы просто будем меняться так долго, как тебе необходимо.

— Нет. Я в порядке, когда одна, — мне нужно было пострадать в тишине, в темном доме.

Эйвери зашла на кухню, в ее руках был полно грязных тарелок.

— Сумка здесь. Вещи в гостевой комнате. Я остаюсь.

Если бы я выбирала человека, то Эйвери была предпочтительней. Она давала бы мне пространство.

— Ладно, — я побрела обратно в свою спальню.

На следующее утро, я зашла в кухню и нашла свою сестру, сидящей за столом с газетой перед собой.

— Привет, — она кротко улыбнулась.

— Привет, — я зачерпнула остатки кофе и включила его вариться.

— Не уверена насчет этого, но ты должна прочитать эту статью, — она протянула газету мне. — Это о смерти Спенсера.

Я просмотрела статью. Там было краткое описание событий произошедших во вторник. Там был снимок Спенсера, тот, который предоставила прессе юридическая фирма. Он выглядел привлекательно в своем костюме, но жестоким. Я не таким его запомнила. Я сложила газету. Я не могла читать предположения.

Потом я увидела титульную страницу.

— О, нет.

— Что такое? — спросила Эйвери.

— Титульная страница. Она о Пэкстоне.

— О парне, который баллотируется в сенат штата? Он живет здесь, да? Я встретила его вчера.

— Да, это он, — я уставилась на историю. Я искала. Я переворачивала страницу. Где грандиозное разоблачение? Инкриминирующая часть лыжного уикенда и прикрытого аборта?

— Я прочла кое-что из этого. Звучит, как будто он хороший парень. Он, действительно, хочет все изменить.

— Эм...ага, — они сделали это. Позаботились об этом, прямо, как и говорил Пэкстон. Его люди. Они скрыли это от газеты. От этого мне стало больно, — вспоминать о той ночи, когда он раскрывал свои секреты передо мной. Как я сидела и слушала, беспокоясь и переживая за него.

— Что там? — Эйвери подтолкнула тарелку с тостами ко мне.

— Ничего. Ничего.

Я не могла втягивать в это свою сестру. Должно быть, пройдет время, когда она выслушает мою историю о Пэкстоне. Я смогла бы объяснить, как начинались наши отношения, подпитывая ее романтическими кусочками, подводя ее к поддержке меня. Но, это было до смерти Спенсера. Никто не сможет понять. Они будут смотреть на меня, как будто я шлюха. Жадная, развратная жена, которая не может держать свои руки при себе. Я трахалась с другим мужчиной. Я — монстр.

Зазвонил дверной звонок.

— Я открою, — предложила Эйвери. — Вероятно, это еще цветы. Хотела бы я, чтобы люди придумали что-то еще, что отправлять.

Она зашла в кухню в сопровождении детектива Пенделтона и двух других офицеров.

— Одри? — она искала в моем лице успокоения. Мне нечего было предложить.

Я встала, затянув халат на талии. Я все еще была в своей футболке.

— Миссис Кингстон, мы здесь, чтобы обыскать ваш дом, — он протянул мне документ. — У нас есть ордер на обыск.

— Простите?

— О чем вы говорите? — Эйвери встала передо мной.

— Нам нужно обыскать дом. Мы надеемся, что здесь есть улики, которые помогут делу вашего мужа.

— Ох. Ладно, — мое дыхание вернулось к обычному ритму. — Я ничего не видела.

— Мы понимаем. Если вы с вашей сестрой сможете оставаться здесь, мы соберем все улики, которые нам нужны и уберем отсюда.

— Ладно, — я села за стол.

Эйвери прошептала мне:

— Тебе не нужно позвонить одному из адвокатов?

Я покачала головой.

— Нет, — полагаю, что они просто осмотрят вещи Спенсера, — я слышала их в кабинете.

— Это законно? — спросила она.

— Если у них есть ордер, то — да. Они могли бы просто попросить меня, — я

установилась в окно. Магнолия заблокировала мне вид на дом Пэкстона. Черт бы его побрал.

Двадцать минут спустя, офицеры протащили наш стол и коробки с документами к своим машинам. Пенделтон подошел прямо ко мне.

— Мне потребуется ваш телефон, — он протянул руку.

Я замерла.

— Мой телефон?

— Да, это включено в ордер, — он полез в карман, чтобы показать мне ордер на телефон.

Я взяла его со стола. В нем было все. Сообщения от Пэкстона были там. Пенделтон узнает.

Он вырвал его из моих рук слишком торжествующе для человека, который изображал симпатию к вдове.

— Когда я смогу получить его обратно? Все мои контакты в нем. У меня нет стационарного телефона, — я молилась, что он просмотрит его и вернет обратно.

— Это часть расследования. Вам, вероятно, потребуется новый телефон, — он пошел прямо к входной двери. Я заперла ее за ним.

— Эйвери?

— А?

— Мне нужен твой телефон

— Конечно. Хочешь позвонить маме? — спросила она.

— Нет, нужно позвонить моему адвокату.

Она смотрела обеспокоенно.

— Вот, держи.

Я наблюдала, как машины выезжают с подъездной дорожки. Черная машина была припаркована перед домом. Она не уехала с остальными. Мужчина за рулем был в черных очках и темном костюме.

Я не хочу его помощи. Я ничего не хочу от него. Гнев закипал во мне.

— Я сейчас вернусь, — я оставила телефон на столе.

— Куда ты идешь?

Я проигнорировала ее и захлопнула за собой дверь.

Я бросила теннисный мячик Пэпперу, чтобы он не пытался последовать за мной в конец двора. Я оттолкнула кусты магнолии.

Я не знала, дома ли он, но поскольку сегодня воскресное утро, у меня есть неплохой шанс найти его здесь. Я постучала по двери на кухню.

— Одри, входи, — он посмотрел через мое плечо.

— Ты нанял кого-то следить за моим домом? — заявила я.

— Да, тебе нужна защита. Ты не в безопасности.

— Прекрати притворяться, что я в опасности. Я говорила тебе, что не хочу твоей помощи. Она мне не нужна.

— Пока мы точно не знаем, кто убил Спенсера, я не собираюсь рисковать твоей жизнью. Я знаю, ты ненавидишь меня прямо сейчас. Ты злишься. Но это не меняет того, что я испытываю к тебе. Я собираюсь обеспечить тебе безопасность.

Я толкнула его в грудь.

— Ты, ублюдок! Единственный человек, от которого меня надо защищать, — это ты. И я собираюсь рассказать полиции.

— О чем ты говоришь?

— Я знаю, что ты убил его, — я подавила злые, горячие слезы.

— Ты не серьезно. Я бы никогда... Я даже не могу думать об этом...

— Заткнись. Просто заткнись! Это не политический митинг или пресс-конференция.

Здесь никто не услышит твою речь.

Он схватил меня за плечи.

— Это не речь. Я не убивал Спенсера. Поверь в это.

— Ты сделал это. Ты должен был сделать это, — я позволила пролиться первой слезинке.

Он обнял меня за плечи, и на секунду, я позволила ему притянуть меня к своей груди.

— Я знаю, что ты это сделал.

Он провел пальцами по моим волосам.

— Шшш... тебе больно. Ты злишься. Тебе страшно.

Я закрыла глаза. Я была всем этим. Я не могу думать трезво.

— Позволь мне помочь тебе. Мне невыносимо, когда тебе больно.

Напряжение в моем теле ослабло от его слов.

— Посмотри на меня, Одри.

Я подняла глаза, слезы собирались на моих нижних веках.

— Скажи, почему ты думаешь, что я могу сделать что-то в этом мире, чтобы причинить тебе боль? Я люблю тебя.

Я посмотрела в его глаза. В глаза мужчины, которого только что обвинила в убийстве. Внезапно, я почувствовала себя глупо из-за того, что толкнула и накричала на него. Это неуместно.

— Я погорячилась. Я не должна была ничего говорить, — я оттолкнулась от него. — Мне надо идти, — я потянула дверь. — Ты должен знать, что у полиции мой телефон.

Паника проступила на его лице.

— Что?

— Они показали ордер на обыск и забрали его. Они выяснят о нас из одного сообщения.

Я закрыла дверь за собой.

Глава 6

Я никогда не была в полицейском участке. Никогда. Комната для допросов, как они ее называли, была похожа на обветшалый конференц-зал в школе. Длинный стол в центре, окруженный стульями, набивка торчит или вырвана в тех местах, где отходит винил.

Детектив Пенделтон приехал в дом всего лишь через час, после отъезда. Он попросил меня проехать с ним в участок. Он обещал, что это все формальности. У него просто есть еще несколько вопросов ко мне о Спенсере.

Я согласилась и попросила Эйвери позвонить Стелле Прайс, чтобы она встретила со мной здесь. Она была единственным партнером женского пола в фирме Спенса. Если мне придется унизиться, после раскрытия интрижки, я бы предпочла ее рядом с собой.

Я ждала в комнате, флуоресцентные лампы жужжали надо мной. Дверь распахнулась, и вошла Стелла. На ней был костюм. Не знаю почему, но я подумала, что она могла бы надеть джинсы в воскресенье.

— Одри, ты в порядке? — она сжала мою руку.

— Да. Я напугана.

— Уверена, что это так. Но это рутина, — она вытащила блокнот в кожаном переплете и начала записывать.

— Они пришли сегодня утром в дом с ордером. Они забрали жесткий диск Спенсера и некоторые документы.

— Хорошо, — она подчеркнула что-то в блокноте.

— И они забрали мой телефон.

— Вероятно, мы сможем его вернуть. Уверена, что они просмотрят последние сообщения от Спенса. Что-то, что поможет им восстановить хронологию событий, перед стрельбой. Ты знаешь, почему он поехал обратно среди ночи?

— Нет. Я не слышала о нем всю ночь.

— Ясно. Тогда, ничего в телефоне им не будет полезно. Я подтверждаю, что мы получим его сегодня обратно.

Я покачала головой.

— Там кое-что есть, — я выкручивала свои руки на коленях.

— Что?

— У меня была интрижка.

Если Стелла и подумала, что я шлюха или убийца-психопатка, то она не подала вида. Она записала еще несколько заметок.

— Как долго?

— Что? — я ждала лекции. Я ожидала шока или разочарованного взгляда. Я носила на себе стыд, и мне нужен был кто-то, кто его увидит.

— Как долго она длится?

— Три месяца.

— Имя?

— Пэкстон Таннер.

Она положила ручку.

— Кандидат Пэкстон Таннер?

— Да.

— Тот, кто на первых страницах утренних газет сегодня?

— Да, именно тот.

— Ты планировала оставить Спенсера из-за него? — Стелла снова подняла ручку.

Я покачала головой.

— Я так не думаю. В смысле, мы говорили об этом только однажды. Я, на самом деле, еще не решила. Я была сбита с толку. Я...

— Спенсер знал? — спросила она.

— Нет, он не знал, — я повесила голову.

— Был ли какой-то способ, по которому он мог бы узнать об этом?

— Нет. Никто не знал. Мы были осторожны, — боже, это ужасно прозвучало. Я осознала, как далеко зашла, чтобы скрыть свой секрет от мужа. Это преступление казалось еще хуже, чем интрижка. Секреты на верхушке лжи.

— Расскажи мне о сообщениях до прихода детективов. Мне не нужно сюрпризов.

Я пыталась подумать о том, что мы с Пэкстоном писали друг другу. Беспечно было оставлять их на моем телефоне, но мне нравилось перечитывать их. Поскольку Спенс умер, я и не подумала удалять их.

— Ну, знаешь, просто сообщения о том, когда мы сможем увидеть друг друга.

— Что-то откровенное?

— Да. Такие были, — я не могла смотреть на нее.

— Только от него, или и ты тоже писала? — вопросы не кончались.

— Оба, полагаю, — я пыталась не думать о всех грязных вещах, которые написала.

Вероятно, кое-что о том, чтобы он был внутри меня. Я схватилась за живот.

— Одри, ты в порядке? — Стелла прервалась.

— Нет, — не думаю, что я когда-то отвечу еще как-то на это вопрос.

— Тебе нужна секунда, или я могу продолжить? — ее взгляд был обеспокоенным.

— Просто продолжай. Я должна пройти через это.

— Были ли сообщения или e-мейлы о том, чтобы сбежать вдвоем? Что-то, что может предполагать, что ты планировала уйти от своего мужа?

Я закрыла глаза.

— Нет. Ничего такого. Они были только о нас.

Она поджала свои губы.

— Как считаешь, есть вероятность причастности Таннера? Кандидата Таннера, точнее.

— Не знаю. Возможно. У него есть пистолет, и он говорил мне, что хочет, чтобы я ушла от Спенса в ту же ночь, когда он умер. У него также есть люди. Люди, которые могут все осуществить. Все подчищалось, если он этого не хотел, — я начала бормотать, выплевывая все, что знала о Пэкстоне. Мои теории о Саре, которые я не знала, что у меня есть. Автомобильная авария, как он, возможно, столкнул ее с дороги. Я не замолкала. Я продолжала говорить, пока дверь не открылась.

— Мисс Прайс, миссис Кингстон, — детектив Пенделтон опустился на свободное место. — Спасибо за то, что встретились со мной. У меня есть несколько вопросов. Ничего официального, понимаете, — он открыл крышку своего ноутбука.

Я кивнула, а Стелла похлопала по моей руке.

— Задавайте ваши вопросы, детектив. Миссис Кингстон готова к любому сотрудничеству, которое поможет вам в расследовании. Мы хотим этого так же, как и вы, даже больше, наверное, добиться справедливости в этом расследовании.

Он положил мой мобильник в центр стола.

— Можете мне сказать, где вы были в ночь, когда убили вашего мужа?

Я думала, допрос начнется медленно и легко, подбираясь к тому вопросу, который ударит меня по живому, но Пенделтон не жил в мире чуткости. Он шел напролом.

— Я-я была по соседству.

— По соседству? В смысле в доме мистера Таннера? — спросил он.

— Да. Именно так.

— И приблизительно как долго вы были там, в ночь вторника?

— Всю ночь.

— Всю ночь. Хорошо. Что вы там делали?

Я не могла смотреть на него. Я нашла пятно на стене за его плечом.

— Мы ужинали вместе. Он готовил.

— И этот ужин продлился всю ночь? Кажется, немного странно для ужина, — он печатал на своей клавиатуре. — Не могли бы вы поподробнее описать ваши отношения с мистером Таннером?

— Мы виделись друг с другом, — прошептала я.

— Под «виделись» вы подразумеваете сексуальные отношения с ним? У вас была интрижка с вашим соседом?

Я протолкнула желчь вниз по своему горлу.

— Да.

Единственным звуком в комнате было печатание Пенделтона.

— В какое время вы ушли из его дома?

— Думаю, около восьми утра, — я боролась за свой голос.

— Вы видели, как мистер Таннер уходил в какой-то момент времени, пока вы были в доме?

— Я не видела, как он уходил, я спала, — ответила я.

— Так вы не можете подтвердить, что видели его всю ночь? — в голосе был светлый проблеск, как будто он получил заряд кофеина.

— Нет, не могу.

Стелла одобрительно кивнула мне. Она продолжила записи во время допроса. Два часа спустя, детектив Пенделтон протянул мне мой телефон и сказал, что я могу возвращаться домой. Он проверит меня завтра.

Стелла спросила — могла ли она заскочить утром. Измотанная и униженная, я ехала на заднем сидении полицейской машины.

Я не должна была удивляться, когда увидела патрульную машину Чарльстона на подъездной дорожке Пэкстона. Я наблюдала, как его сопроводили до заднего сидения. Казалось, на его запястьях были наручники, но картинка была размыта.

Офицер высадил меня на подъездной дорожке.

Эйвери обняла меня, а Пэппер уткнулся носом в мою ладонь.

— Ты в порядке? Выглядишь ужасно.

— Спасибо, — я плюхнулась на стул на кухне.

— Видела, что случилось в соседнем доме? Твоего соседа только что арестовали.

Я закрыла глаза. Это произойдет. Правда появится в заголовках газет через десять минут. Я должна сказать ей.

— Эйвери, я думаю, что Пэкстон как-то причастен к смерти Спенсера.

— Что? Почему?

— Потому что я спала с ним.

— Не может быть! Что?

— Думаю, он хотел убрать Спенсера из виду, чтобы мы могли быть вместе. Не знаю. Это безумно. В этом нет никакого смысла.

— Не могу поверить в то, что слышу сейчас. Ты обманывала Спенсера?

Я была на шесть лет старше. Разница в шесть лет большая, когда вы дети. Достаточно большая, чтобы утешать рыдания от пораненной коленки, или успокаивать после ночных кошмаров. Я все делала первой. Прокладывала путь для Эйвери, показывала, как все обстоит в школе, в колледже. Как быть идеальной невестой. Как спланировать карьеру, и как совместить все это с браком. Она никогда не говорила, что подражает мне, я знала это. Но теперь, стоя в моей кухне, она смотрела на меня с отвращением. Презрением. Отвержением.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Как ты могла так поступить?

— У меня не было хорошей причины, — я зажмурила свои глаза, пока практически не услышала гул в своих ушах. — Это произошло, и я думала, что это закончится, но не

остановила это. Не смогла.

— Нет, ты могла. Не говори мне этого. Спенсер не заслужил такого. Ты должна была уйти или что-то подобное. Ты обманывала его? — она вылетела из кухни.

— Эйвери не уходи. Пожалуйста, попытайся понять.

— Я думала, что знала, какая ты.

— Ты знаешь меня. Я такая же. Я не хотела причинять боль Спенсу.

— Но ты сделала это.

— Он не знал. По крайней мере, он умер без этой боли, — я цеплялась за обрывки света.

— Вероятно, поэтому он уехал раньше со своей встречи, — она захлопнула дверь перед моим лицом.

— Что? — крикнула я через дверь.

Приглашенный, но я расслышала ее ответ.

— Он, наверняка, ехал обратно, чтобы надрать зад этому парню.

Я была в тумане. Гуляла в дымке, выпивая вино бутылками, принимая успокоительные, которые прописал врач, после моей гипервентиляции. Мне хорошо жилось в шкуре зомби, отстранившись и притворившись, что я бесчувственная сука.

Я не хотела, чтобы туман рассеивался достаточно надолго, чтобы задумываться, но на короткое мгновение ярость Эйвери пробралась в пузырь, созданный мною. Спенсер должен был быть в Колумбии следующие двенадцать часов, когда его убили. От него не было ни звонков, ни сообщений. Эйвери могла быть права. Что, если он был на пути домой, чтобы поймать меня или столкнуться со мной?

Как он узнал о нас? Никто не знал. Мы были осторожными. Кроме сообщений, больше не было следов.

— Эйвери, мы можем поговорить? — я колотила по двери. — Эйвери!

Она всегда была упрямой. Я привыкла так думать, потому что она была малышкой в семье. Мои родители, казалось, выполняли все, что она хотела. У нее был комендантский час позже, чем у меня, она поехала в лагерь к лошадям, а я нет. Ее карманные деньги были почти вдвое больше моих. Будучи младшей сестрой, она пользовалась всеми возможностями, несмотря на то, что жаловалась на это.

Я отошла.

— Куда ты собралась? — дверь приоткрылась. Она вытирала лицо салфеткой.

— Если ты не хочешь говорить, то я не буду вынуждать тебя. Не стоит больше спорить. У меня нет сил, чтобы бороться с тобой в довершении всего того, что произошло.

— Я хочу помочь тебе пройти через это. Я вижу, что тебе больно. Просто...не знаю, смогу ли я, — она небрежно вытерла свои глаза, размазывая тушь в уголках. — Знаю, не мне тебя судить, но это все еще здесь.

Мне стало интересно — как она меня видит теперь.

— Ты собираешься уехать? — я не ждала, что кто-то поймет, что я натворила. Но столкнувшись с полным отторжением, я отчаянно нуждалась в союзнике, просто в единственном проблеске сочувствия. Хотя, я не заслуживала этого.

— Не знаю. Все сложно. Я хочу быть здесь с тобой. Я хочу, твою мать, Одри. Прямо сейчас я злюсь на тебя.

— Мне понятно это. Я зла сама на себя.

— Ты любишь его? — ее голос был тихим.

— Конечно, я люблю Спенса. Я всегда любила его.

— Нет, в смысле *его*. Ты, по крайней мере, любила его?

Слова вырвались из меня.

— Думаю да, немного.

— Как ты можешь любить двух людей одновременно? — она задыхалась, пытаясь осмыслить что-то нелогичное.

— Потому что *они* разные. Они делали меня разной.

— И ты не могла выяснить, что тебе нужно что-то другое без обмана? — каждый вопрос заставлял меня чувствовать, что я вернулась в комнату для допросов в полиции, только на этот раз моя сестра вскрывала мои чувствительные раны.

— Нет. Я даже не знала этого. Я не могла знать этого.

— Я не понимаю. В этом нет смысла, — она потерла свои виски. — У тебя все это было? Этот красивый дом, эта жизнь с прекрасным парнем, который был по уши влюблен в тебя, и ты променяла это даром. *Даром!* — ее голос повышался. — Я стояла рядом на твоей свадьбе. Я помогала тебе переехать сюда. Я была с тобой на каждое рождество, и знаешь, о чем я думала все это время?

Я покачала головой, боясь заговорить.

— Я хотела этого. Я молилась, чтобы у меня был такой муж, как у тебя. Я завидовала твоей жизни с ним. Я сравнивала каждого, с кем встречалась, со Спенсером. Я задумывалась, будет ли у нас все то, что было у вас двоих, — она впиалась взглядом. — А тебе просто плевать.

— Эйвери, — я не знала, как ее успокоить.

— Думаю, я уеду утром. Мне нужно больше времени, — она зашла обратно. — Я не могу сделать этого.

На следующее утро мы пили кофе в тишине на кухне. Я была удивлена, что она все еще хотела обнять меня, когда забросила свою сумку в багажник. Она пообещала, что проверит меня позже, но мы обе знали, что это «позже» не понятно когда наступит.

Я стояла на подъездной дорожке, наблюдая, как ее машина повернула. Я задержалась слишком надолго, минутой позже фургон службы новостей остановился перед домом. Репортер подбежала ко мне, пихая мне в лицо микрофоном.

— У вас роман с Пэкстоном Таннером? Вы знаете, что он под стражей? У вас есть комментарии?

Я побежала. Мои босые ступни донесли меня до гаража. Я ударила по кнопке до того, как она успела нырнуть под дверь. Я закрыла жалюзи и занавески, и согнулась над полом рядом с окном кабинета. Там было еще больше фургонов, припаркованных между нашими с Пэкстоном подъездными дорожками.

Я подползла к телевизору в углу комнаты и включила его. Все было там, прокручивалось внизу экрана.

Весь мир только что узнал, что у меня роман с Пэкстоном Таннером.

Глава 7

Я открыла дверь для Стеллы.

— Там просто цирк какой-то, — она прошествовала в дом.

— Ты можешь заставить их уйти? — спросила я.

— Пока держатся подальше от твоей собственности и не причиняют физической боли, они могут свободно вести репортажи и зависать здесь, — она отрыла портфель. — Я заехала, чтобы проверить, как ты держишься.

— Я в порядке.

Она скептически посмотрела на меня.

— В порядке — я бы не так определила это.

Мне нравилась Стелла. Она была полезной и не пыталась запихнуть еду мне в глотку.

— Тогда — дерьмово. Облажалась. Разрушена. Нервничаю. Так лучше?

Она улыбнулась.

— Да, в это я могу поверить.

— Хочешь кофе? — я налила еще одну кружку для себя.

— Нет. Я здесь всего лишь на несколько минут, — она села за кухонный стол. — Теперь, когда новости о твоём романе разлетелись, я боялась, что тебя растерзает пресса. Я просто хотела проверить, как ты справляешься со всем.

Я устала в чашку.

— Это какой-то кошмар.

— Так и есть. Мне не нужно ничего приукрашивать.

— Как продвигается расследование? — спросила я.

— Хорошие новости — ты не подозреваемая и даже не заинтересованное лицо. Даже не свидетельница, насколько я могу сказать.

— Но разве мне не нужно давать показания против Пэкстона? В смысле, о нас? О его мотивах? Разве полиция не хочет от меня еще одного заявления?

Она покачала головой.

— Они освободили его сегодня утром.

— Освободили? — интересно, во сколько обошелся залог? Карманы его семьи были безграничны.

— Обвинения не были вынесены сегодня утром. Он свободный человек.

Я глотнула кофе.

— Ты не выглядишь удивленной, как я думала, — прокомментировала Стелла.

— У него есть деньги.

— Да есть, но так же оказалось, что он не стоял за этим. Никакого оружия обнаружено не было. Ты — его алиби на ту ночь. Ничего не указывает, что он убил Спенсера. Он предложил вознаграждение за любую информацию о стрелявшем.

— Да?

Стелла бросила взгляд на цветочные композиции, которые я собрала возле мусорного ведра.

— Он назначил награду в 50 000 долларов. Если парень и виновен, то у него очень извращенный способ показать это.

И вот снова, причина, всплывающая в тумане, заставляла меня задуматься. Вынуждала меня посмотреть в лицо фактам.

— П-полагаю в панике и неразберихе, я ошибочно подумала на него. Боже, что за ужасную вещь я сотворила, — я обвинила человека в убийстве.

— Не вини себя. Это были не обычные обстоятельства. Сюда было вовлечено множество эмоций, — она встала, чтобы уйти. — Ты не нуждаешься в представлении, но если что-то всплывет, ты можешь позвонить мне, Одри. Ты можешь звонить любому из нас.

Мы все любили Спенсера. Он был порядочным человеком. Нам будет хватать его в офисе, — она сказала это так, будто он просто перешел в другую фирму.

— Спасибо. Дай мне знать, сколько я должна.

Она покачала головой.

— О, нет. Это за счет предприятия. Последнее, что я могу сделать. Я серьезно. Звони если что.

— Хорошо, — я обняла ее.

Я слышала, как репортеры выкрикивали вопросы Стелле, пока она направлялась к машине. Наверное, им скучно сидеть там. Я не показывалась с тех пор, как уехала Эйвери, а в доме Пэкстона темно.

Я вылила кофе в раковину и налила бокал вина. Кого, черт возьми, волнует, что сейчас десять утра?

Я заснула на диване под просмотр документального фильма об истории Гражданской войны. Это единственный канал, который, как я могла гарантировать, не прерывался на срочные новости по делу Спенса.

Мой телефон зазвонил. Я должна была посмотреть, кто звонил.

— Алло?

— Одри, не вешай трубку.

Мой желудок скрутило, единственное, что там плескалось — вино.

— Чего ты хочешь, Пэкстон? Я не хочу разговаривать с тобой.

— Знаю, знаю. Слушай, думаю, у меня есть кое-какая информация о Спенсере.

Я села, схватившись за голову.

— О чем ты?

— Думаю, нам не стоит обсуждать это по телефону. Могу я зайти?

— Снаружи двадцать репортеров. Я так не думаю. Я не хочу тебя видеть, — мы никогда не встречались у меня дома. Это эгоистично, но всегда разделяло мои миры, помогая мне сохранять их.

— Тогда приходи ты. Ты можешь уйти, когда захочешь. Но тебе нужно увидеть это. Я отправлю одного из парней в качестве отвлечения, и ты сможешь зайти через заднюю дверь.

Это неправильно. Я чувствовала. Понимала. Но если у него была информация о моем муже, я хотела ее знать.

— Ладно. Дай мне пятнадцать минут, — я отключилась в поисках ибупрофена и воды.

Спенс умер. Я не должна чувствовать вину, пробираясь через магнолию, но это чувство я не смогу скрыть или успокоить. Я поняла, что тошнота и отвращение к себе стали частью того, кем я являлась сейчас.

Я постучала в кухонную дверь Пэкстона.

Она распахнулась. Он провел меня внутрь.

— Почему ты не воспользовалась ключом?

Я пожалала плечами.

— Я выкинула его, — я надеялась, что мой голос звучал так же холодно, как я себя чувствовала.

— Тебе не обязательно было делать это, — он потянулся к моей руке, но я попятилась от него, ударяясь локтем об дверь. — Одри, — он покачал головой. — Я не хочу, чтобы ты боялась меня.

— Я не боюсь тебя.

— Ну, хоть что-то, — он усмехнулся. — Пойдем. У меня кое-что есть.

Деревянные ставни были закрыты. Небольшой светильник освещал его стол.

— Ты знала, что Спенсер работал на «Андерсон и Ли»? — он протянул мне копию электронного сообщения.

— Да, с этой фирмой он собирался сливаться, когда...

— Прочти письмо, — настаивал он.

— Откуда ты взял это? — это была копия электронного письма от Сенатора Хьюза Льюис Андерсон, главному партнеру «Андерсон и Ли».

— У меня есть люди, я говорил тебе об этом. Просто прочти, — вздохнул он.

Льюис,

Мне нужен способ помешать всему. Сегодня.

Гарри.

Я посмотрела на Пэкстона.

— Хорошо? Что такого важного в этом письме?

— Посмотри на число.

Я снова просканировала распечатку.

— И что? В тот же день, когда Спенсер уехал в Колумбию.

— Ты не поняла, да? — он звучал раздраженно, как будто я провалилась в его обычном испытании.

— Нет, не поняла, — я швырнула бумагу на стол. — Ты воспользуешься любым предложением, чтобы затащить меня сюда.

— Одри, Хьюз и Льюис Андерсон стоят за смертью Спенсера.

— Что? В этом нет никакого смысла.

Он сел за стол.

— Хьюз предупреждал о том, что уничтожит меня, — он смотрел прямо в темное окно. — Я должен был послушать.

— Я не понимаю.

— Я знал, что он планировал что-то. Я просто не мог понять что. Он шпионил за нами. Он знал о нас. Есть снимки.

— Снимки? Но мы были осторожны.

Он покачал головой.

— Не всегда. Я думал, что шторы задвинуты в задней части дома, но они не были.

Я прикрыла свой рот от ужаса.

— Нет. Когда? В какой комнате?

— Это расстроит тебя. Эти детали неважны.

— Не говори мне, что важно! — закипела я. — Что за снимки?

— Ночь на кухонном столе, — проговорил он тихо. — Ночь у стены. На диване, на полу.

Ночи, когда я чувствовала себя свободной, используя свое тело, как никогда прежде, и кто-то еще видел это. Мне пришлось остановить рвотные позывы в горле.

Пэкстон подождал несколько секунд.

— Ты в порядке? Я должен был рассказать тебе, после того как репортер поднял это на интервью.

— Почему не рассказал? Я имею право знать, что есть снимки, где я занимаюсь тем, что

сделала, — я снова почувствовала слабость в ногах. Я схватилась за стол.

— Потому что я знал, что смогу справиться с этим. И мне стыдно признать, но я думал, что ты прекратишь видеться со мной, если узнаешь, что история просочилась в прессу. Я подумал, что был невнимателен. Я просто закрыл бы жалюзи в следующий раз.

Мои глаза расширились. Как он мог скрывать это от меня?

Он продолжил.

— В любом случае, я выложил достаточно денег. Мой отец поднял зарплату всем в СМИ. Мы сдержали это. Но Хьюз знал, что у нас не будет возможности остановить репортаж в последнем выпуске новостей. Он подставил меня, чтобы стало похоже на то, что я убил Спенсера. Одним махом он уничтожил бы меня. Но у него не было доказательств. Он мог распространять все эти слухи и ложь, которые хотел, но не было ни единого доказательства.

— Я-я даже не знаю, как это все осмыслить, — я вновь взяла отброшенное письмо. — Но Андерсон? Какое он имеет отношение?

— Она.

— Льюис Андерсон — женщина? Спенс никогда не упоминал об этом, — я снова перечитала письмо, пытаюсь идти в ногу с Пэкстоном.

— Оказывается, она ключевая фигура в кампании Хьюза, и они обменивались намного большим, чем просто средствами, если ты понимаешь, о чем я.

— Они спали друг с другом?

— Да.

— Боже, — я прижала ладони к глазам. Ничего не изменилось, с того ракурса, как все обернулось. — А Спенс? Какая связь?

Он открыл ящик стола и кинул стопку бумаг, скрепленных зажимом, передо мной.

— Все здесь. Она не хотела проходить через слияние.

— Почему нет? Она управляющий партнер, — я начала листать стопку писем. Там было больше, чем я хотела узнать.

— Я прочитал переписку между ней и Ли. Она боролась с ним на каждом шагу. Она отменяла встречи. Привлекала стороннее лицо для чтения контрактов. Она была не заинтересована становиться маленькой сестричкой компании Чарльстона.

— Но убийство Спенсера не остановило бы слияния. Там есть другие юристы.

Пэкстон оттолкнулся от стола, его кресло откатилось назад, и он подошел ко мне. Я быстро переместилась, когда он сел на край стола лицом ко мне. Он вторгся в границы моего личного пространства, которое я намеренно установила.

— Все уходит намного глубже, чем это. Намного глубже, — глаза Пэкстона впились в мои. Взгляд был смесью обеспокоенности и решительности. Он был очень убедителен. Я знала, что ему не все равно.

— Я пройду с тобой по всем деталям, если ты захочешь. Или я могу остановиться сейчас и сделать то, что обещал сделать в начале лета...оставить тебя в покое. Ты ненавидишь меня. Я не хочу причинять тебе еще больше боли, Одри. Ты столько пережила.

— Я-я не ненавижу тебя.

— Я рад, — он слегка улыбнулся. — Это может занять некоторое время. Хочешь, чтобы я продолжил?

— Продолжай. Я хочу знать.

Он придвинулся, чтобы коснуться меня, но остановился, как будто моя кожа могла обжечь его.

— Ладно. Я начну с начала, — он вернулся в кожаное кресло. — В то время, как Хьюз следил за мной. У меня был парень, который следил за ним. У меня есть на него кое-что интересное за определенный период, но я не планировал это использовать.

— Почему бы просто не сдать это все в полицию? Ты рассказывал им об этом?

— Я не хочу использовать все это. Тот идеалист, с которым ты познакомилась, еще здесь. Я хотел сделать все по-своему. Это всего лишь подстраховка в случае, если он попытается выкинуть какой-то трюк, подобный беременности. Оказалось, что я был прав, когда проводил расследование, — он простонал. — Это единственный раз, когда я хотел бы ошибиться.

Я села. Я не знаю, что заставило меня слушать. Я кивала и задавала вопросы в течение следующего часа, пока Пэкстон выкладывал мне всю предысторию того, насколько фирма Льюис Андерсон была тесно связана с кампанией Хьюза. Там было что-то о земле, которой владел Хьюз, и сорока миллионом контракте на застройку недалеко от пляжа, который фирма Спенсера уничтожила бы так быстро, как только закончилось бы слияние с «Андерсон и Ли». Хьюз не мог позволить этому произойти, и это означало, что и Льюис тоже. Она так тесно была связана с ним финансово, что он угрожал расправой над ее личным имуществом. Конечно же, никто в «Андерсон и Ли» не знал об их связи. Хьюз был клиентом, ничего больше.

Пэкстон так же сказал, что верил, что Спенс узнал об их связи, в основном о романе, и именно поэтому Льюис пришлось его убить. Это был беспроектный вариант для Хьюза. Он мог подставить Пэкстона, уничтожить его политическую карьеру, и в тоже время решить проблемы, которые у них с Льюис возникли бы от слияния.

— Мы должны пойти с этим в полицию, — я качнулась, когда вставала со своего места.

Пэкстон метнулся, чтобы помочь мне.

— Эй. Полегче. Я принесу тебе воды, — он вернулся со стаканом, наполненным льдом.

— Спасибо, — от глотков мой желудок заурчал.

— Когда ты последний раз что-то ела? — спросил он.

— Не знаю, — я отмахнулась от вопроса. — Полиция. Мы должны пойти в полицию с этим, — я была непреклонна. Я хотела, чтобы Хьюз и эта подлая компаньонша заплатили за то, что они совершили.

— Я приготовлю для тебя ужин, и мы со всем разберемся вместе. Может, тебе прилечь.

— Мне не нужно ложиться и я не хочу твою чертову еду! — я плеснула водой в его лицо, лед скатился к его ногам.

— Эй, эй. Успокойся. Я беспокоюсь о тебе.

— Я устала от того, что все беспокоятся обо мне. Я устала, что все пытаются запихнуть мне еду в рот и говорят, чтобы прекращала пить вино. Я устала от репортеров, которые раскинули лагерь у меня во дворе. Я устала, Пэкс. Я просто устала ото всего. Я хочу, чтобы этот кошмар закончился, а он никак, твою мать, не кончается, — я потеряла лицо. Оно горело.

— Я тоже хочу, чтобы все закончилось. Меня убивает наблюдать, как тебе больно.

— Тогда прекрати смотреть на меня, — я сверкнула в него взглядом.

Его плечи ссутулились, и он прикрыл глаза, как будто молился.

— Я знаю, через что ты проходишь. Я вижу это, как фильм, проходящий передо мной, и ничего не могу сделать, чтобы остановить это. Я помню idiotские комментарии от людей и нескончаемую запеканку. Открытки. Люди присылали нелепые открытки. Боже, а цветы

были ужасны. Так много цветов.

Я не знала, можно ли это было назвать хихиканьем, но что-то веселое треснуло в моем горле.

Он поднял на меня взгляд.

— Ты смеешься надо мной?

Я прикрыла рот рукой.

— Нет. Но цветы...вонючие, отвратительные цветы.

Его губы расплылись в улыбку.

— Да, они были скверными

— Полностью, — хорошо было прокричаться. Выплеснуть все мысли, которые наполняли голову, засоряя мои способности, говорить что-то, кроме спасибо и улыбаться, как и положено скорбящей вдове.

— Ладно, — я сдалась. Я устала бороться.

— Ладно?

— Я съем что-нибудь, — сообщила я.

— Хорошо. Что-нибудь. Я приготовлю все, что захочешь.

— Мне плевать на еду, но у меня есть вопросы.

— Это по-честному, — он наклонил голову. — Я приготовлю и отвечу на твои вопросы, если ты поешь. По рукам?

— По рукам.

Пэкстон быстро передвигался по кухне. Я думала, что он, наверное, боялся, что я передумаю, если не поторопиться поставить тарелку с едой передо мной. Я достала вино, не спрашивая, могу ли его открыть. Мне было плевать. Я налила его в чашку и выпила, будто это газировка.

— Жаренную курицу, хорошо? — он вытащил разделочную доску.

Я пожалала плечами.

— Плевать, — на вкус все будет похожим на бумагу. Меня не волновало, что он приготовит.

— Почему ты не идешь в полицию с этим прямо сейчас? — я села за кухонный стол.

— У нас есть несколько проблем, — Пэкстон нарезал куриную грудку кубиками, отрезая лишний жир.

— У тебя есть электронные письма, которые все доказывают.

Масло зашипело и начало стрелять из сковороды. Он убавил газ.

— Незаконно добытые письма. Я не могу их просто вручить полиции.

— Незаконные? Почему?

— Одри, я нанял сыщиков. Хакерство — незаконно. Я делал это для сбора информации...чего-то, что я смогу иметь на Хьюза, угрожая, что это просочится в прессу. Это не имеет значимости в суде.

— Но у тебя есть что-то законное? Хоть что-то?

— Пока нет. Мом парни ищут.

Мои зубы онемели от вина.

— Поэтому ты не признаешься полиции, что у тебя есть что-то незаконное, даже если это укажет им в правильном направлении?

— Я делаю это не для того, чтобы обезопасить себя. Я показал, что у меня есть. Я помогу тебе.

— Но ты сделаешь это, когда тебе взбредет в голову, — упрекнула я.

Он положил нож в раковину, помыл руки, а потом вытер их об свой фартук перед тем, как повернуться ко мне лицом.

— Мы поймаем их. Я найду способ привести полицию к настоящим уликам. Ты должна довериться мне.

— Просто не могу поверить, что это происходит на самом деле. Мы знаем, кто это сделал, и ничего не можем сделать.

— Вообще-то, не совсем ничего.

— В смысле?

— Я думал об этом. Если бы ты нашла что-то, что доказало бы, что Спенсер знал об их романе или что Льюис пыталась остановить слияние, этого было бы достаточно, чтобы посеять сомнения. Ты могла бы направить полицию в правильном направлении.

— Но они уже обыскали дом. Они забрали рабочий стол. Они запаковали документы. Нет ничего в доме, что относиться к работе. Они не нашли ничего подозрительного, касаемо «Андерсон и Ли», или детектив Пенделтон сказал бы мне.

— Полиция обыскивала гостевую спальню? Вашу спальню? Его шкаф?

Я закрыла глаза, пытаюсь представить утро, когда полиция заявила с ордером на обыск.

— Нет, они сосредоточились на кабинете. Не думаю, что они заходил в другие комнаты.

— Хорошо, — он поставил тарелку с курицей, рисом и овощами.

— Не поняла. Ты хочешь, чтобы я нашла что-то, что доказало бы, что Спенсер знал об этом?

— Нет, я хочу, чтобы ты подбросила это.

Я уронила вилку.

— Какого черта, Пэкстон?

— Звучит плохо. Звучит ужасно неправильно. Но иногда, приходится делать что-то слегка выходящее за границы дозволенного, чтобы добиться справедливости.

— И у тебя есть эта улика, которую надо подкинуть? — я наколола цыпленка и откусила немного.

— Пока нет. Но я работаю над этим. Для начала мне нужно знать, — ты хочешь, чтобы я продолжал? — он запихнул рис в свой рот. — Скажи мне, ты хочешь сделать это? В обратном случае, я брошу все. Сожгу письма. Их никогда не было.

Моя рука взлетела к его руке, мои глаза заметались от паники.

— Нет, я хочу сделать это. Я должна. Я подброшу любую улику, которая у тебя будет.

Глава 8

Прошло еще две недели перед тем, как я услышала о Пэкстоне. СМИ уехали на следующий день. Он смог возобновить расписание своей кампании. Пресса обошлась с ним мягко, думала я.

Я взяла отпуск в начальной школе Чарльстона, пообещав, что вернусь, когда улажу дела своего мужа. Кажется, странно произносить подобное. Спенс умер. Какая ему разница, прочтут ли его завещание или обработают страховой полис? Это мои дела. Они всегда были моими.

Новый директор принял мой завуалированный отпуск вежливо, не говоря о том, что мне

не будут рады по возвращении в школу Чарльстона. Мы оба знали, что публичные дела нарушали кодекс поведения учителей в школе.

Мы с Пэппером были на заднем дворе. Я бросала грязный, неоновый мячик, в то время как он носился за ним, иногда убегая дальше.

— Иди сюда, Пэппер, — он запрыгал у моих ног. — Сядь, — я потянула за мячик, пока не высвободила его из зубов. — Хорошо, вот так, — я забросила его на тридцать футов.

— Тук, тук, — Крикет стояла у входа в калитку. Она держала кастрюлю. — Я принесла тебе немного поесть, милая.

Я открыла защелку и впустила ее на задний двор. Трава щекотала мои лодыжки. Ее не подстригали...после. Ну, ее нужно подстричь.

— Спасибо, — я приняла термо-блюдо. — Тебе необязательно было делать это.

— Я все собиралась зайти и приготовила такую же для Джилл, так что...

— Как поживает ее мать? Не думаю, что должна была идти на похороны. Но я хотела.

— Она понимает. Думаю, сейчас план такой, поскольку это ведь ее мама, она заберет ее из дома престарелых и наймет сиделку. Может, две. Не помню.

Я кивнула, будто понимала через что она проходила. Отец Джилл умер через неделю, после Спенсера. Я бы не справилась со взглядами. Для Джилл было лучше, что я не пришла. Все внимание должно быть на ее отце, а не на моей грязной интрижке.

— Полагаю, это хорошо, — Пэппер уронил мячик рядом с Крикет.

— Ну а как ты? Нам тебя не хватает в книжном клубе.

Я засмеялась, больше с издевкой.

— Крикет, мы обе знаем, что я не вернусь в книжный клуб.

— Почему нет? — спросила она, потом бросила мячик по другую сторону от увядших помидор.

— Потому. Моего мужа убили, а у меня была интрижка с Пэкстоном Таннером. Я не собираюсь ставить других в неудобное положение. Я вообще удивлена, что ты здесь, — скорбь сделала меня грубой и резкой.

— Что, ты думаешь, я беспокоюсь о том, что подумают обо мне люди? Ну и что с того? У тебя был роман. У кого не было? Не стоит скрывать остаток жизни.

Я закатила глаза. Она слишком пыталась вести себя добродушно и беспристрастно.

— Я знаю, что говорят люди. Лучше, если я буду держаться подальше.

— Ты здесь занимаешься самобичеванием, Одри, но я скажу тебе вот что, это могла бы быть любая из нас.

Я изучала ее. Ее выщипанные брови и увеличенное декольте.

— Я так не думаю.

— Я бы сделала это. Черт, да любая из нас переспала бы с ним. Он обаятельный и харизматичный. Богатый. Богаче всех нас вместе взятых. И нельзя проигнорировать его тело, — она замолчала, слегка обмахивая себя. — Все, что я пытаюсь сказать, — у всех у нас есть слабости. Это могла быть любая из нас. Всем плевать, что у тебя была интрижка. Серьезно, милая. Не суди и не судим будешь...все это подходит всей улице целиком.

— Все намного сложнее, чем это. У меня еще и мертвый муж есть.

— Нам всем не хватает Спенса, — она снова бросила мячик Пэпперу. — Сейчас тебе нужна поддержка. Не будь затворницей. Ты как...как...кто тот автор, которого мы читали?

— Вирджиния Вульф?

— Да. Как она, — она усмехнулась.

— Я не собираюсь топиться, Крикет.

— Ну, это приятно слышать. Я должна бежать. Разогревай это при 325 градусах около получаса. Хорошо?

Кастрюля начала тяжелеть.

— Хорошо.

— И я серьезно. Не скрывайся. Мы можем справиться с этим.

Я потащила блюдо по ступенькам веранды.

— Спасибо за ужин.

— Позвони мне в ближайшее время, — она помахала перед тем, как обогнуть угол забора. — У меня все еще есть свободное место за столом для бриджа.

Я пихнула кастрюлю в холодильник. Были пропущенный звонок от Эйвери и сообщение от мамы. Я перезвоню им позже. Пэкстон просил меня прийти сегодня вечером. Он нашел кое-что, что мы могли бы использовать.

Я приняла душ и покормила Пэппера. Я выбрала курицу из мешанины Крикет в качестве предложения для ужина, потом заперла за собой дверь.

— Привет, — Пэкстон встретил меня у задней двери.

— Привет.

— Вина? — два бокала стояли на столешнице.

— Конечно.

— Как ты? — он переключился на красное.

— Ждала, когда ты найдешь что-нибудь. Я хочу отправить Хьюза в тюрьму. Почему так долго?

— Я хотел найти то, что подойдет суду, — он прошел в гостиную и сел на диван. Я предполагала, что мы будем в кабинете, просматривать электронные письма или что там нашли люди Пэкстона.

— Ты можешь просто отдать мне это? — я протянула руку. — Я подброшу это и сегодня же позвоню в полицию.

— Подожди. Я понимаю, ты волнуешься, но давай просто поговорим об этом.

— Ладно, — мои плечи слегка расслабились. Я волновалась и нервничала. Я позволила вину ослабить узлы в моей шее. — Я не хотела давить на тебя.

Он выудил что-то из своего кармана и поднял вверх.

— Это то, что ты найдешь.

— Флешка?

— Да. Думаю, здесь достаточно, чтобы окончательно указать полиции на Хьюза. Они начнут капаться в его почте и найдут то, что нам нужно.

— Что там? — я слегка коснулась ее верха.

— Ты хочешь знать? Может, тебе лучше оставаться в неведении?

Я наклонилась вперед.

— Я справлюсь. Скажи мне.

— Я думал, что нам подложить. Это должно выглядеть правдиво. Это должно было быть то, что Спенсер мог сохранить. Что-то, что мы могли намеренно разместить на флешке. Именно поэтому у меня не было ничего несколько недель.

— Но ты нашел что-то стоящее? Это стоящее доказательство?

— Да. Но, думаю, лучше, для твоего блага, если я скажу, что здесь все настоящее.

— Ладно. Я понимаю это. Все настоящее. Просто скажи мне, Пэкс.

Его глаза смягчились от признательности.

— Ты не называла меня так какое-то время.

— Просто привычка. Не обращай внимания.

— Точно, — он щелкнул флешкой. — В любом случае. Здесь загружены некоторые личные файлы Спенсера с его рабочего стола. Еще там есть налоговая документация. Копии ваших рождественских посланий. Снимки из отпуска.

— Как ты достал это? — спросила я.

— Хакеры, помнишь? Но никто не должен сомневаться, почему они там. Подлинные личные файлы, перемешанные с другими, делают флешку правдоподобной. Это копии с его рабочего стола.

— Ладно, что еще?

— Там есть папка «Андерсон и Ли». Там документы, которые мы хотим, чтобы увидела полиция. Черновики писем Спенсера, описывающих, что он нашел. Они рассказывают об всем. Он упоминает о романе. О сделке. О финансовой связи между Хьюзом и Льюисом Андерсоном. Все это.

— И ты уверен, что этого достаточно для ареста?

— Я знаю закон. Я, может, больше не практикую адвокатом, но точно знаю, что нужно полиции. Это здесь. Обещаю. Это доказывает все.

Я почувствовала облегчение. Мои плечи окончательно расслабились.

— Ты сделал это? Ты, на самом деле, нашел способ закончить весь этот кошмар, — я села на диван. — Не знаю, что сказать.

— Не говори ничего. Я должен был сделать это для тебя, — его взгляд смягчился, — Хотел бы я сделать больше.

— Этого достаточно. Это то, что мне нужно.

Он опустошил бокал. Я следила за его горлом, пока он глотал.

— Это был не ты, — я покачала головой.

— Нет. Не я. Я был здесь с тобой той ночью.

— Когда я проснулась, тебя не было, — это было меньше месяца назад со смерти Спенса, но иногда кажется, что прошли годы. — А когда я узнала, что Спенсера убили, я вернулась к тому моменту...когда проснулась одна в гостевой спальне. Я не могла пройти мимо этого. Боже, прости, Пэкс.

— Нет. Нет, не говори ничего. Ты была в шоке. Ты искала ответы. То, что полиция вывела меня в наручниках, тоже не помогло делу.

— Но то, что я сделала, непростительно. Они отпустили тебя в течение суток. Даже они знали, что ты не виновен. Ты должен был быть здесь, помогать мне все это время, да?

Он кивнул.

— Я не думаю об этом, Одри. Это была не ты. Если бы ты только знала, как я отреагировал, когда умерла Сара. Это было... — он замолчал, и я не думала, что он продолжит. — Если честно, я подумывал сдатьсь.

— Сдаться? — я уставилась в неверии на сильного мужчину, сидящего передо мной.

— Да. Я перестал есть. Я в основном жил на бурбоне. Я напивался до отключки, но потом все, что я находил, это кошмары, — он говорил на моем языке. — Я не понимал, почему я остался здесь и дышу, а она умерла. Я сдался. Я винил механика, который менял масло в ее машине...на самом деле, я набросился на него на работе. Избивал его, пока он не свернулся клубком на полу у моих ног.

— О, Боже, Пэкс.

Я стыжусь того, кем я был тогда. Несчастливым парнем, который не мог смириться с несчастным случаем. Она уснула за рулем, но я не хотел принимать этого. Я хотел, чтобы кто-то ответил. Кто-то должен был заплатить за это.

Так что, на минуту, я дал тебе каким-то образом цель для твоей злости, и я рад, Одри. Злость — то, что ты можешь сохранять короткий промежуток времени. Но не всегда, Одри, — он понизил голос. — Я понимал, что это была не ты, кто обвинял меня.

Он казался уверенным, но я больше не знала кто я.

Он встал с дивана.

— Нам нужна добавка.

Я наблюдала за ним через дверной проем. Он захватил бутылку красного.

— Вот, — он наполнил мой бокал до краев.

— Спасибо.

Он сел ближе ко мне в это раз.

— А теперь, расскажи мне, что ты на самом деле чувствуешь, — его улыбка нежная, взгляд полон решимости.

— Пустоту, — мои глаза сместились к его губам. Это было настолько честно, насколько возможно, после смерти Спенса.

— Это моя вина, что ты себя так чувствуешь. Моя кандидатура сделала это с тобой. Пожалуйста, скажи мне, что я могу сделать. Я хочу сделать больше, — в его голосе была боль.

Я потянулась к его челюсти. Щетина покрывала его подобно тени. Он закрыл глаза.

— Боже, Одри, никогда бы не подумал, что ты прикоснешься ко мне снова.

Я поставила свой бокал на столик. Взяла его и поставила рядом со своим.

— Что ты можешь сделать, чтобы заставить меня чувствовать? — спросила я напрямую.

— Серьезно? — он выискивал мой взгляд.

— Я не чувствую ничего, кроме онемения. Я не могу смеяться. Я перестала плакать. Можешь заставить мне чувствовать заново?

Он взял мои руки к себе на колени.

— Не уверен в том, о чем ты просишь меня.

— Ты точно понимаешь, о чем я говорю, — я вырвала свои руки из его хватки и набросилась на его верхнюю пуговицу.

— Одри, я не хочу пользоваться ситуацией. Ты скорбишь. Ты все еще пытаешься найти свое место, — его глаза закрылись, когда я откинулась на спинку дивана.

— Разве это не одна из стадий горя? — спросила я категорично.

— Боже, не знаю, — он наклонился ближе ко мне, его дыхание согревало мою щеку. — Я не могу думать ясно, когда ты смотришь на меня так.

— Я устала чувствовать пустоту. Ты можешь остановить это?

Не было ни мыслей, ни планов. Только отчаянная потребность почувствовать себя человеком снова. Быть с тем, кто не жалел и не презирал меня. Единственный, кто не смотрел на меня, как на шлюху-изменщицу.

— Одри? — выдохнул он в мою шею, и я понимала, что он пытается сдержаться, быть осторожным со мной.

Я оттолкнула его и встала. Пошла в его комнату, перевернула по пути снимок Сары. Медленно, я стянула футболку через голову и вышагнула из джинс. Забралась в его кровать и

ждала Пэкстона.

Может, прошло пять минут прежде, чем он вошел в комнату. Я не знаю, как долго ждала.

Он стоял в дверном проеме. Было темно, как и в нашу последнюю ночь вместе. Я не видела его лица. Да мне и не нужно.

— Хочешь, чтобы я ушла? — спросила я.

— Нет, — он пересек комнату. Его рубашка упала на пол. Я слышала, как пряжка его ремня ударилась о дерево. — Хочу дать тебе время подумать, в случае если ты изменишь свое мнение.

Он потянул покрывало на себя, и я ахнула, когда он перекатил меня на спину. Простыни холодили мою кожу.

— Я не изменю свое мнение.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — прошептал он у моего горла. Пэкстон поцеловал мою шею и за ушком, его руки накручивали пряди моих длинных волос между своими пальцами.

Мне нужно тепло. Я хотела, чтобы он изгнал холод вины и печали из меня. Он нужен мне, чтобы изгнать пустоту.

— Заставь меня забыть, — я умоляла его. Все время зная, что не могла думать ни о чем другом. Я была сломлена, разбита на кусочки настолько крохотные, что они могут никогда не собраться воедино.

Я закрыла глаза, пока он двигался внутри меня, неторопливо. Нашептывая мне, как сильно он любит меня. Толкаясь глубже в меня, заявляя, что я красивая и сексуальная. А когда наши тела задрожали и скрутились под вибрации, которые барабанили в моей голове, я закричала. Я царапалась и кричала, тянула его за волосы, кусала его кожу. Я боролась с теплом и спокойствием, бушующими внутри меня. Я была неправа. Лучше ничего не чувствовать.

— Шшш... — Пэкстон устроился позади меня. Его руки сомкнулись на моей груди. — Шшш... все в порядке. Ты в порядке.

Моя кожа начала остывать. Простыни были влажными от пота. Я уставилась в темную стену.

— Я люблю тебя, — он поцеловал мое плечо. — Мне не хватало этого. Я хотел, чтобы ты вернулась. Я не был уверен, что ты захочешь.

Я кивнула. Я не могла думать о любви. Когда услышала, как его дыхание превратилось в размеренное посапывание, я выскользнула из-под его рук. Я прошла на кухню и налила стакан воды.

Не знаю, что я чувствовала. Каким-то образом, на мгновение, я забыла. Мгновение, когда я не была вдовой, а моего мужа не убили. Я не была безработной. Я не была жалкой. Мне не было стыдно. Я не была любовницей. Мгновение, когда это все исчезло.

Я вернулась в спальню и забралась в кровать, переворачивая Пэкстона на спину. Я оседлала его и поцеловала в грудь.

Эй, — пробормотал он сонно.

Я снова качнулась вперед, пока он не ответил подо мной. Его руки приземлились на мои бедра, и я склонилась к нему, задыхаясь от ощущений.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Просто трахни меня, — прошептала я. Закрыла глаза.

Мне нужно еще мгновение.

Глава 9

На следующее утро я забрала флешку с собой домой и подкинула ее в верхний ящик комода Спенсера. Я позвонила детективу Пенделтону и сообщила, что думаю, он должен приехать. Я, возможно, нашла что-то, пока поковала вещи Спенсера, но не хотела прикасаться к этому, в случае если это важно для дела.

Детектив появился в доме в течение часа. Я впустила его.

— Привет. Спасибо, что приехали так быстро. Я не знаю важно ли это, но что если да? — я репетировала свои невинные реплики за завтраком с Пэкстоном.

— Рад, что вы позвонили. При открытом деле, очень важно изучить все возможные улики. Никогда не знаешь, что может всплыть. Где это?

— Здесь, — я повела его в нашу спальню. Я расставила коробки по комнате. Я открыла ящик. Указала на носки. — На дне. Я позвонила вам сразу же, как увидела это.

Пенделтон сдвинул носки Спенсера в сторону, расчищая большим пальцем флешку.

— Ага, — он поднял ее.

— Спенс хранил все, касающееся работы в кабинете. Все. Не знаю, почему это оказалось на дне его ящика. Я даже не смотрела ее.

Офицер поместил ее в небольшой пластиковый пакет и закрыл сверху.

— Может, стоит посмотреть, что на ней, — он запихнул улику в нагрудный карман.

— Спасибо. Надеюсь, там что-то есть.

Мы пошли к входной двери.

— Я буду держать вас в курсе, — он повернулся. — Если найдете еще что-то подобное, дайте нам знать.

Я энергично закивала.

— Хорошо. А вы скажете мне, что найдете?

— Давайте я вернусь к себе в участок и посмотрю ее. Я позвоню.

— Спасибо, детектив.

Я наблюдала, как он шел по подъездной дорожке, унося вещицу, которую создал Пэкстон. На ней были настоящие данные, говорила я себе. Не важно, если кое-что было размыто. Сенатор Хьюз ответит за убийство моего мужа.

Пэкстон сделал все необходимое ради меня, когда остальные не могли. Никто не был способен сделать то, что сделал он. У него есть деньги и ресурсы, чтобы поймать Хьюза. Он был на шаг впереди полиции. Это, может, и займет несколько недель, но будет стоить того, когда полиция арестует ублюдка, который убил Спенсера.

Сегодня Пэкс посещал митинг по правам геев. Он сказал, что позвонит позже и заедет проверить меня. Он захочет узнать, что сказал Пенделтон.

Я села на диван и ждала звонка детектива.

На следующий день единственным сюжетом в новостях был арест сенатора Хьюза. Его взяли под стражу незамедлительно на одной из его агитационных речей. Я наблюдала за этим, практически теряя сознание. Человек, который стоял за смертью Спенса не был похож на убийцу. На нем были круглые очки, на самом деле цветные, и его волосы с сильной проседью были намного седее, чем на фотографиях его кампании.

Я прочитала где-то, что у него четверо детей. Сейчас они взрослые, но что за отец заставит пройти свою семью через такое несчастье? Что это за человек, который сотворил подобное со мной?

Детектив Пенделтон сказал, что они нашли письма Спенсера. Письма, в которых он пытался предупредить своих партнеров, что их деловая сделка подозрительная. Льюис Андерсон выкачивала деньги для кампании действующего сенатора.

Детектив сказал, что этого достаточно, чтобы доказать мотив. Что вместе с заявлением Пэкстона о том, что Хьюз угрожал уничтожить его кампанию, полиция не мешкала с арестом.

Я получила несколько предложений для интервью. Я подготовила ответы заранее при помощи Пэкстона.

«Я рада, что восторжествовала справедливость»

«Я глубоко доверяю департаменту полиции Чарльстона»

«Теперь моя семья может скорбеть в мире.

Все они звучали уместно. Они все звучали как то, что я должна сказать, только у меня было больше, что сказать. Я должна была оставить это при себе.

— Только самый минимум, — предупреждал Пэкстон. — Если ты дашь им хоть что-то, они будут работать с этим. Держись коротко и просто.

— Так тебя тренировали? — спросила я.

Он усмехнулся.

— У меня были профессиональные тренеры и имидж-консультанты, но да, что-то вроде того.

Я выключила свет в спальне. Он последовал за мной к кровати.

— Как думаешь, как долго нам еще пробираться друг другу в дома? — спросила я.

Моя апатия включала в себя наплевательское отношение к тому, что подумают люди. Спенс умер. Пэкстон заботился обо мне. Он готовил ужин в те вечера, когда не был занят политической деятельностью. Он всегда убеждался, что мой бокал наполнен вином, и что последнее, что я видела перед сном, — он поверх меня. Это мое новое нормальное состояние.

— Думаю так скоро, как пройдут выборы, и мы должны будем появиться вместе на людях, — он встал позади меня, потираясь об мою спину.

— До ноября? — это казалось разумным.

— К тому времени пройдет несколько месяцев со смерти Спенсера. И еще, я думаю, что появится значимость того, как начались наши отношения. Люди увидят, что это романтическая история, а не какая-то грязь. Вот увидишь. Избиратели простят, — он сорвал штаны с моих бедер, и я с готовностью вышагнула из них. Он развел мои ноги в стороны, помедлив, чтобы обхватить мою задницу.

— Я не представляю как, Пэкс. Это грязно, — мое тело уже трепетало, нуждалось в нем, нуждалось в грубости и жестокости. Я не хотела нежности и мягкости.

Он прикусил мое ухо.

— Ты — вдова. Я — вдовец. Нашли утешение вместе. Это политическая поэзия, — он расстегнул крючки на моем лифчике и взял грудь в свои руки.

Я откинулась на его плечо, пока он пощипывал и сжимал меня.

— Поэзия? — простонала я.

— Поэзия. Так же, как и ты звучишь, когда я делаю это, — он нагнул меня над краем

кровати. Моя голова закружилась. Он заставлял меня ждать, мучил меня, спрашивал, чего я хотела. Наконец, когда я ответила ему и сказала, в чем нуждалась, он врезался в меня, и я закричала. Я улыбалась, понимая, что сейчас я перестану думать.

Итак, я дала свое интервью, как он инструктировал. Я репетировала свои реплики. Я читала его речи и давала советы. Больше не было конкуренции на сенатский пост, поскольку Хьюз вылетел из гонки и готовился к суду, но Пэкстон хотел провести кампанию как можно лучше. Все еще были два независимых кандидата, и он говорил, что должен перехватить еще неопределившихся фанатов Хьюза. Каждый голос важен, напоминал он.

Понемногу, я оставалась дольше каждое утро. Завтраки переходили в обеды. Иногда, обеды переходили в ужины. Я привела Пэппера с собой. Он спал на диване. Пэкстон ни разу ничего не сказал.

Я смотрела телик. Пила вино. Ждала вечера, когда придет Пэкс и заберет меня под свою опеку.

Недели проходили именно так. Он не жаловался, если я не принимала душ. Он не говорил мне, что нужно искать новую работу. Он позволял мне существовать, так долго, пока я была в его постели ночью.

Завтра день выборов. Я закинула несколько яиц на сковороду и сунула ее на огонь. Пэкстон зашел в кухню, одетый в темный костюм. В тот, который оттенял его глаза. Мое дыхание перехватило.

— Яичницу? — я разбила еще одно об сковородку.

— Нет, я должен встретиться с командой, чтобы пройтись по статистике.

— Статистике? Ты уже почти сенатор. Выборы — просто формальность.

Улыбка расплзлась по его лицу.

— Не для завтрашних выборов. Это разговор о следующем шаге.

— В смысле?

— Губернаторские выборы.

— Что?

Он опустил на свои ноги, почти подпрыгнул.

— Опрос показал, что я ранний претендент. Если я выиграю эти промежуточные выборы, то мы запустим мою губернаторскую кампанию незамедлительно.

— Но ты еще даже не проголосовал за свой первый законодательный проект. Ты ничего не сделал, — это еще больше доказывало мою малограмотность в политическом мире.

— Я должен оставаться на шаг впереди. Я должен благодарить тебя, — он поцеловал меня в лоб.

— Меня?

— Да. Предварительная информация показала, что 80 процентов избирателей видят тебя первой леди штата.

Я едва не выронила сковороду с яичницей на пол до того, как вывалила ее в свою тарелку.

— О чем ты говоришь?

— Первая леди. Ну, Южной Каролины, — его глаза мерцали. Он впихнул маффин в свой рот и налил кофе в термокружку. — Им нравится, что ты учительницы первого класса.

— И что с того?

— Ты злишься? — он закрутил крышку.

— Мы даже не обсуждали ничего подобного. Это самонадеянно, я думаю.

— Одри, мы вместе прошли через ад. Мы спим вместе каждую ночь. Ты на моей кухне, в моей рубашке, готовишь завтрак. Я хочу этого. Я знаю, что хочу этого. И очевидно фокус-группа хочет этого тоже.

Я покачала головой.

— Это безумие. Первая леди? Я ничего не смыслю в политике. Но более того. Я не знаю, хочу ли замуж снова. Я не могу думать о браке, — я передела обручальное кольцо на правую руку, после похорон. Оно ощущалось там лучше. Я смотрела на него сейчас.

Он посмотрел в телефон и напечатал сообщение.

— Слушай, я должен идти. Мы поговорим об этом сегодня вечером. Увидимся за ужином, — он коротко поцеловал меня в щеку. — Просто подумай об этом, Одри.

Глава 10

— Мы можем переехать? — здесь были свечи и розы. Шампанское и кольцо, вставленное в бархатную коробочку, стояли передо мной на кофейном столике. Бриллиант был огромным. Слишком огромным.

Пэкстон выглядел озадаченно.

— Куда?

— Просто из этого района. Я не хочу больше видеть свой дом, — я не могла жить здесь и смотреть на него.

— Да, да, мы можем переехать. Мы должны оставаться в округе, но ты можешь выбрать любой дом, какой захочешь, — он все еще стоял на коленях. — Это означает, что ты говоришь «да»? Ты выйдешь за меня?

— Прошло всего три месяца, — заявила я. Я знала точно сколько дней, но это не было тем, что Пэкстон хотел услышать посередине своего предложения.

— Мы можем сохранить это между нами на некоторое время. Может, сделаем объявление после праздников. Запланируем летнюю свадьбу? — предложил он.

— Никакой свадьбы, — заморгала я.

— Мы можем пожениться без свадьбы.

— Церемония. Церемония в суде. Я не хочу священника. Никаких цветов. Никакого большого, пышного платья. Мы оба уже прошли через это.

— Что если мы слетаем в Вегас и махнем в одну из придорожных часовен? — он дразнил меня.

— Плевать. Просто пообещай, что никакой свадьбы.

— Никакой свадьбы. И ты хочешь новый дом. Что-нибудь еще?

— Ты любишь меня, Пэкс?

Мой взгляд остановился на его пристальном. Эти ресницы застали меня врасплох, когда мы впервые встретились. Я хотела плавать в этих темных, таинственных бассейнах, пока не затеряюсь. Я хотела утонуть в них, пойти на дно, глотая воздух. И сейчас так и было.

— Боже, ты знаешь, что да. Я буду заботиться о тебе до конца жизни. Я буду оберегать твою безопасность. Я знаю, что смогу сделать тебя счастливой.

Это начало происходить, брызги счастья. Я подавляла их. Говорила себе, что не заслуживаю передышки от своих страданий, но они в любом случае появлялись. Когда Пэкстон приходил после мероприятий по сбору средств, я улыбалась. Когда он мыл мою

спину в душе, я позволяла своему телу отдаться заботе его рук. Когда он расклеивал записки по кухне для меня, чтобы я находила их по утрам, я сохраняла их. Темнота превращалась в серость. Пэкстон исцелял меня.

— Да, — я смахнула слезу с ресниц.

— Да? — он схватил кольцо и надел его на мой палец, убеждаясь, что оно плотно сидело. — Ты даже не представляешь, что это значит для меня.

— Представляю, — я прижалась своим лбом к его лбу. — Я знаю.

Он поцеловал меня нежно.

— Сначала сенатский пост, а теперь это. Я самый счастливый мужчина на планете, — он поднес кольцо к свету. — Тебе нравится?

Да. Оно великолепное. Такого рода кольцо может заставить женщин завидовать и говорить что-то подобное, «Ты молодец, милая». Оно безупречно.

— Оно прекрасно.

— Хорошо. Я хотел, чтобы тебе понравилось. Я хочу сделать тебя счастливой. Клянусь, что сделаю все что угодно. Ты снова станешь счастливой, детка. Клянусь. Эта жизнь, что мы строим...это все.

Я могла снова отключить это...вину, чувство измены и грязи. С шампанским текущим по моим венам и новым камнем на моей руке, я пообещала себя ему. Заверила, что буду его женой, дам ему все, что он захочет. Это спасет меня от бездействия, говорила я себе. Пэкс не позволит мне погрузиться в темноту. В его объятьях облегчение.

День выборов, Пэкстон Таннер стал новым сенатором нашего округа. Он был скромным и вежливым. Он пообещал избирателям, что выслушает их всех, не имело значение их приверженность к «красным» или «синим». (под «красными» подразумевается республиканская партия, а под «синими» — демократы) Его речь транслировали по всей стране, потому что его история стала популярной. Он стал популярным. Я наблюдала за ним с его дивана, в то время как Пэппер спал у моих ног.

Пэкстон был прав. Избиратели простили. Они еще и забыли.

Мы проведем праздники вместе в домике, который арендовали в Вейле. Моя семья была расстроена и смущена, что я не приеду на Рождество домой, но они понимали, что я горевала по Спенсеру. Я не уверена, что Эйвери хотела бы моего присутствия на ее веселье в доме. Для всех лучше, если я буду держаться подальше.

Хуже этого были звонки от матери Спенсера. Она хотела увидеть меня, хотела небольшого напоминания о ее сыне на праздники. Проблема в том, что я не хотела.

Я не хотела, чтобы все было как прежде. Все должно быть по-другому. Вейл — другой. Моя жизнь с Пэксом — другая.

Он опустил сумки на пол в гостиной. Я оглядела наш домик, если его можно так назвать. Он больше походил на Зимний Дворец.

— Здесь потрясающе, — камин горел. В углу стояла двенадцатифутовая елка. (прим. 3,5 м в высоту) Под ней были белые и золотые завернутые коробки. Я почувствовала запах ужина в духовке.

— Тебе нравится? — спросил он.

Я сомкнула руки вокруг его шеи.

— Здесь красиво. Когда ты сказал, что мы арендуем коттедж, я представляла домик с одной спальней по определенным причинам. Неделя фланели и пива. Может, даже венки

повесили бы.

Он засмеялся.

— Это Рождество. У меня есть привычка перебарщивать.

Он потянул мои руки со своей шеи и сжал их.

— Где твоё кольцо? — он провел по пустому месту на моем пальце.

Я потянулась в карман и скользнула камнем по пальцу.

— Я-я просто хотела подождать, пока мы не уедем из города.

Он поцеловал меня в лоб.

— Я понимаю. Ты не готова, чтобы все узнали о наших отношениях, — он отвел меня к камину. В тепле хорошо. — Но скоро каждый узнает, то ты станешь моей женой. Скоро. А потом ты будешь носить его каждый день.

Я закрыла глаза и прислонилась к его груди.

— Пэкс, мне все еще нужно больше времени. Извини. Праздники приносят много воспоминаний.

Он приподнял мой подбородок указательным пальцем.

— Не извиняйся. Мы здесь вместе. Мы поженимся. Если тебе нужно немного времени чтобы осознать все, я дам тебе его.

— Спасибо, — прошептала я. Хорошо уехать из Чарльстона. Подальше от моих коробок с рождественскими украшениями и безвкусной гирлянды Спенса. Подальше от глупых чулок, что мы дарили друг другу. Подальше от праздничных вечеринок.

— Хотя, как думаешь, ты всегда будешь носить другое кольцо? — его глаза впились в мою правую руку.

— Это беспокоит тебя?

— Я понимаю, это сентиментально, Одри, но другой мужчина надел это на твой палец. Я не ношу то, которое подарила мне Сара. Оно в ящике моего комода. *Дома*.

Я сорвала платиновый обруч. Я не подумала, что Пэксу может быть от этого некомфортно. На самом деле, я не учитывала его чувства, когда смотрела на кольцо.

— Я не прошу тебя снять его, — он сжал мои плечи.

Я покачала головой.

— Знаю, но ты прав. Я не могу носить твоё кольцо на одной руке, а Спенса — на другой, — я запихнула мое обручальное кольцо в карман, где лежало кольцо с помолвки.

Он улыбнулся.

— Как насчет выпить? — он пошел к бару. Тот был забит всевозможным алкоголем.

— Звучит здорово, — я кивнула.

Он поставил пару стаканов на гранитную столешницу и налил нам по щедрой порции бренди. Зазвонил его телефон.

— Таннер, — ответил он. — Да. Да. Думаю, мы можем взять их в команду. Они старинные друзья семьи...да...мы можем использовать их поддержку.

Он протянул стакан мне и прошел в другую комнату, прижимая телефон к уху.

Я свернулась на диване, смакуя бренди, пока он согревал меня изнутри. Мы можем оставить Чарльстон позади так надолго, насколько можем, но я понимала, что будущее всегда будет тянуть Пэкса.

Домик был в декадентском стиле вплоть до ковра из медвежьей шкуры. Он мог вместить несколько больших семейств на праздники. Это экстравагантная поездка...то, что я никогда не могла бы себе позволить.

Я смотрела на мерцание огня.

Он вернулся через десять минут и сел рядом со мной на диван. Шел снег и все сияло белым, даже в темноте.

— Прости за это. Мы работаем над пополнением списка спонсоров. Мне нужны известные имена.

— Я думала, что у тебя есть известные имена.

— Мне нужны известнее, — он отхлебнул бренди.

— Разве люди не знают, что ты в отпуске? — спрашивала я. — Это же Рождество.

— На самом деле, все не так работает. Я не стану губернатором без обеспечения нужд кампании. Я вроде бы как в их милости сейчас.

— Не уверена, что чувствую насчет этого, — я уставилась на падающий снег.

— Слушай, какое-то время будет суматоха, но мы разберемся с этим вместе. Мне нужна твоя поддержка в моей карьере. Я не смогу сделать этого, если тебя не будет в команде.

— Я поддержу тебя. Я никогда не видела себя в политике. Все просто настолько иначе, Пэкс. И сейчас Рождество. У нас может быть только это?

— Я понимаю, детка, — он забрал бокал у меня и поставил его на стол. — Но мне нужно, чтобы ты понимала, что это часть того, кем я являюсь. Это моя жизнь, — он перевернул мое тело, пока я не оказалась ровно под ним. — Ты нужна мне.

— Ты мне нужен тоже.

Он поцеловал меня. Я выгнулась под ним, упиваясь бренди на его губах. Мои руки вцепились в его спину. Кольцо на моей левой руке сверкало в огне камина, пока он срывал клочки одежды с наших тел

Я убедила его подождать до весны, чтоб объявить о нашей помолвке. Восемь месяцев несомненно покажется быстрым для общественности, но учитывая что мы встречались раньше, это может и не показаться спешкой. Его команда вывернула нашу историю в трагичную историю любви. Мы страдали от потери наших супругов, и только вместе смогли исцелиться. Это было мастерски срежессированно.

Статистика не изменилась. Кампания «Таннер — Губернатор» начнется в течение года. Хотя, я знала, что она уже запущена. Благотворительные ужины проходили почти каждый вечер. Требуются миллионы, чтобы стать губернатором.

Как только мы вернулись из Вейла, Пэкс дал мне задание найти наш новый дом. Он сказал, что позаботиться о продаже наших домов, но хотел, чтобы я выбрала место, которое сделает меня счастливой. Место, где мы сможем начать нашу жизнь вместе.

Большинство дней он проводил в Колумбии, пока я встречалась с риелтором, но я воспринимала это, как способ помочь ему... уменьшить его рабочую нагрузку.

Это заняло несколько месяцев, но я, наконец-то, остановилась на доме с закрытым пляжем. Комнаты были огромными. Крыльцо растянулось от одного конца до другого. Он был не похож ни на один дом в нашей местности. Я была уверена, что это станет свежим началом для нас обоих, но и понимала, что это намного важнее для меня, чем для Пэкса. Он был бы просто счастлив, если бы я переехала в его дом.

Дом соответствовал нашим критериям. Он был в его округе и лишен воспоминаний. Конечно, мы не могли переехать, пока не поженимся. Мы пытались позволить нашим отношениям развиваться публично, и большинство избирателей не поддержат наше сожительство, если мы не обменяемся клятвами. Однако, я могла провести следующие несколько месяцев, перевозя вещи и планируя декор. Мы собирались устраивать вечеринки и

обеда для наших политических друзей. Он должен стать губернаторским домом.

Коробки были помечены большими белыми ярлыками. Мой почерк нацарапан поперек каждого. Я вспоминала, как не торопилась и убеждалась, что каждая буква идеально выведена на классной доске. У меня почерк учителя, обычно говорили мне люди.

Шкаф в коридоре опустел. Это было легко, когда я выкинула все в мусорные пакеты. Я посмотрела на черные пакеты, заполненные учительскими кружками и яблочными рамками. Они мне не нужны в новом доме. Я больше не учительница.

Я настояла собрать вещи в доме самостоятельно. Я не хотела присутствия Пэкстона. Этот последний кусочек моей прошлой жизни помнили эти стены. Я не хотела его вторжения. Конечно, это ранило его чувства. Раздавило его, по-настоящему. Но я использовала все отговорки, какие могла придумать, чтобы удержать его от помощи. Это сработало, и у меня заняло две недели, что отсортировать, упаковать и выкинуть то, что осталось от моей жизни со Спенсом.

— Тук, тук! Одри?

Я услышала голос Крикет из своей спальни. Я прошла в кухню. Все они здесь. Мои соседки из книжного клуба. Женщины, которые приняли нас, когда мы только переехали сюда шесть лет назад.

— Привет, — я улыбнулась.

— Я рада, что мы не опоздали к тебе, — миссис Эллерби нарушила тишину.

— Нет, я еще не уехала.

— Не могу дождаться, когда увижу новый дом, — добавила Джилл. — Я слышала хорошие отзывы о том районе.

— Спасибо. Да, мы будем ждать вас.

— Тебе нужна какая-то помощь? — Крикет осмотрела кухню. — Несколько дополнительных рук помогут сделать все быстрее.

— Нет. Я почти закончила. Я просто упаковываю остатки своей одежды, — я выбрала одежду, которую заберу с собой. Остальное уйдет Эйвери или в Гудвилл.

— Ты уверена, милая? Мы с радостью сделаем что-нибудь.

— Я ценю это. Правда. И спасибо, что зашли. Я собиралась увидеться с вами до отъезда, — мы все знали, что этого не произойдет, но звучало мило, когда произносила. Я могла притвориться, что я соседка, которая делает все это. Соседка, которой я всегда хотела быть.

— Мы принесли тебе небольшой прощальный подарок, — Крикет протянула подарочный пакет.

— Вы не обязаны были делать это.

— Ну, поскольку оказалось, что тебя больше не будет в школе, и кто знает, куда карьера Пэкстона занесет тебя, мы просто хотим, чтобы ты помнила о нас, — она ждала, когда я приму его.

Я потянула за синюю, упаковочную бумагу и вытащила фотографию в рамке.

— О, я никогда ее не видела.

— Мы сделали ее в последнее лето в книжном клубе Тины. Она все была настроена запустить блог, но так и не сделала этого. Помнишь?

— Да, — я кивнула. Это еще и первый вечер, когда я встретила Пэкстона. — Она, на самом деле, милая. Спасибо. Я найду идеальное место для нее в новом доме.

Они улыбнулись и начали толкаться к двери. Я обняла каждую, понимая, что наши пути, вероятно, не пересекутся снова.

— Пока, — я помахала и смотрела, как они расходились по моей лужайке.

Табличка «продается» перевернулась после последнего ливня. Я вышла и закрепила ее на место. Я посмотрела на дом. Идеальная зеленая трава. Закругленное крыльцо. Я была счастлива здесь. Пока все не закончилось.

Темно. Мне холодно, но я чувствовала что-то теплое на своих ладонях. Я посмотрела вниз на тело Спенса у моих ног.

— Спенс! Спенс! — закричала я, падая на колени. Я толкала его. — Спенс!

Я подняла глаза вовремя, чтобы заметить машину, несущуюся прямо на нас. Я бросилась поверх его тела, когда она влетела в комнату. Я не могла пошевелиться. Шипение от аварии было оглушительным. Я была похоронена под стеклом и стеной, прижатая к Спенсеру.

— Одри? — позвал он. Его голос слабый.

Я попыталась подвигаться. Я давила спиной на машину, чтобы создать пространство.

— Я не могу дышать, — он задыхался. — Я не могу...

— Держись, — умоляла я. — Пожалуйста, держись.

— Не могу.

— Спенс! — закричала я снова, но когда потянулась к нему, подо мной его не было. Я села. Осколки стекла вокруг меня. Я покрыта кровью.

— Одри, проснись. Проснись, детка, — я услышала голос Пэкса.

Он притянул меня к своей груди. Его руки укладывали меня, пока я не оказалась на его коленях.

— Пэкс, — прошептала я.

— Ты в порядке. Это просто сон.

Мои руки расплющились по его груди. Я чувствовала, как колотилось его сердце. Это ночной кошмар. Меня начало трясти.

— Я-я... все казалось настолько реальным, — я оттолкнулась от него для большего доступа воздуха.

— Это третий за одну неделю. Ты продолжала звать Спенсера.

— Мне жаль, — я притянула колени к своей груди. Кровавые картинки — все, что я могла видеть.

— Давай, я принесу тебе что-нибудь выпить, — он вышел из спальни и вернулся с чем-то темным. Это не вода. — Тебе нужно кое-что покрепче, чтобы помогло уснуть.

Я выпила это, не заботясь, что оно обожгло мое горло.

— Спасибо, — я поставила стакан на коробку рядом с кроватью. Пэкс упаковал большую часть своей комнаты.

— Не хочешь рассказать мне, что происходит в этих снах? — спросил он.

— Нет, на самом деле, — я хотела еще выпить.

— Я не смогу помочь, если ты не расскажешь, что происходит, — его большой палец растирал мою ладонь. — Впусти меня.

— Я не хочу думать об этом, — я стянула майку со своей груди. Набросила руки на его шею и прижалась телом к нему. — Помоги мне забыть.

Он запутался руками в моих волосах.

— Как ты думаешь, это как-то связано с тем, что мы поженимся на следующей неделе?

Все эти сны?

Я поцеловала его шею, потираясь своим телом об него.

— Нет, почему ты спрашиваешь?

Он слегка потянул за горсть волос, чтобы я могла смотреть ему в глаза.

— Это как-то связано с переездом в новый дом или свадьбой? Ты уверена в этом?

— Это не из-за свадьбы.

Он схватился крепче и я ахнула. Я закрыла глаза и переместилась так, что оказалась поверх него.

— Мы поженимся на следующей неделе, Одри.

— Я знаю, — я поцеловала его грудь. Тепло размывало сон. Он начал исчезать. Я чувствовала нечто иное, а не лютый холод.

— Я беспокоюсь о тебе.

— Не стоит. Просто помоги мне забыть.

Он вздохнул.

— Мне тяжело, когда ты начинаешь кричать в своих снах. Ты пугаешь меня до чертиков.

— Заставь меня кричать по другим причинам, — я прикусила его горло.

Он схватил мои запястья и прочно удерживал их.

— Ты в порядке?

— Мне нужно почувствовать себя живой. Я хочу забыть о плохих снах. Ты заставляешь все это уйти, — я начинала тереться об него, мои бедра целенаправленно работали.

Он застонал.

— Я заставляю их уйти?

— Ммммхммм, — я сосредоточилась на его дыхании, на том, как его взгляд изменился из обеспокоенного в переполненный желанием. — Ты нужен мне, чтобы заставить их уйти, — я перекатилась на бок, и Пэкс перекатился со мной, прижимая руки над моей головой.

Я не хотела думать о сне или анализировать, почему кошмары внезапно вернулись. Кажется, Пэкс думал, что это связано с нашей грядущей церемонией, но я не собиралась давать ему шанс проводить надо мной психоанализ. Жар прогонял кошмары, и это именно то, что нам обоим нужно.

Глава 11

— Вот здесь, миссис Таннер. Прямо здесь, — я следовала за ассистентом, которого нанял Пэкстон. Просто стойте чуть поотдаль от сенатора Таннера, пока он будет на трибуне. Не забывайте улыбаться. Не слишком широко, но и не так будто вам скучно. Кивайте, когда он делает паузы. Хлопайте вместе с толпой.

— Должна ли я говорить? — я поправила свой жемчуг.

— Нет. Сегодня только фотосессия. Завтра у нас интервью с журналисткой из журнала «Южный Штат». Она будет у вас дома около двух. Я уже отдал ей список с темами, которые обсуждать с вами. Сегодня, вы все улыбаетесь.

— Поняла. Кивать, хлопать, улыбаться. Эм, а где мой муж? Разве он не должен уже быть здесь? — оттуда где стояла, я видела через боковую дверь, что толпа росла.

— Он должен появиться в любую минуту. Хотите немного воды пока ждете?

— Нет, я в порядке, — я не хотела сидеть. Я все утро провела за разглаживанием

складок на юбке. Она шелковая. — Не знала, что здесь будет так много людей.

— Это закрытая вечеринка, и список гостей был ограничен. Ваш муж стратег в этом.

— Как обычно.

Я снова написала Пэксу. Нет ответа.

Флаг Южной Каролины начал развеиваться. Пресса начала рассаживаться на складные стулья, что предоставил персонал. Теперь это не займет много времени до того, как объявление станет официальным. Мой буж баллотировался в губернаторы.

— Он здесь. Он здесь, — хлопнул ассистент. — Ладно, успокойтесь, все. Давайте поддерживать всю структуру.

Я не была уверена, почему парень проговаривал свои мысли вслух, но я слышала, как он бормотал и шептал, пока мы ждали, когда Пэкстон присоединится к нам.

— Привет, — я улыбнулась.

— Выглядишь чудесно, — он поцеловал меня в щеку. — Готова сделать это?

— Думаю вопрос в том, — готов ли ты? — я почувствовала, как его рука скользнула в мою.

— Я ждал этого дня долгое время.

— Знаю. Я горжусь тобой, Пэкс.

Он наклонился.

— Хочешь показать мне, как гордишься мною, после этой небольшой пресс-конференции?

Я покраснела.

— Пэкстон.

— Я абсолютно серьезен. Мы можем снять люкс наверху. С удовольствием послушаю твою реакцию на речь, — он поправил свой галстук и прикрепленный американский флаг на его петлице. — И не говори мне, что все изменится только потому, что ты станешь первой леди Южной Каролины, — пошутил он. В другие дни, кроме нашей свадьбы, не припоминаю, чтобы видела его таким счастливым.

— О, определенно нет.

— Хорошо.

Появился ассистент.

— Сенатор Таннер, время.

— Спасибо, Тодд, — он повернулся ко мне. — Готова?

— Да.

Мы вместе прошли на сцену. Пэкстон помахал, а я убедилась, что стою слегка позади него, не слишком близко. Тодд поставил небольшой крестик для меня на платформе.

Он ждал, пока стихнут аплодисменты прежде, чем обратиться к аудитории.

— Как вы знаете, я вступил в должность сенатора штата всего год назад. И на протяжении этого года в моей жизни произошло множество изменений. Я женился на моей невероятной и прекрасной жене, Одри, — он подмигнул мне, и помещение полное людей захлопало.

— Мы переехали в новый дом. Мы начали планировать наше будущее, и я начал задумываться о всех остальных семьях Южной Каролины. О студентах, заполняющих заявления в колледжи. О молодых парах, планирующих свои свадьбы. Он новоиспеченных родителей, приводящих в этот мир своих детей. О парах, уходящих на пенсию. И мы с Одри разговаривали. Мы много разговаривали, — он улыбнулся и позволил словам омыть толпу.

— Мы говорили о том, как нам повезло купить дом своей мечты. Что мы могли выбирать, как и когда создавать нашу семью. Мы можем обеспечить лучшим возможным образованием наших детей, но мы понимаем, что так не у всех, — он вздохнул. — Но, мы счастливики. Нам была дарована жизнь, которую, мы знаем, не все могут иметь.

— Поэтому я начал думать. Что я могу сделать, чтобы подарить людям этого штата небольшой кусочек этого счастья? Как я могу поделиться тем благословением, что было даровано мне? — он вдохнул. — Одри и я просиживали часами, сортируя это, пытаюсь выяснить, как мы можем посвятить наши жизни служению людям, которых называем друзьями. Людям, которых зовем соседями. И мы пришли кое к чему, ребята.

Он повернулся ко мне и протянул руку, указывая мне прямо на трибуну. Я вложила ладонь поверх его и шагнула вперед.

— Сегодня, я выдвигаю свою кандидатуру на пост губернатора Южной Каролины. Сегодня, я обещаю горожанам этого штата, который люблю, этого штата, который вырастил меня, сформировал меня, любил меня в ответ, что я отдам все в ответ, как никогда прежде. Я буду слушать. Я буду здесь ради вас. Я собираюсь сделать жизнь Южной Каролины завидной для каждого штата этой страны. Я собираюсь инвестировать в его будущее. Я собираюсь инвестировать в *вас*.

Толпа встала на ноги и начала скандировать:

— Таннер! Таннер! Таннер!

Он притянул меня к своей груди и крепко поцеловал в губы. Это не был поцелуй для фотосессии, это безрассудное потворство своим желанием. Поцелуй победы.

— Это невероятно, — прокричала я ему сквозь толпу.

— Это только начало, — усмехнулся он.

Я встряхнула кристаллики на дне кувшина, пока не получила однородную бледно-желтую смесь. Почти два, и я готовилась к своему интервью с кучкой маффинов, свежим лимонадом и полным кофейником, так на всякий случай. Это мое первое интервью в качестве жены кандидата в губернаторы. Это многое значит для Пэкстона. А значит и для меня тоже.

Это наш шанс показать избирателям, что мы идеальны для первой пары штата. Тодд сказал, что у меня не возникнет проблем прорекламировать наш роман.

Пэппер лаял на окно. Я видела, как белый седан приближался по подъездной дорожке.

— Тише, малыш. Не прыгай на нее. Это последнее в чем я нуждаюсь сегодня, — отчитывала его.

Я распахнула дверь до того, как она успела подняться до конца лестницы.

— Миссис Таннер. Здравствуйте, я — Лайла Войт. Так приятно с вами познакомиться.

— Входите, Лайла. С нетерпением ждала этого, — я провела ее через прихожую на нашу крытую веранду. Мне нравится наблюдать за детьми во время прибоа.

— Ваш дом прекрасен, — она любовалась видом. — Как давно вы с сенатором Таннером живете здесь?

Я наполнила два стакана льдом.

— Воды? Лимонада? Я приготовила кофе.

— Лимонад было бы неплохо.

— Вот, — я протянула стакан. — Что ж. Мы переехали сразу после свадьбы. Так что, почти год.

— Это был напряженный год для вас двоих. Как живется молодоженам?

Я засмеялась. Это моя работа. Показать интимную сторону жизни Пэкса. Заставить женщин хотеть в мужа такого мужчину, как он. Заставить мужчин хотеть быть им. — Замечательно. Мне очень повезло.

— Я не видела ваших свадебных фотографий. Читатели могут захотеть посмотреть на них. Это была приватная свадьба? — спросила она.

— Да. Это второй брак для нас с Пэкстоном. Нам казалось, что мы почтим память своих первых супругов, скрыв это от прессы. На самом деле, мы поженились прямо здесь на веранде. Это было интимно...очень особенно.

— На пляже. Должно быть, было очень красиво.

— Да, — я вошла в дом и вернулась с нашей фотографией в рамке.

Я надела муслиновое платье с глубоким V-образным вырезом. Я поддалась на оборки, собранные на подоле моего платья, хоть и говорила, что не собираюсь одевать ничего даже отдаленно напоминающего свадебное платье. Это было простым.

Пэкс купил орхидею в мои волосы. Это единственный цветок, который я позволила. Он закрепил его за мое ухо.

Мы дождались заката, а потом рука об руку обменялись клятвами на веранде. Мировой судья, с которым Пэкс познакомился в свое время, законно провел церемонию. Родители Пэкса были нашими свидетелями.

Тогда я впервые познакомилась с мистером и миссис Таннер.

После того, как обменялись кольцами и официально были объявлены мужем и женой, у нас был сервированный ужин с его родителями в столовой. Мать Пэкса удивила меня свадебным тортом, а его отец откупорил две бутылки шампанского.

Они были приветливы своим собственным способом. Казалось, они одобрили меня, и это все, что меня волновало. У меня не было сил налаживать с ними отношения или бороться. Пэкс клялся, что они полюбили меня, как и он. Он был доволен их реакцией, и этого было достаточно для меня.

Я не ожидала, что буду счастлива в день своей свадьбы. Думала, что воспоминания о Спенсе задушат мои шансы на радость, но все наоборот. Стоя там, обещая свою жизнь Пэксу, я чувствовала умиротворение. Я чувствовала облегчение. Кто-то еще сможет позаботиться обо мне. Я не останусь одна в темноте.

Я снова посмотрела на снимок.

— Ваше платье роскошно, — восхищалась Лайла.

— Спасибо. Мне тоже нравится, — я улыбнулась ей.

— Расскажите мне о сенаторе то, чего мы уже не знаем, — Лайла глотнула лимонада.

Я притворилась, будто обдумываю что-то.

— Он оставляет мне маленькие записки по всему дому. Они такие милые. Просто небольшие напоминания, что он думает обо мне.

— Ооо, как мило.

— Он заботливый муж. И, безусловно, романтик.

— А как насчет чего-нибудь раздражающего? Должно быть что-то, что сводит вас с ума. Я знаю, что мой муж делает.

Я засмеялась.

— Кажется, он не может найти бельевую корзину. Seriously, разве так тяжело забросить носки к грязному белью?

Лайла нашла это таким же забавным, как я этого хотела.

— Кажется, даже самые романтичные мужчины по-прежнему могут оставаться неряхами.

— Да, могут.

— Что вы любите делать вдвоем, когда не ведете предвыборную кампанию?

— Мы большие киноманы. Мы любим смотреть фильмы, что хорошо, поскольку мы можем делать это где угодно.

— Есть ли у сенатора любимый? — спросила она.

— Ему нравится классика, естественно. Что угодно с Джоном Уэйном, и вы не сможете оторвать его от экрана. Даже не пытайтесь.

Лайла потянулась в свою сумочку и разместила снимок на столе. Я секунду его изучала. Это было фотография с девушкой в снегу и сексуальным парнем рядом с ней.

— Это Пэкстон? — спросила я. Подняла снимок.

— Да, — она внимательно меня изучала. — Он был сделан во время зимних каникул тринадцать лет назад. Думаю, это второй курс сенатора.

Я положила его вниз.

— Похоже, им весело, — улыбнулась Лайле.

— Мне нужно спросить вас, миссис Таннер. Что вы знаете об обвинениях предъявленных вашему мужу об измене его невесте с этой девушкой, она забеременела, и он заставил ее прервать беременность, которая стала результатом этого романа?

— Простите?

Она подняла фотографию и пихнула ее обратно в сумочку.

— Как прокомментируете эту историю?

— Именно так. Историю. Что-то сфабрикованное политическими противниками моего мужа. Мне больше нечего сказать по этому поводу, — лимонад отдавал горечью.

— Что если я скажу вам, что знаю, где она?

Мои глаза впились в журналистку. Почему она делает это? Разве она не знает, через какую боль я уже прошла? Мне не нужны доказательства прошлого Пэкса. Он усердно работал, чтобы закрыть главу разрыва с Сарой.

— Лайла, знаете, я не очень хорошо себя чувствую. Я страдаю мигренями время от времени. Кажется, одна из них вот-вот начнется. Думаю, нам необходимо перенести наше интервью, — я встала, указывая на то, что наша встреча закончена.

— Печально слышать об этом, миссис Таннер, — она забросила сумочку на плечо.

Я проводила ее до входной двери, а потом заперла замок за ней. Вытащила телефон, чтобы позвонить Пэксу. Попала на голосовую почту. Это происходит все чаще.

Я дожидалась его прихода на веранде. Я уже была на половине бутылки вина. Должно быть, уже полночь.

— Вот ты где. Я искал тебя наверху, — он запечатлел поцелуй на моей щеке. — Как прошло интервью?

— Я пыталась дозвониться тебе. Звонила три раза, — мне нравился звук волн, разбивающихся о песок.

— Прости. Были встреча за встречей. Каждый раз, как я собирался позвонить, меня прерывали и утягивали на другую встречу. А что? Что-то случилось.

Он сел рядом со мной, вытягивая ноги на шезлонге.

— Все пошло не по плану.

— О, она начала копать под меня? Ты знаешь мои взгляды на все. Уверен, ты справилась с этим.

— Нет, Пэкс. Она поймала меня в ловушку фотографией тебя и той девушки с лыжного курорта.

Он посмотрел на меня.

— Какая фотография.

— Вы вдвоем на склоне. Снимок достаточно невинный. В любом случае, она спрашивала мое мнение об интрижке. Она сказала, что ты изменял своей невесте и то же самое об аборте.

— Как это всплыло? Мы замяли эту историю, — он провел пальцами по волосам. Я видела его нахмуренные брови в темноте. — Все давно похоронено.

Холодок пробежался по моим рукам.

— Ты был обручен с Сарой, когда уезжал на курорт? Ты сказал, что у вас был перерыв в отношениях.

Он выдохнул.

— Слушай, у нас были не лучшие времена. Ее отец заставил меня сделать ей предложение...это длинная история между нашими семьями. Но я, действительно, не мог принять этого. Мне было нужно немного пространства. Мне было всего 22 ради всего святого. Мне не было дела до помолвки, и я не хотел, чтобы мне указывал кто-то, что делать.

— Ты солгал мне?

— Это не ложь. Я просто...у нас были другие проблемы на тот момент, если помнишь. Я пытался защитить тебя от наших просочившихся снимков. Не помню, что говорил тебе о лыжной поездке.

— Я помню, Пэкс. Ты сказал мне, что у вас перерыв и что беременность — состряпанная ложь.

— Точно. Я так и сказал. Понимаю, звучит так, будто я оправдываюсь сейчас, но я беспокоился о тебе. Ты нуждалась во мне, Одри. Мы впервые поговорили об этом в ночь...

— Я знаю, что это за ночь, — перебила я.

— Тогда, ты помнишь, что у меня было много дел. Моим единственным намерением было защитить тебя от всего этого.

— Хочешь сказать — нормально исказить правду? — спросила я. Вина было недостаточно. Мне нужно больше. Я наполнила бокал до краев.

— Мы все искажаем правду, — его глаза вспыхнули.

— Скажи, остаток истории — ложь?

— Да. Клянусь.

Вино сделало свое дело. Я почувствовала свободу. Спокойствие. Волны убаюкивали меня. Я не хотела задерживать злость в своей крови.

— Ладно.

— Ладно? Мы в порядке? Это все? — его палец пробежался вдоль моей руки. Мое тело быстро среагировало на него. Как и всегда.

— Может, я немного злюсь, — предупредила я.

Его рука переместилась к моей шее, массируя ее вниз к плечам.

— Приятно, Пэкс, — я еще глотнула вина. — Ты изменил мое мнение, — моя голова перекатилась вбок, перехватывая его взгляд.

Там было больше. Я видела.

Он резко выдохнул.

— Мне нужно еще кое о чем поговорить с тобой.

— О чем?

Он вздохнул.

— Не знаю, как ты воспримешь это, но адвокат Хьюза нашел лазейку. Обвинения не были выдвинуты ему этим утром.

Я не смотрела новости сегодня.

— Это невозможно. Он сделал это. Есть доказательства.

— Знаю. Знаю. Но без пистолета, мы всегда знали, что это проигрышное дело. Адвокат подал жалобу на департамент. Долгая история, но дело прекращено.

— Я-я не верю в это. Они не могут так поступить. Я давала показания в суде. Я отдала полиции ту флешку. На ней все.

— Знаю. Ты все сделала правильно. Все что могла, чтобы добиться справедливости.

— Мы можем подать апелляцию? — я не чувствовала себя в безопасности, как пять минут назад.

— Это не гражданское дело. Оно выдвинуто штатом, — он взял меня за руку. — Если судья увидел преимущества в доводах защиты, мы должны это отпустить.

— Отпустить? Из-за формальности?

— Да. Оставить это позади. Давай двигаться дальше в будущее, которое у нас есть. Планы, которые мы придумали, — Пэкс, казалось, двигался дальше. Смерть Спенса не преследовала его, как меня. Интересно, если бы кто-то убил Сару, было бы так же легко?

Я встала с шезлонга.

— Не думаю, что смогу сделать это.

Он схватился за мое запястье, когда я проходила мимо него.

— Ты должна.

Я выкрутилась из его хватки, возвращая обратно циркуляцию в руку.

— Что это было? — огрызнулась я.

— Извини. Я схватился слегка крепче. Тебе нужно отпустить это. Ничего хорошего не выйдет от преследования Хьюза. Ты знаешь это, — Пэкстон встал, возвышаясь надо мной. — Я не хочу, чтобы ты цеплялась за это.

— Я знаю, что мужчина, убивший Спенса, на свободе. Если мы ничего не сделаем, как я могу быть уверена, что он не придет за нами снова? Что если он навредит тебе в этот раз? — я бросилась на Пэкса. — О, Боже. Теперь, когда ты кандидат в губернаторы, он придет за тобой.

Я чувствовала, как пол сместился подо мной.

— Шшш...шшш, — он гладил мои волосы. — Я больше не боюсь Хьюза. Он закончил с политикой. Его карьера окончена. Мне не страшно, и я хочу от тебя того же. У нас лучшая охранная система в доме. Я могу нанять защиту для тебя, если от этого тебе станет лучше, — он приподнял мой подбородок. — Он не причинит тебе боли.

Его слова успокоили страх, который внезапно появился. Меня снова выкидывало из моря, а Пэкс притягивал меня, как якорь, обратно в безопасность.

— Спасибо, — прошептала я.

— Я всегда буду защищать тебя, Одри. Всегда.

Прогулка по пляжу нервировала, когда телохранитель следил за мной, но это так, как и должно быть сейчас. Когда я выходила из стен нашего дома, со мной был кто-то из охранного агентства. Я сказала Пэксу, что от этого чувствую себя безопаснее, и это правда.

С тех пор, как судья отклонил в суде дело Хьюза, я не могла спать по ночам. Мне снились кошмары. Сны, в которых я видела Спенса, садящегося в свою машину, и едущего прямо на меня, увеличивая обороты двигателя. Я кричала и просила его остановиться, но он все равно ехал. Мои ноги вросли в желтую разметку на асфальте, не могли пошевелиться, а потом я посмотрела вниз, и мои колени были покрыты грязью. Залив Трантера был позади меня, и машина свернула с дороги. Спенс был там. Я пыталась предупредить его, и каждый раз я просыпалась перед тем, как машина врезалась в дерево.

Такой же сон был прошлой ночью. Я проснулась от холода, который полз по моей коже. Мое сердце сильно колотилось в груди. Я потянулась к Пэксу, но его там не было. Наша королевского размера кровать была пустой.

Я нашла его в кабинете, царапающего заметки для речи.

— Ты собираешься вернуться в кровать? — я хотела, чтобы он поднял меня и пронес через весь коридор к нашей спальне.

— Чуть позже. Не мог уснуть. Я думал о фермерской реформе, которую только что выдвинули в Палате, и полагаю, что у меня есть способ, чтобы она заработала с обеих сторон, — он сделал две колонки на своем листе.

— Здорово. Как насчет утра? Это может подождать?

— За завтраком у меня переговоры о финансировании политической партии. Меня не будет здесь уже в семь. Нет, времени. Боже, как бы я хотел просто работать 24/7. Сон встает на пути всему, что нужно сделать.

— Ох, — произнесла я тихо. — Ладно. Я просто попытаюсь снова заснуть, — рассказывать ему про сон прямо сейчас, казалось не к месту.

— Подожди, что такое? — он бросил ручку. — Ты в порядке?

— Да. В порядке. Я просто проверяла тебя.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — я закрыла за собой дверь.

И это мой муж. Он — трудоголик. Могла ли я его винить? Он избирался на пост губернатора и к тому же работал сенатором штата. У него были обязательства, которые были распланированы на месяцы вперед. Свободное время — ограничено. Время наедине становилось трудно найти.

Я согнулась у линии прибора и подняла кусочек пляжного стекла. Я чувствовала гладкие зеленые края под своими пальцами, и дернулась когда, ощутила заостренный конец, царапнувший мой большой палец. Кровь потекла по ладони.

— Ауч, — я отшвырнула стекло к прибору, скрипя зубами. Я никогда не видела острого выступающего края до конца. Оно чувствовалось таким гладким.

Я бросилась мимо человека, стоящего на причале.

— Вам что-нибудь нужно, миссис Таннер?

— Нет, — я отмахнулась от него. — Только пластырь. Небольшой порез, всего-то.

— Могу я сделать что-нибудь для вас.

— Нет. Я сказала, что все улажу, — побежала вверх по лестнице к веранде. Я могу

извиниться позже.

Я перевязала большой палец и наполнила чашку кофе на кухне. Мужчина расположился за дверьми на улице.

Я подняла телефон и заметила, что пропустила несколько звонков. Я прослушивала сообщения, пока размешивала сливки в чашке. Я ждала звонка от Пэкса про итоги сбора средств для партии.

Кампания была удовлетворена показателями по сбору средств, но они хотели идти на опережение. Лучше было иметь больше про запас, чем им необходимо, а не насркебать на кампанию и искать спонсоров. Я подумала о том, на что могли бы пойти все эти миллионы, вместо рекламы, рекламных щитов и заметок в газетах, но именно в этой игре я сейчас варилась.

Один звонок был из кабинета моего врача с напоминанием о завтрашнем приеме. Я нажала «удалить». Потом я услышала это. Голос женщины. Она быстро говорила.

«Это Беки Хоф...просто Беки. Лайла Войт дала мне ваш номер. Пожалуйста перезвоните мне. Мне нужно поговорить с вами. Это срочно»

Я уставилась на телефон. Она не была похожа на репортера. Она, похоже, нервничала и торопилась. Есть поговорка про любопытство. Я набрала номер и ждала.

— Алло?

— Это Одри Таннер, — все еще странно использовать другую фамилию. — Это Беки?

— Не думала, что вы перезвоните, — ее голос был тихим.

— Ладно. Вы сказали, что знаете Лайлу Войт, — я ждала.

— Знаю. Мы можем встретиться? Я понимаю, вы не знаете меня, но...

— Я...эм...мое расписание полностью расписано. В чем вам нужна помощь? В интервью?

— Я та, кто отдала Лайле тот снимок с вашим мужем.

Я слегка замешкалась.

— И каким образом вы связаны с этим снимком?

— Я та девушка, которая на нем.

— Вы та девушка? — переспросила я.

— Да. Пожалуйста, мы можем встретиться?

— Ладно. Когда?

— Как насчет прямо сейчас? Вы можете прийти одна?

Охранник стоял за дверью. Я могла взять его с собой, как и всегда, или оставить его. На входе в здание была кофейня. Если я поеду на велосипеде, я смогу попасть туда через пять минут.

— Вы знаете где Jitter Jive? Я уже готова идти.

— Я знаю. Увидимся там, — она отключилась.

Я собиралась сделать то, что могу сказать, никогда бы не сделала. Усомниться в Пэксе. Бессмысленно, если я буду убеждать себя, что иду выпить кофе для его блага. Что я просто хотела быть способной предупредить его об этой женщине. Фотографиях, которые у нее могли бы быть. Доказательствах, которые она собирала годами.

Я шла для того, чтобы узнать истину самостоятельно. Без него, пытающегося защитить или направить меня в другом направлении. Я хотела знать, было ли что-то большее в его прошлом, что он слишком боялся рассказать мне.

Я припарковала свой велосипед перед окном с нарисованной кофейной чашкой и вошла

внутри. Я заказала латте и села в углу, в дальнем углу.

Каждый раз, как звенел колокольчик над дверью, я подпрыгивала. Это глупо, правда. Я ждала, когда остынет мой латте и причину моего приезда.

Я уже была готова сдаться, и признать то, что стала частью какой-то шутки или неприятной таблоидной схемы, когда зашла женщина.

Она была невысокой. Ее волосы спутаны и опускались рядами из волн. Ей могло бы быть тринадцать, но я узнала этого лыжного кролика по показанной Лайлой фотографии. Мягкий, коричневый свитер свободно свисал с ее плеч.

— Миссис Таннер, — она скользнула на место напротив меня. — Спасибо, что встретились со мной.

— Кофе? — предложила я.

— Нет, я ничего не хочу. Думаю, слишком нервничаю, чтобы пить что-то.

— Не надо нервничать, — не думаю, что мои слова успокоили ее.

— Лайла рассказала мне, что вы не захотели комментировать снимок.

— Правда. Не вижу никакой выгоды исходящей из ковыряния в прошлом моего мужа. Мы все совершали то, о чем сожалеем. Да? Я определенно занималась в колледже тем, что не захотела бы вываливать на бумагу, — я пыталась обратиться к ней, как женщина к женщине.

— Не такое.

— Не думаю, что понимаю. Что такого, что вы переспали в отпуске? Не думаю, что это преступление.

Она оглядела кофейню. Бариста слишком занят, выставляя стаканчики для большого заказа. Беки прошептала мне на ухо.

— Потому что это не просто секс. Он собирался оставить Сару ради меня.

Я слегка отстранилась. Мне не нравилось ощущение ее дыхания на моей коже.

— Вы намекаете, что у Пэкстона были с вами отношения?

Она кивнула.

— У него были. У нас были.

Это не та разрушительная атомная бомба, которую я ожидала.

— Ладно. Ну, полагаю, спасибо, что дали мне знать, — интересно мой кофе могут перелить в стаканчик на вынос?

Она положила руку на мое плечо.

— Я не закончила.

Я села.

— Простите. Что там еще?

— Уверена, Лайла упоминала кое-что о моей беременности.

— Да. Я слышала об этом раньше. Вы собираетесь сказать мне, что он заставил вас сделать аборт, потому что я не поверю в это. Пэкс не такой человек.

Она покачала головой.

— Нет. Я узнала, что беременна несколько недель спустя, после лыжного уикенда. Я позвонила Пэкстону и рассказала все. Мы разговаривали и переписывались все время, после его отъезда. Это было что-то вроде «любви с первого взгляда». В любом случае, он сказал все, что мне нужно было услышать. Он собирался оставить Сару и помогать растить мне ребенка.

Я кивала, пока лились ее слова, смешиваясь вместе в историю, которая не казалась

реальной.

— Но, перед тем как поговорить с Сарой, он поговорил со своим отцом.

— Мистер Таннер знал?

— Да. И он пришел в ярость. Сказал Пэкстону, что тот разрушит свое будущее в политике, и что я не принесу ему ничего, кроме позора. Он запретил ему оставлять Сару.

— Запретил? Что случилось?

— Я сделала кое-что ужасное. Кое-что настолько ужасное, что живу с этим каждый день и ненавижу себя. Я взяла деньги у Альдреджа Таннера.

— Мой свекр дал вам денег?

Она кивнула.

— Он сказал мне, сообщить Пэкстону, что я потеряла ребенка и что переезжаю в Европу на поиски себя или любую безумную историю, с которой смогу выкрутиться. Он дал мне миллион долларов, чтобы оплатить любые медицинские расходы, которые понадобятся, чтобы позаботиться о беременности, и потом начать новую жизнь для себя.

— Поэтому вы прервали беременность? — я сохраняла интонацию низкой, но слова прозвучали громко и гневно.

— Нет. Не прервала.

— Что?

— Я взяла деньги и пошла в клинику. Я намеревалась пройти через это. В смысле, что я должна была делать в двадцать два с ребенком и без отца, который поможет мне вырастить его? У меня нет семьи. Но я отказалась так быстро, как меня положили в палату. Я не смогла сделать это.

— Но ты никогда не говорила Пэкстону? Ни одного звонка? Ничего?

— Нет. Я переехала во Францию. Я родила ребенка, и он никогда об этом не знал. Он думал, что у меня выкидыш.

Я заставила себя не осуждать ее. Я не должна судить ее. Но я попыталась задуматься, что за женщина сделала бы выбор, подобный Беки.

— Зачем вы рассказали мне об этом? — я искала в ее глазах информацию. — Деньги? Это вам нужно? Больше денег?

— Нет. Нет. Я никогда не попросила бы денег у вас.

— Тогда что? Я не понимаю, почему после всех этих лет вы рассказали правду. По крайней мере, мне. Почему не Пэкстону?

— Потому что, он узнал бы все, он поговорил бы со своим отцом и тогда то, что мне нужно от вас никогда не произойдет.

— И что это? Что я вообще могу сделать?

Она закрыла глаза, и на мгновение, я подумала, что она сохранит тайну.

— У меня рак. Мне нужно, чтобы вы вырастили мою дочь.

Глава 13

Я доехала до дома на велосипеде, хотя не видела ни домов ни машин на улице. Есть способ переварить информацию, которую мне предоставили, но я сомневалась, что мне хватит навыков для этого.

Тот факт, что Пэкс снова солгал мне, казался мне наименее важным, чем ложь его отца и Беки. Она разрушительна.

Как я расскажу ему, что у него есть двенадцатилетняя дочь?

Охранник встретил меня у двери.

— Мэм, не знал, что вы уходили.

— Я встречалась с другом. Мне жаль, я должна была сказать вам, — я закрыла дверь, оставив его на лестнице хмуриться и качать головой из-за меня.

Я налила вина, а потом вылила его в водосток. Мне нужно быть трезвой. Если я собиралась убедить Пэкса, что мы должны забрать его дочь, о существовании которой он никогда не знал, мне нужно составить план для него. Что-то, что может облегчить его страхи и ответить на вопросы всех политических препятствий, которые возникнут. Проблема в том, что я учитель, а не юридический стратег.

Я села за его стол и перелистнула на новую страницу его блокнот. Это место его мозгового штурма. Я наблюдала, как он составлял списки и полноформатные планы. Он завоевывал генеральных директоров всех влиятельных компаний своими речами. Он убеждал избирателей, изменить своего кандидата. Я утонула в коже и закрыла глаза.

Она сказала, что началось с правого яичника, потом перекинулось на левый. По началу доктора уверяли ее, что они достаточно рано о нем узнали. Было время для борьбы. Время, чтобы атаковать болезнь, которая захватила ее тело. Но они ошибались. Беки рассказала, что в ее семье была наследственность рака груди, но она всегда считала, что попала в поколение, которое избежало этого. Ее мать и тетя, обе были поражены на ранней стадии заболевания. Она никогда не знала своего отца. У нее никого не осталось. Ни одного члена семьи, который мог бы забрать ее дочь.

После года диагностики, она приняла свой исход. Ей нужен был план. Лайла Войт — ее соседка по колледжу. Несмотря на расстояние, они поддерживали связь. Лайла единственная знала о ребенке.

Поначалу я была скептически настроена, но после второго латте, я поверила Беки, когда та сказала мне, что у Лайлы не было намерений писать о фотографии с лыжного курорта. У нее была единственная цель на протяжении интервью и это расспросить меня. Если Лайла решила бы, что я могу быть мамой, могу обеспечить хорошую жизнь дочери Беки, тогда она бы связалась со мной. Я так и не спросила, каким был бы план, если бы я не прошла оценку материнства.

Я сказала, что перезвоню. Сказала, что мне нужно время, чтобы поговорить с Пэксом. Она напомнила, что ей не так много осталось.

Я собиралась приготовить ужин и выдать ему всю историю целиком. Я выложила бы ему все графиком, наслаивая причины забрать ее одну на другую. Но в тот момент, как он вошел в двери, я отбросила это. Единственное, что имело значение, — правда.

— Пэкс, я должна поговорить с тобой.

— И тебе привет тоже, — он ослабил галстук. — На самом деле, мне нужно принять душ. Фермерская реформа не такая легкая, как мне показалось. Как насчет встретиться на веранде с той новой бутылкой красного?

— Я-я хотела... конечно. Хорошо звучит, — я улыбнулась.

— Присоединиться ко мне не хочешь?

— Я принесу вино. Увидимся через несколько минут.

— Полагаю, что так, — он выглядел разочарованным и забрался по лестнице на второй этаж.

Ветер успокоился, и волны смещались на линии прибоя, в поисках океанской мелочи. Интересно, их жизни такие же сложные, как наши? Не совсем, подумала я, пока ждала, когда ко мне присоединиться мой муж.

— Так, что происходит? Как прошел твой день? Тодд связался с тобой насчет твоих пожеланий по автобусу?

— Автобусу? — я игнорировала свой телефон остаток дня.

— Да, автобус, который мы используем для кампании. Мы могли бы полететь или взять машину, но на автобусе было бы намного комфортнее ездить из провинции в провинцию. И мы добились этого. У нас на семь миллионов больше для нужд кампании. Можешь поверить в это?

— Нет, не могу. Семь миллионов долларов, и мы собираемся покупать автобус? Похоже, у тебя был еще тот денек.

— Это точно, — он вкрутил штопор. — Да. Между тем, что происходит в сенате прямо сейчас и работой над поддержкой для кампании, я выдохся, — он закрыл глаза.

Я могла бы подождать, но он возвращался в Колумбию утром и пройдет два дня до его возвращения домой снова. Беки нужно знать, смогла ли я убедить его вырастить собственную дочь.

— Ты всегда говорил, что выслушаешь все, что я захочу рассказать, так?

Он протянул мне бокал.

— Конечно.

— Ну, пришло такое время. Просто выслушай, что я скажу. И не перебивай, пока я не закончу. Ты можешь сделать это?

Он прищурился.

— О чем ты?

— Просто скажи, что выслушаешь, Пэкс.

— Ок. Я выслушаю.

Двадцать минут спустя, после того, как я пересказала все, что узнала о Лайле Войт и Беки. Обо всех сделках между ней и его отцом, как Беки переехала во Францию, чтобы растить ребенка в тайне, и как она нуждается, чтобы мы забрали ее, мой рот перестал двигаться, и я ждала его ответа.

— Это безумие какое-то, самая нелепая история, которую я вообще слышал, — он отпил вина. — И здесь есть несколько нестыковок.

— Это не просто история. Это правда, — мне ненавистно, что он сопротивлялся.

— Ты говоришь мне, что какая-то женщина позвонила тебе, потом показалась в кофейне, и ты поверила в это дерьмо? Милая, я понимаю, что ты новичок в этом, но да ладно. Она хочет что-то. Здесь есть множество возможностей. Мы должны быть осторожны с теми, кого впускаем в свой круг. Очень осторожны.

Я потянулась к папке, которую положила на шезлонг, и открыла ее.

— Смотри, Пэкс, — я протянула ему снимок. — Ее зовут Корин. У нее твои ресницы.

Он изучал девочку и поднес фотографию ближе к лицу.

— Это не возможно. У меня не может быть дочери. Если это правда, то означает мой отец обманул меня. Ты говоришь, что он заплатил ей за убийство моего ребенка? — его лицо вспыхнуло, и бисеринки пота выступили на его висках.

Я вытерла его лоб, а потом погладила челюсть.

— Не могу вообразить, что ты можешь испытывать, узнав о таком предательстве.

— Мой отец не такой. Он бы не сделал подобного. Он точно не поступил бы так со мной. Мне плевать, что эта женщина наговорила тебе.

Пэкстон рассказывал мне о своем отце. Как тот помог, потянув за кое-какие ниточки, чтобы он добрался до Цитадели. Как он пожертвовал деньги его юридической школе, чтобы убедиться, что именно Пэкстон будет произносить выпускную речь. Для меня не казалось это таким уж большим делом, но он не замечал этого.

Пэкс уставился на снимок.

— Этого просто не может быть. Он не мог.

— Беки добровольно сдаст ДНК-тест. У нее есть копия подписанного твоим отцом чека. Она будет полностью откровенной. Она ответит на любой твой вопрос, — его глаза поднялись к моим. — Мне жаль, что он причинил тебе такую боль.

— Боже, Одри. У м-меня есть дочь? — он поднес снимок к свечам, горящим на столе между нами.

— Думаю, да.

— И ты считаешь, что мы должны растить ее?

— Да, считаю, — я наблюдала, как он бросил снимок Корин рядом с собой. Здесь безошибочное сходство. ДНК-тест может и докажет все для Пэкса, но мне не нужны результаты. Я верю Беки.

— Это не возможно. Если я признаю, что это произошло, тогда я признаюсь во лжи. Я яростно отрицал любую связь с Беки на протяжении двенадцати лет. Это разоблачит моего отца, взятки, все. Это не может произойти. Точно так же, как я презираю его прямо сейчас, я не собираюсь уничтожать его. Очень многое поставлено на карту. Это подорвет все, что я сделал для губернаторского поста. Я не могу. Я удостоверюсь, что о ней позаботятся, как смогу, но на этом все.

— Ты не серьезно, Пэкс. Она твоя дочь. Ее мать умирает. Мы должны помочь ей.

— Я не знаю ее. Она не знает меня. Она не поймет разницы, — он смотрел на бегуна, семенящего перед нами. — Я позабочусь о ней. Обещаю.

— Но в то время ты хотел уйти от своей невесты и вырастить эту девочку, — борьба во мне чувствовалась чужеродно. Адреналин подпитывал меня.

— Когда Беки позвонила и сказала, что потеряла ребенка, я сдался. Я двинулся дальше. Женился на Саре. Я не чувствую того притяжения, которого ты от меня хочешь, Одри. Прошло много времени.

— Мы можем удочерить ее.

— О чем ты говоришь?

— Не скажу, что мне нравится использовать подобные методы, но думаю, что смогу убедить Беки согласиться на это. Мы удочерим ее законно. Мы можем сообщить прессе, что пытаемся обзавестись семьей, и когда просматривали варианты по удочерению, мы слышали о Корин, девочке, которая внезапно стала сиротой. Мы даже можем сказать, что узнали о ней через фонд твоих родителей. Ты можешь с помощью своих людей подправить документальный след, убедиться, что он не приведет к Беки.

— Ты много об этом думала.

— Да. С тех пор, как вернулась из кофейни, я пыталась придумать, как все это повернуть. Я не знаю, как все осуществить, но знаю, что ты можешь. Мы можем сделать это вместе.

— И ты хочешь, чтобы она жила с нами? Это то, чего ты хочешь?

Я кивнула.

— Да.

— Но каждый раз, когда я прошу тебя завести ребенка, ты пытаешься сменить тему. Это тоже измениться?

— Здесь все иначе, — я поерзала на месте.

— Не вижу в чем. Ты говоришь мне, что мы вырастим эту девочку вместе, приведем ее в наш дом и станем родителями. Почему нам не создать собственную семью?

— Впереди у нас длительная кампания. Я не могу думать о беременности прямо сейчас. Что если у меня будет утренний токсикоз, и мне нужно будет идти на официальный завтрак или интервью, а меня стошнит? Это никогда не сработает. После твоего избрания в губернаторы, будет лучшее время.

Он заправил развевающуюся прядь за мое ухо.

— Если ты забеременеешь, я не буду просить тебя делать ничего из этого дерьма. Я буду заботиться о тебе

— Ты выставляешь все так, будто это легко. Ребенок все изменит.

— Да. У нас всегда будет частичка тебя и меня. Ты же знаешь, что значит для меня иметь от тебя ребенка.

Я кивнула. Я сопротивлялась обсуждению больше года.

— У меня прием у врача завтра, — я посмотрела в его глаза, понимая, что это единственное, что он всегда хотел от меня.

Он обхватил мое лицо руками и поцеловал. Его язык врвался в меня, как будто мы целовались в первый раз, исследуя губы друг друга и новизну наших вкусов. Он толкнул меня на спину на кушетку, перемахнув через мое кресло.

Его руки плавали по моей груди и бедрам. Я прикусила его шею.

— Не думаю, что нам нужны снимки этого, — предупредила я. — Там, наверное, журналист в кустах, готовый продать это за миллионы.

— Я мог бы подумать о худшем, — он улыбнулся.

— Пэкс, скажи мне, что мы можем забрать Корин, — у него был способ отвлечь меня. Я чувствовала, как моя борьба убывает, пока он согревал мое тело своими руками и языком.

— Одри, скажи мне, что мы можем попытаться завести ребенка.

И вот. Переговоры. Торговля. Один ребенок в обмен на другого. Хотя, так не ощущалось, когда он агитировал мое тело поцелуями. Я не замечала того, как он говорил мне, насколько хочет видеть меня матерью своих детей. Я не осознавала ход, который он только что разыграл.

На следующий день, на моем ежегодном осмотре, я удалила внутриматочную спираль. Я позвонила Беки и рассказала ей условия удочерения. В любом случае, мы с Пэксом станем родителями.

Глава 14

Мне не комфортно говорить перед большой толпой. Дети — другая история. Я улыбнулась маленьким личикам, собравшимся у моих ног. Сегодня моя первая лекционная встреча перед группой воспитанников детского сада Гринвиля. Это первый лекционный тур по штатам, на который я согласилась.

Я не создана для страстных речей или приемов дамочек за ланчем. Пэкс сказал, что есть

другие способы обыграть мои сильные стороны. На протяжении кампании со мной всегда были блоггер и фотограф, где бы я ни появлялась на публике, но сегодня в конце класса собрались журналисты из газет и телевидения из местных филиалов.

Я вдохнула запах карандашей и мела. Наблюдала, как мигал флуоресцентный свет. Заметила, что учительница организовала на каждом детском столе коробочки. Звонок прозвенел, и я очистила разум. Я не могла позволить пробраться прошлому. Не сейчас.

Я прочистила горло и улыбнулась аудитории.

— Кто хочет послушать о маленькой девочке, которая встретила леприкона? — спросила я.

Все их ручки взлетели в воздух.

— Это она из моих любимых. Давайте все наострим свои ушки, — я смотрела, как они все приложили воображаемые трубки к своим ушкам.

Я открыла первую страницу.

— Давным-давно жила маленькая девочка по имени Калиопа.

После рассказа, я позировала с учениками и учителями. Я раздавала несколько автографов и улыбалась, когда учителя спрашивали — могут ли они запостить наши совместные снимки. Этого хотел Пэкс...голосов учителей.

Мой охранник сопровождал меня обратно к автобусу на школьной парковке. Я сказала ему, что прилягу до следующей остановки. Я поплелась в спальню и защелкнула хлипкий замок на двери.

Я сорвала шелковый пиджак со своих плеч и вышагнула из юбки. Я бы никогда не надела ничего подобного на урок. Все было бы испорчено к концу дня, покрылось бы отпечатками краски или грязью с игровой площадки.

Тур по школам продлится следующий месяц. Где-то между сбором средств, агитаций и интервью Пэкс собирался встретиться со мной в туре. Я почувствовала, как автобус дернулся вперед, и распласталась поперек кровати, интересно, мы когда-нибудь разделим ее? Так далеко, казалось, мы кружили на разных концах штата.

Я забралась в кровать, натягивая простыни до талии. Они были из высококачественного материала, какой Тодд смог найти. Деньги кампании обернуты вокруг моих бедер. Мой телефон зажужжал, и я стянула его с тумбочки.

— Привет.

— Как все прошло? Тодд переслал мне несколько снимков на телефон, — Пэкс звучал восхищенно. — Я хочу их везде. На каждой остановке. В каждой газете штата.

Могу ли я рассказать ему о печали, которая поглотила меня на секунду? Что я практически захотела утонуть в своей прежней рутине и погрязнуть в ней?

— Было здорово. Им понравилась история про леприкона, — я села, подтянув колени к груди.

— Похоже, им понравилась ты. Это именно то, что нужно видеть людям.

— Рада, что смогла помочь, — я перекатилась на спину и уставилась в потолок.

— Я понимаю, что ты в туре по школам, но что ты думаешь насчет ужина завтра вечером?

— Какого рода ужин?

— Официальный. Он проводится одним из моих крупнейших союзников. Помнишь Монтгомери Портера, да?

Я встречалась с Портерами на турнире по гольфу на протяжении лета. Его жена была

той женщиной, которая никогда не стареет. Безупречная кожа, волосы, ногти. Я чувствовала себя безвкусной и тусклой рядом с ней, а она легко могла быть старше меня на лет двадцать.

— Конечно. Я знаю его.

— Хорошо. Итак, он официальный. Тебе нужно что-то сексуальное, но не перестарайся.

Эта группа не такая свободомыслящая.

— У меня нет никакой подобной одежды с собой. Я в автобусе, Пэкс, — шкаф был забит гардеробом для публичных встреч, и я едва втиснула штаны для йоги в комод.

— Остановись где-нибудь. Тебе нужно что-то потрясающее.

Я фыркнула.

— Это не так легко. Я путешествую через весь штат. Я даже не знаю, где торговый центр, и я в автобусе.

— Боже, Одри. Ты можешь просто позаботиться об этом ради меня? Не важно. Я позвоню Тодду. Он все купит для тебя. Просто появись в чертовом платье и улыбайся.

Я говорила себе, что это давление от кампании, сотни людей спрашивали его обо всем, требовали время и энергию.

— Пэкс...я-я... - я никогда его не злила. — Извини. Я могу разобраться с этим.

— Хорошо, — я слышала, как кто-то прервал его на заднем плане.

— Я напишу тебе всю информацию. Кто-нибудь отвезет тебя туда.

— Где это? Я даже не узнаю в каком городе?

Он застонал.

— Я сказал, что напишу.

— Ладно, — покорно ответила я. Я что-то сделала, чтобы вывести его.

— Позвоню тебе позже.

Он занят. Он поражен. Он важен. Я пыталась вернуться ко сну, но все о чем я думала — насколько я разочаровала Пэкса.

Платье было темно-фиолетового цвета. Настолько насыщенного, что казалось практически черным, если вы не присмотритесь ближе. Я поблагодарила водителя, когда он припарковался перед загородным клубом. Мне потребовалось два часа, чтобы добраться из моей последней школьной остановки, чтобы встретиться с Пэкстоном в Бофорте.

Он встретил меня на вершине лестницы, кивая гостям, проходящим мимо него.

— Ты выглядишь великолепно, — он поцеловал меня в щеку и сопроводил внутрь, его рука прижималась к моей пояснице.

— Тебе нравится платье?

— Оно идеально на тебе. Ты идеальна, — прорычал он в мое ухо.

Волоски на моих руках встали дыбом, а сердце ускорило темп.

— Мне не понравилось, как закончился наш вчерашний разговор, Пэкс.

— Знаю. Знаю, — он повесил голову. — Я под большим давлением и перекинул все на тебя. Это было не справедливо. Простишь меня? — его глаза пронизывала боль, которую я чувствовала.

Я кивнула.

— Как думаешь, мы сможем сделать несколько совместных выступлений? Я вроде как немного одинока в этом автобусе. Не думаю, что для нас хорошо проводить так много времени врозь.

Он придержал для меня дверь в обеденный зал.

— Посмотрим, что можно сделать с этим. Я тоже по тебе скучаю, — он улыбнулся одному из спонсоров. — Мы должны зайти сюда. Они ждут от меня речь перед ужином.

Я улыбнулась. Я знала, что он не оставит меня в одиночестве.

— А что насчет после ужина? — я следовала за ним к столу покрытому белым льном в передней части зала.

Он повернулся, чтобы прошептать мне на ухо:

— Я собирался улететь сегодня. У меня с утра завтрак в Гринвилле, — я выпятила нижнюю губу. — Но, думаю, что смогу попросить Тодда переорганизовать мое утро. Ты нужна мне сегодня.

От его слов мою кожу покалывало.

— И полагаю, мы не можем сбежать с этого ужина.

Монтгомери и Шанталь Портер подошли к нам, и я слегка отступила назад за Пэкстона.

— Пэкстон. Одри. Так приятно видеть вас двоих сегодня, — миссис Портер запечатлела поцелуй в воздухе рядом с моей щекой.

— Нам тоже, миссис Портер. Замечательный ужин, — я повернулась к ее мужу, когда тот сжал мою руку.

— Монти, и снова моей благодарности будет недостаточно за все, что ты сделал для моей кампании, — Пэкс довольный хлопнул мужчину по спине.

Самый высокооплачиваемый спонсор улыбнулся, демонстрируя больше десен, чем зубов.

— Сынок, это мне в удовольствие. Мы собираемся сделать все, что можем, чтобы заполучить правильного человека на посту. Пришло время этому штату выйти на главную сцену.

— Одри, какое красивое платье, — Шанталь оглядела меня с ног до головы.

— Спасибо. Я только что купила его. Я в последние несколько дней путешествию с кампанией.

— Ну, оно идеально тебе подходит, дорогая. Пойдем, оставим мужские разговоры, — она вцепилась в мой локоть.

Пэкс пожал плечами и произнес одними губами «спасибо», пока я следовала за ней в конец обеденного зала в небольшую гостиную через коридор. Она закрыла за нами дверь.

— Монти рассказал мне, как ты усердно работаешь в поездке кампании. Я просмотрела несколько школьных кадров прошлым вечером. Пэкстон может быть доволен тобой, — она указала жестом мне садиться.

Обшивка диванчика была из плотного гобелена с вышивкой охотничьей сцены. Я разложила свое платье вокруг.

— Да, думаю, он рад тому, как проходит кампания. Взносы подобные тем, как вы и ваш муж сделали, значат многое для нас.

— Приятно слышать. Мы знаем, что Пэкстон станет превосходным губернатором. Он будет представлять нас в Колумбии.

Я кивнула и улыбнулась. Мне казалось, как будто она намекала на что-то большее чем великолепное политическое мышление моего мужа.

— Мне хотелось побеседовать с тобой лично. Обсудить кое-что.

— Конечно, миссис Портер. Что у вас на уме? — я слышала, как играла группа сквозь стены. Я не хотела пропустить речь Пэкстона.

Она похлопала меня по колену.

— Мы являемся членами этого клуба долгое время. Наш отец подарил нам членство в качестве свадебного подарка. Он был основателем.

— Как щедро с его стороны.

— Он был щедрым мужчиной. Монти похож на него, но мы с мужем не всегда смотрим на вещи одинаково.

— Это не так уж и не обычно для брака, — я подбирала свои слова аккуратно.

— Это не совсем так. В любом случае, я поняла, что в моих силах помочь моему мужу смотреть на все более ясно.

— Ох.

— Мы можем делать это, знаешь ли. Помогать нашим мужьям, — она разглядывала меня. Интересно, ее макияж нанесен перманентно? Каждая линия аккуратно.

— Я пытаюсь помочь Пэксу любым возможным способом.

Ее хватка на моем колене усилилась.

— Именно это я и надеялась от тебя услышать. Да, помоги ему. Помоги ему увидеть, какие проблемы действительно важны. Что поможет людям, которые помогут вам попасть в тот великолепный особняк в Колумбии.

Если она угрожала мне, у нее имелись навыки скрывать это под комплиментами и улыбками. Если она советовала мне, то не очень хороша в предложении ясных инструкций. В любом случае, весь разговор оставил ощущение дискомфорта.

— Нам, женам, нужно держаться вместе, Одри.

Я улыбнулась.

— Знаете, мне кажется, что Пэкстон собирается выступить с речью, и он ненавидит, когда я не с ним. Придаю больше уверенности или что-то в этом роде, — я расправила юбку, чтобы встать.

— Конечно. Буду с нетерпением ждать визита в скором времени в ваш особняк.

— Мы будем рады встрече, — солгала я.

— Хорошо. Я отправлю тебе список гостей на нашу первую совместную вечеринку, чтоб ты знала, — она повернулась к антикварной дверной ручке. — У нас с Монти есть определенный круг людей, которые прекрасно подойдут для выгоды.

Я прилепила улыбку на свое лицо и заставила брови не двигаться.

— Я переговорю с Пэксом.

— Прекрасно.

Я заняла свое место за главным столом с мистером Портером и захлопала, когда Пэкс вышел на сцену. От разговора у меня скрутило живот. Я гоняла салат и ковырялась в жаренном лососе на своей тарелке.

— Ты в порядке? — Пэкс прислонился к моему плечу. — Ты немного съела, — у него заняло пятнадцать минут, чтобы вернуться за столик, после обращения к толпе.

— Просто устала. Меня догнало все это путешествие на автобусе. Не нужно беспокоиться.

— Хмм...почему бы мне не заказать для тебя машину, чтобы увезти в отель, и мы встретимся там после ужина?

— Предполагаю, что будет слишком попросить тебя поехать со мной? — я надеялась, что он удивит меня ответом.

Выражение его лица сказало обо всем.

— Мне не стоило спрашивать, — я расправила салфетку на коленях.

— Мне необходимо дождаться окончания вечера. Здесь мои самые верные и поддерживающие спонсоры, — он понизил голос.

— Знаю. Знаю. Я скучаю. Вот и все.

Мистер Портер похлопал по его плечу.

— Присоединишься ко мне за сигарой? — он извлек пару штук из кармана своего смокинга. — Извини, Одри. Туда вход только для джентльменов. Думаю, Шанталь приготовила напитки после ужина для дам.

Боже, я никогда не выберусь из этого места.

— С нетерпением жду этого.

Пэкс поцеловал меня в щеку.

— Обещаю, я скоро вытащу тебя отсюда.

Он исчез за массивными дверями. Могу только вообразить, какие еще обещания он выполнит сегодня.

Три часа спустя мы сидели вместе на заднем сидении Линкольна Пэкса. Он пах коньяком и небольшим оттенком сигар. Моя голова лежала на его плече.

— Спасибо, — он потер мое плечо.

— За что? — я пнула туфлей коврик.

— За то, что такая невероятная жена. Монти сказал, то ты понравилась Шанталь.

— Это она так сказала? — я села ровно.

— Да, ты произвела на нее сильное впечатление. Что бы ты ни сказала, ей понравилось. Поэтому, спасибо.

— Я не знаю было ли это тем, что понравилось бы тебе.

Он усмехнулся.

— Дай угадаю. Она ожидала какого-то рода услугу, когда ты станешь первой леди. Возможно большую вечеринку? Это часть игры, детка.

— И тебя все устраивает?

— Я бы не сказал, что устраивает. Я бы сказал, что привык к этому.

— Но нет ни единого шанса, что ты можешь обещать услугу всем. Ты дашь ложные обещания.

— Не воспринимай это настолько буквально. Они делают подсчеты. Они понимают, что их больше, чем меня. Конечно, я не смогу удовлетворить все их запросы. Но это часть фарса. Они дают мне деньги. Я говорю им, что выслушаю их, когда придет время. Это структура кампании.

— Но что произойдет, когда ты не выполнишь? Ты расстроишь множество людей.

— Доверься мне. Все наладится.

Он попытался прижать мою голову обратно к своему плечу.

— Ты не переживаешь? — спросила я.

— А похоже на то?

— Нет, ты выглядишь спокойным и, может, немного пьяным.

Он засмеялся.

— А ты не выглядишь достаточной пьяной, — он как-то пробрался через слои моего платья, и его рука прошлась между моих бедер.

Я ударила его по груди.

— Мы в машине, — я наклонила голову туда, где сидел водитель. Казалось, он затерялся

в джазовой музыке.

— Тогда я бы посоветовал вам быть тихой, миссис Таннер, — его глаза вспыхнули.

Я сначала сопротивлялась, но его пальцы были умелыми, и я не могла сказать, сколько алкоголя текло по моему телу.

— Сколько до отеля? — прошептала я, потянувшись к его молнии.

— Я снял для нас номер на ночь в «Хилтон Хэд». У нас есть час. Ты предпочтешь подождать? — его свободная рука опустилась на переключатель внутреннего окна. Я слышала, как оно поднималось вверх. — Потому что я не знаю, смогу ли сдержать это обещание прямо сейчас.

Я расстегнула пуговицу на штанах от его смокинга и перебросила одно колено через его талию. Я злобно улыбнулась.

— Мне нравятся ваши мысли, миссис Таннер.

— Я скучала по тебе, — я обняла его шею.

Его глаза закрылись.

— Я скучал по этому.

К следующей неделе я вернулась в Чарльстон. У меня был небольшой перерыв между чтением для школьников, чтобы позаботиться о личных делах.

Не так уж и много адвокатов, которым мы могли бы довериться с деталями по удочерению Корин, но у меня был один на уме. Стелла Прайс прибыла в дом у пляжа с желтым конвертом, всунутым ей под руку. Пэкс метался по кухне со звонком, касающимся болга, который критиковал его подход к сокращению корпоративного налога. Я попыталась напомнить ему, что это, возможно, не последний кибер-противник, с которым он сталкивался.

— Привет, Стелла. Входи, — я открыла ей дверь.

— Ваш дом прекрасен, — она прошла через прихожую.

Эта женщина выслушала мой самый позорный секрет до того, как он просочился в мир, и знала моего мужа. Она не судила и не порицала меня. Она двигалась дальше, давала мне законные советы, подпитывала меня частичками незаслуженного спокойствия. Я хотела, чтобы она помогла с удочерением, но теперь, когда она в моем доме, я ощутила волны прошлого. Вспышки образов ее работы со Спенсером.

— Как ты? — спросила она.

— Хорошо, — я села напротив нее на диван. — Могу я принести тебе что-нибудь? Пэкс сейчас закончит разговор. Он присоединится к нам через секунду.

— Нет, я в порядке. Это займет всего несколько минут. Это довольно стандартные бумаги.

Я склонила голову.

— Да?

— Да. Я понимаю, что тебе и сенатору Таннеру нужно прикрытое удочерение. Это не настолько необычно. Это случается чаще, чем ты думаешь.

— Пока все причастные защищены, — мне нужно подтверждение. Это единственное условие, по которому он согласился.

Стелла вытащила стопку бумаг промаркированную стикерами.

— Я могу пройтись по ним с тобой, или просто оставить здесь, чтобы вы вместе прочитали. Все места для подписи промаркированы.

Пэкс все еще нарезал круги по кухне. Его голос повышался каждые несколько секунд. Меня раздражало, что он не поставил документы по Корин в приоритет прямо сейчас.

— Может, тебе стоит просто оставить их, — предложила я. — Он сможет объяснить мне законную часть.

— Хорошо. И ты тоже можешь позвонить мне, если появятся вопросы.

— Спасибо, Стелла.

— Как дела у мамы девочки?

Мой взгляд опустился в пол.

— Не очень. Она слабеет с каждым разом, как я вижу ее.

— Рак — стерва, — она сказала так, будто встречалась с болезнью.

— Это так.

Мы стояли на переднем крыльце. Скопление грозовых облаков нависало неподалеку. Чайки кричали над головами.

— И снова спасибо, что справляешься со всем этим и придерживаешься такой осторожности. Это много значит для меня и для Пэкстона.

— Ты можешь звонить мне в любое время. И я именно это имею в виду, Одри.

Она обняла меня, а потом уехала на своей красной, спортивной машине с откинутой крышей. Ее волосы развевались позади нее.

Капельки точками падали на крыльцо. Я вернулась в дом. Пэкс триумфально улыбался.

— Мы нашли способ заткнуть блог.

— Эм...это здорово.

— Что? Я устал от этого парня, скрывающегося за анонимными страницами. Если ему есть что сказать, то он может стать настоящим журналистом и задать мне вопросы.

— Ты вообще видел, что приходила Стелла?

— Она ушла?

— Да. Она оставила документы по удочерению. Я хотела просмотреть их вместе.

— Я могу прочесть их через пять минут. Где они?

— Не в этом дело. Я хочу, чтобы ты был сосредоточен на этом. Мы удочеряем твоего ребенка. Стать губернатором — важно, но это семья, Пэкс. Семья.

— Я сказал, что прочитаю их, — он схватил папку с кофейного столика.

— Так будет и с нашим ребенком? Ты будешь слишком занят, чтобы сменить подгузник или поиграть? Нет времени на домашнюю работу, потому что у тебя государственный ужин? Ты собираешься пропускать футбольные игры, потому что какой-то блоггер обвиняет тебя в растратах? Потому что если, по-твоему, это означает отцовство, то, думаю, мы должны поговорить по-другому.

Он уронил папку, бумаги выскользнул из нее.

— Это так ты думаешь?

— Не знаю, — я вздохнула. — Вместе. Ты обещал все вместе, и это не так.

Он схватился за мои плечи.

— После кампании, все будет по-другому. Я обещаю.

— А пока что?

Он обнял меня.

— Я сделаю некоторые изменения в своем расписании. Я буду здесь, когда нужен, — он смахнул волосы с моей щеки. — Не меняй своего решения.

— Я и не хочу, — я изучала его. — Мы можем подписать документы сейчас? Я хочу,

чтобы это было официально.

Он отпустил меня и вытащил телефон из кармана. Он удерживал верхнюю кнопку, пока не погас экран.

— Больше никаких отвлечений. Я весь твой. Давай посмотрим их.

Я села рядом с ним и слушала, пока он объяснял, как работает удочерение. После этого мы подпишем, и я стану чьей-то мамой.

Глава 15

Бывали дни, когда я смотрела на пляж и вспоминала жизнь со Спенсером. Я не позволяла себе этого часто, но в такие дни, я предавалась тоске и воспоминаниям.

Пэппер сворачивался у меня в ногах, и я притворялась, что он проходит это вместе со мной. Интересно, как куст гардении у почтового ящика? Обрезают ли новые соседи листья магнолии на Рождество? Джилл, наверно, уже устроилась после переезда ее матери. Я должна позвонить и проверить. Какую книгу клуб выбрал в этом месяце? Я думала обо всем этом. Жизни, которые ушли с моим переездом.

Но части со Спенсером были труднее всего. Мои мысли были размыты, когда я пыталась вспомнить, как мы смеялись над фильмом, или как он прыгал, когда обыгрывал меня в покер. Маленькие моменты, которые мы разделили, исчезали, и я чувствовала это. Хранить о нем память — больше не является частью моей жизни. Я не могу быть женой Пэксу, так как он хочет, и быть вдовой Спенса. Жаль, что я не разобралась с этим, пока Спенсер был еще жив... жить двойной жизнью не сработало.

— Вот ты где. Я звал тебя внизу, — Пэкс стоял в дверном проеме нашей спальни.

— Почему ты дома так рано? — кроме воскресенья, я редко видела Пэкса раньше шести. Это наш компромисс. Он подарил мне целый день, когда мы могли бы побыть вместе. Он пытался.

— У меня есть новости. Спускайся.

Я вытащила ноги из-под Пэппера.

— Ладно. Что происходит?

— Пошли со мной, — он был на две ступеньки впереди меня, сбегая по лестнице, как ребенок.

Он потащил меня на кухню.

— Я получил это сегодня, — он протянул мне папку. Я узнала красно-белый логотип кампании Таннера, отпечатанный в центре.

Я открыла клапан и уставилась на графики и статистику.

— Ладно, что это?

— Я впереди на восемь очков. *Восемь* очков.

— Ты серьезно? Полагаю, это означает...

— Да. Это именно это и означает. Выборы через месяц, но нет ни единого шанса, что я проиграю. Мы отправляемся в Колумбию, — он поднял меня и закурил.

— Это невероятно, Пэкс. Я, правда, горжусь тобой.

— Я знаю, что мы не собирались переезжать до первой недели января, но что если соберем несколько вещей сегодня, в качестве символического жеста? Я упакую весь чертов дом, если потребуется.

— Я думала, что мы будем ездить туда-сюда? Я, правда, не хочу собираться.

— Да. Ну, я не знаю, как много поездок я совершу. Мне нужно находиться в столице так долго, насколько это возможно.

— Мы о другом договаривались. Корин переедет сюда в любой день, и ей нужна стабильность, а не коробки повсюду.

Беки положили в хоспис, где ей обеспечат постоянное наблюдение. Корин останется у Лайлы на несколько дней, потом начнет с ночевок и окончательно переедет к нам жить. Мы с Беки долго обсуждали, как все сделать для нее гладко.

— Ты права. Полагаю, я просто погорячился. Мы переезжаем в губернаторский особняк. Невероятно. Не могу поверить все планы, кампании, речи...все сработало. Все это сработало. Я стану губернатором Таннером. Ты понимаешь, Одри.

Он подхватил меня за талию и усадил на прилавок.

— У нас есть окошко? — его тон был пытливым, но взгляд дьявольский, наполненный ненасытным желанием.

Я приподняла брови.

— В середине дня на кухонном островке? Seriously? — я уже чувствовала потребность в нем. Я не могла находиться так близко и не хотеть его.

— Seriously, — его руки проникли под мою юбку, разводя мои колени, как он хотел. — Мы пытаемся несколько месяцев. Может, нам стоит переключиться.

Я простонала в его ухо.

— Но это часть веселая, не так ли? Пытаться? — Я не хотела показывать ему какие-то ограничения.

— Никаких жалоб, — зарычал он, вжимаясь в меня между ног, трение наших тел разжигало тепло.

Иногда я думала о том, насколько мы идеальны друг для друга. Наши тела никогда не уставали от желания и нужды. Но наш брак перерос в большее, чем ненасытный секс. Мы разговаривали. Мы планировали. Мы путешествовали. Мы смеялись. Мы научились уживаться друг с другом под одной крышей. Я нашла покой с Пэксом. Он вытащил меня из темноты. А когда я думала об этом, это заставляло меня чувствовать себя цельной с ним. Это заставляло меня ощущать себя нужной и желанной. На кухонном островке, в кровати, не важно — в эти моменты я знала, что я для него все.

Я почти сразу поняла, что беременна. Я могла чувствовать это, как запах дождя прокатывающийся на протяжении лета. За все эти месяцы, как мы начали стараться, впервые я чувствовала себя по-другому. У меня было предчувствие, которое никогда раньше не подпिनывало, но мне придется прождать несколько недель, чтобы сделать тест. Ожидание — самая трудная часть. Это проверяло мою выдержку таким образом, о котором я не догадывалась.

Я хранила свои подозрения при себе. Пэкс бы донимал меня каждый день, если бы я упомянула. Ему достаточно было беспокойства из-за выборов. Мне ненавистно было думать о разочаровании в его глазах, если бы я оказалась неправа. Поэтому, я сосредоточилась на подготовке всего для Корин.

Мне была доставлена кровать с балдахином и коллекция моих любимых детских книжек была расставлена в ее новый книжный шкаф. Беки сказала, что продала большинство их вещей во Франции, и они приехали с двумя чемоданами на двоих. У девочки не было много вещей.

Была вероятность, что я обустрою комнату неправильно. Может, я должна была лучше изучить популярные мальчиговые группы, а не беспокоиться о цвете и оформлении.

Я услышала, как подъехала машина на улице и побежала встречать их.

Лайла улыбнулась.

— Здравствуйте, миссис Таннер.

— Одри, будет достаточно, — учитывая, что она знала наш интимный, семейный секрет, звать друг друга по имени будет оправдано. Я ждала, когда откроется пассажирская дверь.

Корин вышла из машины. Ее темные глаза затуманены слезами. Она забросила фиолетовый рюкзак на свое плечо.

— Корин, я так рада видеть тебя здесь, милая, — я обхватила ее плечики рукой.

Лайла пожала плечами.

— Она не разговаривала с тех пор, как мы уехали от Беки.

— Это понятно. Почему бы нам не войти в дом? Ты можешь рассказать мне о своей встрече с мамой, — я завела их в дом.

— А где сенатор Таннер? — Лайла крутила головой во все стороны, сканируя комнаты на первом этаже.

— Он завяз в Колумбии. Он приедет домой вечером. Они работают над крайним сроком законопроекта. Он, правда, хотел быть здесь, Корин, но пообещал, что не пропустит ужин.

Она молчала.

— Почему бы мне не показать твою комнату? — предложила я. Лайла и Корин последовали за мной по винтовой лестнице.

Наверху было три гостевых комнаты, и из них я выбирала комнату для нее. Я остановилась на той, у которой самый лучший вид на воду и частный пляж. Я толкнула дверь, надеясь, что ей понравится лиловое одеяло и белые светильники, которые я добавила.

Девочка прошла в центр и уселась на кровать. С моей стороны было эгоистично желать от нее улыбки или благодарности. Но, в глубине души я искала одобрения у дочери своего мужа. Я боролась с желанием сесть с ней рядом и смахнуть волосы с ее глаз.

Лайла шагнула внутрь.

— Эта комната великолепна. Я подумываю тоже переехать сюда, — она засмеялась и я была признательна ей, что она сделала первый шаг. — Какой замечательный вид на пляж, Корин.

— В любое время. Я думаю, с ночевкой было бы весело. Мы можем устроить девичник или что-то в этом роде, — это могло бы помочь Корин почувствовать себя свободнее, если поблизости будут знакомые лица во время переезда.

Шестилеток я знала. Их маленькие расспросы и невинные ошибки. Их головки отчаянно изучали и впитывали все, что их окружало. Я хорошо справлялась с шестилетками. Корин — другая история. Я ничего не знала о подростках. Одно занятие по развитию средних классов, до моей студенческой практики, не поможет мне сейчас.

— Почему бы нам не оставить тебя попривыкнуть к своей комнате? Ты можешь спуститься, когда тебе захочется, — произнесла я молчаливому ребенку.

Мы с Лайлой зависли над парой чашек кофе.

— Как дела у Беки? Какие новости?

Лайла вздохнула.

— Это произойдет в любой день. Думаю, хорошо, что Корин здесь. Не очень хорошо для нее видеть мать в таком состоянии. Беки спокойна, ну знаешь, с тех пор как вы с сенатором Таннером подписали бумаги по удочерению. Она знает, что вы позаботитесь о ней.

— Да. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы она чувствовала, что принадлежит этому месту.

— Для вас всех это займет некоторое время, но я надеюсь, что она вырастет с пониманием того, насколько счастливая. Она завяжет отношения со своим отцом, и ты будешь для нее, как мать.

— У нее есть мама, — поправила я. — Но я не стану возражать вступить в эту роль ради нее. Я сделаю все возможное.

Лайла поставила свою чашку на островок.

— Пойду попрощаюсь и потом мне лучше уехать домой. Но звоните мне сегодня, если что-то потребуется.

— Позвоню. И спасибо тебе, Лайла. За все.

— Без проблем. Увидимся завтра.

Я хлебнула свой кофе без кофеина. Как только Лайла уйдет, я останусь наедине с Корин. Я написала Пэксу. Он будет часа через три, если они вовремя проголосуют.

Я поползла по лестнице вверх, после того как Лайла попрощалась.

— Эй, там, — я слегка коснулась кончиками пальцев двери.

Она сидела со сложенными руками на кровати.

— Могу я сделать для тебя что-нибудь?

Она покачала головой.

— Хочешь распаковать чемодан? Все эти шкафы пустые. Они все твои, — я начала открывать первый шкаф.

— Нет, — прошептала она.

Я огляделась по сторонам, пытаюсь придумать, чем ее впечатлить.

— Ты знаешь, у нас есть кинозал внизу. Ты когда-нибудь смотрела *«Грязные танцы»*?

Она покачала головой.

— Ладно, пойдем. Я собираюсь познакомить тебя с Келлерманами.

На следующий день я навестила Беки. Медсестра показала мне, где ее палата. Она полулежала, пила воду и смотрела телевикторину.

— Привет, — я улыбнулась.

— Привет, — она потянулась к пульту и выключила телевизор.

— Подумала, что могу дать тебе знать, что все бумаги официально подписаны, — я села в кресло рядом с ее кроватью. Мне хотелось как-то подбодрить ее.

Она вытерла слезы.

— Это хорошо. Я рада, что все сделано.

— Могу я что-то сделать для тебя? — она выглядела усталой. Каждый раз, как я видела ее, она была слабее. Ее голос скрипел. Ее глаза тускнели.

— Нет. Я чувствую себя комфортно. Настолько комфортно, насколько могу, — она усмехнулась. — Как Корин провела прошлую ночь?

— Думаю, первая ночь прошла чудесно. Я разрешила ей посмотреть *«Грязные Танцы»*. Думаю, это нормально, — я прикрыла рот, понимая, что это, возможно, был не самый подходящий фильм.

— Все в порядке. Мы жили во Франции, помнишь? Она видела больше и это ее не беспокоило. Дети растут с более либеральным отношением к сексу. Американцы такие щепетильные.

Я засмеялась.

— Щепетильные. Это точно.

— Она не разговаривала, когда была здесь вчера. Она говорила хоть немного?

Я покачала головой.

— Не совсем. Но я не давила. Я думаю, он заговорит, когда узнает нас.

— Она милая девочка. Вот увидишь, — глаза Беки заволокло слезами. — Пожалуйста, не думайте, что она какой-то невоспитанный подросток. Она хорошая.

Я потянулась к ее руке, чувствуя больше костей, чем теплой человеческой плоти.

— Я знаю, что она такая. Ты не должна переживать понравится она нам или нет. Мы уже любим ее, Беки. Ты не должна беспокоиться, — я сжала ее слегка.

— Я просто... — она уставилась в окно.

— Ты не должна ничего говорить. Я знаю. Знаю.

— *Merci, mon ami*, — прошептала она.

— Что это значит?

— Это значит «спасибо, мой друг»

Ее глаза начали закрываться. Она боролась, чтобы открыть их снова.

— Почему бы мне не посидеть здесь, пока ты спишь? — предложила я.

Она кивнула.

— Это было бы хорошо. Мне не нравится оставаться одной, — она повернула свое лицо в сторону.

— Мне тоже, — я наблюдала за тем, как она спит, понимая, что она сталкивалась с темнотой, с которой я еще не встречалась.

Я навешала ее каждый день. Иногда я сидела дольше, чем в остальные дни, но как только подходило время забирать Корин из школы, я обнимала Беки и обещала, что вернусь на следующий день с новостями.

Прошло много времени с тех пор, как у меня был друг. Я с нетерпением ждала встречи с ней, как будто это был нормальный способ узнать друг друга. Эйвери едва говорила со мной, и моя социальная жизнь состояла из ужинов посвященных кампании и еще больше Шанталь Портер, чем я хотела признавать. Беки не относилась к политике, и это было освежающим дополнением к моей жизни.

Я понимала, что она умирает. Я знала это с нашей первой встречи, но наивно позволяла себе верить, что все еще может измениться. Чудеса случаются каждый день. Почему бы не с моей подругой?

Но каждый раз, как я уходила от нее, я видела прощание в ее глазах, и знала, что осталось не так много.

Первые несколько недель после смерти Беки были самыми тяжелыми. Корин не хотела есть. Ей не нравилась никакая одежда, которую я покупала. Она отказывалась разговаривать с Пэксом, когда он приезжал домой. Было трудно. Были дни, когда я хотела запереться в шкафу и зарыться за рядами одежды, где никто не сможет услышать рыданий и расстроенных криков, но я заставляла себе оставаться на месте. Вынуждала себя сталкиваться лицом к лицу с ее болью, облегчить ее.

Я решила, что буду убеждаться, что у нее есть все, что необходимо. Я отвозила ее в школу по утрам и готовила ей обед. Я сидела с ней за кухонным столом и делала уроки. Медленно, мы объединялись в семью. Каждый нашел способ передвигаться в новизне нашей связи.

Я пообещала Пэкстону, что буду заботиться о ней, пока он связан кампанией. Они с Тоддом ослабили мою обязательную нагрузку, чтобы я могла проводить время с Корин. Он был настолько далеко согласно опросам, что никто не мог бы этому помешать. Он разработал свое понятие губернатора. Следующие четыре года были тщательно продуманы. Что он сделает на посту губернатора не имело значения. Политически ставки возросли до самого высокого уровня.

Мы оба это знали, но никто из нас не говорил об этом. Пэкстоном интересовались на другой должности.

Глава 16

В то время, как нормальные люди спорили из-за того, как приготовить индейку, мы планировали поездку в Колумбию. Ноябрь стал ураганом. Пэкс выиграл на губернаторских выборах. Мы объявили публично о нашем удочерении Корин, и я рассказала Пэксу, что беременна.

— Еще рано, — предупредила я.

— Знаю. Знаю. Но после всех этих месяцев, я не могу поверить в это. Так значит в июле? — я могла видеть, как он мысленно подсчитывал.

Я кивнула.

— Да.

— У нас полно времени, чтобы обустроить особняк. Ты не должна ничего делать. Хотя тебе, наверное, захочется обустроить детскую. Но у нас есть люди, которые смогут обустроить дом за тебя.

— Пэкс, я не инвалид. Я все еще могу делать все, что требуется от меня, как от первой леди. Я чувствую себя хорошо.

— Я не стану рисковать, — он сгреб меня и подложил подушку под колени.

— Серьезно? Это чересчур. Почему бы тебе не подождать хотя бы пока это не станет заметно? — мой живот был плоским, как и всегда. Тяжело поверить, что там внутри растет ребенок.

— Думаю, мы должны отменить поездку в Вейл.

— Нет, это наша особенная, рождественская традиция. Я так взволнована поездкой с Корин. Ей необходимо выбраться отсюда на некоторое время. Ее первое рождество станет трудным.

Он потер своей ладонью подбородок.

— Мы можем обсудить это позже.

Мы создавали новые воспоминания в Вейле. Коттедж изолировал нас от печали и боли прошлого. Мы цеплялись друг за друга там, отгоняли рождественские призраки Спенса и Сары. И когда я думала, что больше не смогу прослушать еще одну песню или один из любимых фильмов Спенса по телевизору, Пэкс поддерживал меня. Целовал меня, любил меня, пока я не забывала. Я должна поехать в Вейл. Я не готова к воспоминаниям о Рождестве со Спенсом.

Я спустила ноги на пол, теряя подушку.

— Мы не отменим поездку.

— Мои родители пригласили нас пойти с ними в «Хилтон Хэд». Эта поездка будет легче, и там достаточно номеров для нашего уединения, — он подмигнул. — Ты же помнишь нашу прошлую поездку туда.

— Без обид, но я на самом деле не хочу проводить праздники с твоей семьей. Все что связано с твоим отцом не обычно сейчас. Мне нравится, когда только мы. Мне это нужно, Пэкс.

Он вернулся к дивану.

— Мне это тоже нужно.

Никто не хотел спорить о семьях или делить планы на праздники, но особенно мне не хотелось становиться частью этого обсуждения. Я все еще держала в руке положительный тест на беременность. Он подмигивал мне цифровым смайликом.

— Итак, ты взволнован? — я сомкнула руки на его талии. Это был единственный способ удержать его на месте.

— Взволнован? Это то, о чем мы разговаривали. В этом состоял план. Конечно, я взволновал, — его рука расположилась на моем животе.

Это не тот ответ, который я ожидала. Я не хотела, чтобы мой ребенок был планом. Я хотела, чтобы он значил больше, чем остановка на его политическом пути. Ребенок не пешка. Я закрыла глаза.

— Что не так? Что-то случилось? — спросил он.

— Просто немного подташнивает, — соврала я. — Думаю, мне нужно немного воды и прилечь ненадолго.

— Хорошая идея. Я должен вернуться, у меня есть несколько звонков. Пытаюсь сократить тех, кого хотел бы попасть на свободное место сенатора.

— Дашь мне знать, когда будет пора забирать Корин?

Пэкс остановился на полпути.

— Может, я заберу ее сегодня из школы? Дай себе возможность передохнуть. Тебе нужно расслабиться на следующие восемь месяцев. Я заберу ее сегодня.

— Думаю, ей это понравится, — я улыбнулась ему.

Он все еще здесь. Он просто сбивался с курса время от времени, напоминала я себе. Это моя обязанность возвращать его обратно на путь — в этом суть брака. Пэкс хороший человек, и он станет хорошим отцом.

Этим вечером я кружила по столовой. Я слышала, как Пэкс объяснял уравнения Корин.

— Как думаешь, чему равен Y ? — спросил он.

Она вздохнула.

— Не знаю. Ты можешь просто сказать мне?

— Как ты собираешься разобраться в этих уравнениях, если я сделаю работу за тебя?

— В этом нет смысла. Мне даже не нравится алгебра.

Я ждала его ответа. Он был хорош с избирателями. Хорош с журналистами. Дочь — новое испытание.

— Ладно, послушай, когда я был твоего возраста, то тоже не любил алгебру, но это одно из тех занятий, которые ты должна делать. Ты взяла эти уроки по алгебре, потому что ты умная девочка. Думай об этом так, когда ты перейдешь в старшие классы, ты будешь на

уровень выше по математике, чем старшекласники. Это просто ступенька для тебя.

— Тебе правда не нравилась алгебра?

Он покачал головой.

— Не мог терпеть эту чепуху, но это не означало, что я не должен был заниматься ей.

— Но ты губернатор. Ты не можешь просто отменить ее, и тогда мне не придется заниматься ей.

Глубокий смех Пэкса наполнил комнату, и я улыбнулась. Я пробралась обратно на крыльцо, где оставила книгу. Ему нужно разобраться во всем с ней. Им нужно поработать над их собственными отношениями.

Он был невосприимчив к Корин с самого начала. Я никогда не была полностью уверена, что он не пытался впечатлить меня, или убедить, что будет поддерживать сделку до конца, если и я буду. Но были моменты, подобные этому, когда он не знал, что я подсматривала, и все делал правильно. Я перелистнула страницу своей книги. Да, он был тем человеком, который все делал правильно.

Я не хотела уезжать. Но это не имело значения.

Особняк был прекрасен. Он был переделан из оружейной школы и являлся резиденцией губернатора с 1868 года. Мы переехали незадолго до инаугурации. Предыдущий губернатор был милосерден к своей смене, но передавать ключи и власть над штатом было нелегко.

В Колумбии ощущения отличались от Чарльстона. Естественно, стены были твердыми и прочными... созданные для того, чтобы защищать офицеров и солдат. Теперь они будут защищать нас. Не имело значения, что мы жили за воротами и посаженными толстыми деревьями и кустами, — я всегда чувствовала, что люди за нами наблюдали.

Мне не хватало пляжа. Мне не хватала крыльца. Когда Корин была в школе, казалось, я не могла просто встать и уехать куда захочу, а потом вернуться домой. Я начала понимать, что некоторые из обещаний Пэкстона не были тем, что он мог обеспечить.

С полным домом персонала в нашем распоряжении, не заняло много времени, чтобы распаковаться. Я привыкла окружать себя бессмысленными вещами. Я привезла нашу свадебную фотографию в рамке. Распаковала несколько книг. Ничего больше не потребовало усилий.

Я чувствовала себя взаперти. Внизу проходила экскурсия. Казалось она для первоклашек. Экскурсовод рассказывала о каждом портрете в «Губернаторском коридоре». Я хотела сказать ей, что они слишком малы, чтобы их заботило то, что происходило в этом доме сотни лет назад.

Оставаться наверху было непривлекательно. Я схватила пальто и вышла на улицу, используя нашу заднюю дверь. Земли было достаточно, чтобы гулять и бродить часами, настолько много, чтобы я могла держаться подальше от свадебных садов. Там обычно были невесты со своими мамами, осматривающие дома на собственности для своей церемонии и приема.

Казалось, это была другая жизнь, когда я была одной из этих девушек.

Сад был усеян вечнозелеными растениями, но было все равно холодно, чтобы что-то цвело, кроме камелий. Машины замедлялись, когда проезжали мимо ворот.

Тяжело не чувствовать себя в ловушке. Я бродила по кругу.

Не уверена, когда я набрала номер, может, это было инстинктом в поисках чего-то знакомого. Прошло три гудка.

— Алло?

— Привет.

— Привет, — ее голос тихий.

— Что нового? — спросила я.

— Ничего.

— Эйвери... — я вздохнула в трубку.

Разговоры с моей сестрой становились неловкими и некомфортными. Я хотела легкости снова. Я хотела ту связь, что была у нас до того, как она начала смотреть на меня по-другому, до интрижки, до того как я потеряла Спенса. Каждый раз, когда я думала, что трещины зажили, они снова открывались со жгучей болью. Она никогда не забудет.

— А ты как? Как чувствуешь? — спросила она.

— Хорошо. Просто постоянно хочу спать, но кроме этого я в порядке.

— Приятно слышать. Это нормально, полагаю.

— Эй, я тут подумала... не хочешь приехать и остаться со мной в особняке? У Пэкса конференция губернаторов на следующей неделе. Я не смогу забирать Корин из школы всю неделю. Почему бы тебе не приехать?

— Думаю, это звучит классно. Я никогда не видела его раньше.

— Он тебе понравится. Обещаю. Мы сможем повеселиться.

— Ладно. Я могу переделать свой график. Посмотрим, смогу ли я подмениться.

— Пэкс уедет только на одну ночь, но ты можешь остаться так долго, как захочешь. Может, проведем немного времен здесь. Вы двое никогда по-настоящему не зависали вместе.

Я слышала звуки больницы на заднем плане.

— Посмотрим. Я не знаю, смогу ли взять больше выходных. Найти одну девушку на замену — это одно, но...

Я перебила ее, избавив от выдумывания отговорки.

— Я поняла. Я просто счастлива, что ты хочешь приехать.

— Я должна идти. Я иду на работу сейчас, — заревела сирена.

— Да. Да. Ладно, я напишу тебе позже. Скоро увидимся.

— Да, увидимся.

— Ты не говорила, что приедет Эйвери, — упомянул Пэкс за ужином сегодня.

— Я только днем у нее спросила. Откуда ты узнал?

— Тодд рассказал кое-что об этом.

— Тодд? Откуда он узнал? Я даже не разговаривала с ним сегодня.

Пэкс подцепил еще кусочек стейка.

— Скажи своей сестре, на будущее, она должна быть более осторожна в том, что выкладывает в своих аккаунтах в сети.

— Почему? Разве это станет проблемой, если люди узнают, что она собирается навестить свою сестру? Мы — семья.

— Дело не в этом. Но, мне не нравится транслировать наши каждодневные изменения в семье. Именно поэтому мы наняли людей, которые следят за нашими аккаунтами. Там много помешанных. Людям не обязательно постоянно знать о нас все. Меня это нервирует, — он потер заднюю часть шеи.

Я обдумывала его позицию. Это противоречило государственной жизни, которую он

выбрал. Но, Пэкс, казалось, был на пределе сегодня. Я решила не спорить. Я поговорю с Эйвери, когда она приедет сюда.

— Это и тебя касается, Корин, — он указал на нее вилкой. — Думаю, шестнадцать — подходящий возраст, чтобы обзавестись одним из них. Ничего хорошего не выйдет, если ты будешь сидеть на общественных сайтах. Там слишком много психов.

— Да, сэр, — она подцепила горошину.

Мы обсуждали открытие для нее одного или двух аккаунтов, но когда это коснулось нашей безопасности, я позволила Пэксу принять окончательное решение. Корин не имела представления об опасностях этого мира.

Он оттолкнулся от стола.

— У меня начинается чтение нескольких законопроектов. Не надо дожидаться меня.

Он оставил меня за столом. Я посмотрела на Корин и попыталась улыбнуться.

— Ну, полагаю, это означает, что мы можем контролировать пульт сегодня.

В губернаторском комплексе был собственный домик для гостей. Он использовался для официальных, государственных визитов. Я не собиралась отправлять туда Эйвери. Государственный протокол не распространялся на мою семью. Я попридержу это в уме, когда приедут Портеры, требуя разыграть свои фишки.

Пэппер следовал за мной вниз по лестнице. Я остановилась в небольшой гостинице. Картинами бывших первых леди были усыпаны все стены. Эти женщины были подготовлены к общественной жизни. Их семьи тренировали их быть женами политиков. Делать косметический ремонт особняка. Сохранять историю усадьбы. Привести сад к жизни. У них у всех была цель здесь, то, что гарантировало им место в истории штата. Я...я была учительницей. Стоя среди масляных портретов, я чувствовала себя не к месту. Я — мошенница. Мне никогда не было предназначено судьбой стать одной из этих женщин. У меня не было видений этого дома или штата. Я не знала ничего о высокопоставленных лицах и их женах. Я только часть диорамы. Милый аксессуар, который можно заметить прогуливающимся по садам, в те дни, когда я решалась выйти.

Пэкстон продолжал метать планами. Он сказал, что мне нужна цель. Что-то, чем я могу увлечься и показать избирателям, что я каким-то образом служу им. Я просто хотела присмотреться, до вступления в программу. Сейчас, я прикрывалась отговорками о первом триместре. Но, в конце концов, он запихнет меня в самый центр. Я чувствовала приближение этого.

Входная дверь открылась и вошла Эйвери. Один из наших ассистентов нес ее чемодан.

— Привет! — я притянула ее в объятия. — Я так рада, что ты сделала это.

— Это безумие какое-то, — она изумлялась моему временному жилищу.

— Да, он такой.

— Могу я получить экскурсию? Я хочу увидеть все.

— Безусловно, — я попросила ассистента отнести ее багаж наверх.

— Давай начнем с гостиной, — и снова портреты первых леди издевались надо мной.

— Ты даже не выглядишь беременной, — она уставилась на мой живот.

— Шшш, — предупредила я ее. — Это еще не общеизвестно.

— Ой, извини. Думала, здесь все знают.

Я покачала головой.

— Пока нет. Думаю, мы сделаем объявление через пару недель. Полагаю, мне повезло,

что я могу прятать эту выпуклость под свободными рубашками.

— Ага, я бы ни за что не догадалась.

Мы бродили по коридорам, начиная от гостиной и до библиотеки.

— Пока не забыла, у меня кое-что есть для тебя, — она порылась в своем кармане.

— Что это? — я уставилась на флешку, которую она держала.

— Я не знаю. Кто-то просил передать ее тебе, — она пожала плечами.

— Кто? — я протянула ладонь.

— Какой-то парень. Он сказал передать ее тебе.

— И ты взяла ее? — спросила я, удивленная, с какой охотой она взяла что-то у незнакомца. Пэкс был прав в ее суждениях.

— У меня был перерыв на кофе в буфете. Не знала, что это такое уж большое дело. Я сказала ему, что передам.

— Он сказал, что на ней?

— Нет, я не спрашивала.

— Эйвери, ты должна быть более осторожной с этим. Он мог быть каким-нибудь психом.

Он положила руки на бедра, как раздраженный подросток.

— Став первой леди, ты стала параноиком. Что? Ты думаешь, что там какой-то секретный, шпионский файл?

— Нет, конечно, нет, — я не знала, что на флешке, но это доставляло мне дискомфорт. Кто-то передал это с моей сестрой. Люди знали кто она и где работает.

— Выбрось в мусорку, если хочешь. Мне плевать, — она продолжила идти по мраморному полу. — Вау, эта столовая и правда голубая.

Я попыталась приклеить улыбку гида.

— Да, это государственная столовая комната.

Я пихнула флешку в карман. Все это отвлекало меня. Округлость над моими джинсами напоминала мне, что люди наблюдают круглосуточно. Может, полный псих написал фанатское письмо. Я увлеклась в моем беглом воображении. Наверное, кто-то пытался донести убедительные аргументы о моем привлечении к благотворительности. Избиратели были креативны в предоставлении своих доводов.

Я шутила с Пэкстоном о том, что мы должны открывать дом для горожан в определенный день и выслушивать из петиции. Честное слово, я пересмотрела достаточно «Тюдоров» (*британско-ирландско-канадский исторический телесериал, действие которого разворачивается в в шестнадцатом веке. Хотя сериал назван по всей династии, он в основном сосредоточен на периоде правления короля*), но в этом была своя заслуга, — как монархи принимали во внимание голоса своих подданных.

Так или иначе, я оказалась в подобной ситуации. Случайный, обеспокоенный избиратель нацелился на мою сестру, решив, что нет способа добраться до меня.

Я погладила карман, пока мы гуляли по садам. Я должна была бросить ее в один из фонтанов. Позволить ей утонуть на дне под слоем монет. Забыть о ней. Списывать это на плохое решение моей сестры. Может, я смогу подключить Тодда к разговору с ней о ее постах в интернете и как справляться с незнакомцами, вмешивающимися в политические дела.

Но когда она, наконец, отправилась в кровать, и дом погрузился в тишину, я на цыпочках пробралась в офис, включила компьютер и воткнула ее в свободный разъем.

Глава 17

Я уставилась на экран. Я щелкала по каждой папке, пока все из них не оказались открытыми. Это должно быть большая шутка. Они искажены и изменены. Они должны быть такими. Я изучала их, пока не сбилась со счета, сколько раз пересматривала их. Я схватила флешку и швырнула ее через комнату. Я не могла думать ясно. Я побежала в ванную и извергла все в унитаз. Я вцепилась в него, мое тело атаковала неистовая дрожь. Я села на пятки, вытирая рот тыльной стороной ладони. Мой язык онемел. Я слышала, как стучала кровь в моем теле, будто басс в громкой машине.

Я поднялась, мои пальцы вцепились в край островка. Я встретила со своим отражением в зеркале. Обломки. Во мне нет ничего, кроме обломков от человека, покрытого розовой кожей. Воздух в моих легких бессмысленно наполнял жизнью оболочку. Я приложила руки к животу, обхватывая мягкую округлость, которая начинала выступать. *Боже, что я наделала?*

Завтрак был обычным. Бекон и яйца с тостом на краю. Персональный шеф-повар понял наши предпочтения всего спустя несколько недель нашего пребывания в резиденции. Трудно привыкнуть, что есть человек под рукой, который готовит для вас, или отвозит, куда бы вам ни было нужно.

— Пэкстон должен приехать сегодня вечером? — спросила Эйвери. Я ждала ее упоминания о том, что она слышала меня прошлой ночью, но если и слышала, то она держала это при себе. Я могла сказать, что утренний токсикоз ударил с двойной силой ночью.

— Да. Он вернется после конференции.

— Можешь представить, как это должно быть скучно? Весь этот съезд губернаторов, — она засмеялась.

— Он очень серьезно воспринимает свою роль, — я намазала маслом тост.

— Я знаю. Просто пошутила, — она наполнила снова свою чашку кофе. — Даже после проведенной здесь ночи, трудно поверить, что это твоя жизнь. Ты и в правду вышла замуж за губернатора, — она покачала головой. — Это похоже на кино.

— Это похоже на кино.

— Ты же счастлива здесь, да?

— А что?

— Я знаю, что злилась на тебя долгое время...

Я перебила ее.

— Мы не обязаны говорить об этом.

— Думаю, мы должны. Ты пережила ужасное время. Я не понимала этого тогда, но Пэкстон помог тебе. Не думаю, что ты выжила бы без него. Я была просто расстроена из-за того, что ты сделала.

— И ты больше не расстроена? Ты думаешь то, что я сделала, — нормально?

Она опустила вилку на стол.

— Думаю, теперь я понимаю.

Я сжала губы.

— Что изменилось?

— Я встретила кое-кого.

Тяжелая яма образовалась в моем животе.

— Пожалуйста, не говори мне, что я поняла, на что ты намекаешь.

— Что? Это сработало с вами, — я видела, как она пыталась сдержать улыбку, но она еще и боролась, скрывая свое счастье.

— Мой муж умер, Эйвери. Не так все работает.

— Я не имела это в виду. Я-я...черт. Я полностью облажалась. Я просто пытаюсь сказать, что у вас с Пэкстоном все получилось. Вы нашли друг друга нетрадиционным способом, и вот какая теперь невероятная жизнь у тебя. Все сработало.

— Если у тебя интрижка с женатым мужчиной, то тебе нужно прекратить ее сейчас же, — я свирепо уставилась на нее.

— Ты осуждаешь меня? — мой гневный взгляд не напугал ее.

— Просто закончи это.

— Звучит так, будто ты можешь делать все что, твою мать, захочешь, а я не могу. Ты даже не знаешь ситуацию.

— Мне не обязательно знать. Это неправильно. Ты лучше этого. Ты можешь найти того, кто еще не занят.

— Вот как ты думаешь. Ты не знаешь этого, потому что даже не потрудилась найти парня. Они все падали к твоим ногам, и я никогда не понимала почему. Спенсер сделал бы все, что ты захотела. А теперь у тебя все это снова. Почему ты не можешь позволить мне то же самое?

— Женатый мужчина не даст тебе этого.

— Ты не знаешь его. Ты не знаешь о нас. Ты всегда пыталась сделать мою жизнь менее значимой, чем свою. От чего ты хочешь, чтобы я была несчастна?

— Боже, я никогда не хотела, чтобы ты была несчастна. Это безумие.

— У тебя забавный способ продемонстрировать это

— Он врач?

— Да, и он собирается бросить свою жену. А потом ты увидишь, что и у меня может быть великолепный брак тоже, — она встала из-за стола. — Думаю, я уеду раньше.

Я последовала за ней по лестнице в гостевую комнату.

— Эйвери, прекрати быть такой чертовски упрямой. Выслушай меня хоть раз. Если ты никогда не делала то, что я всегда говорила, прекрасно. Не делай. Но это единственное. Закончи это.

Она бросила щетку в косметичку и швырнула ее в чемодан.

— Я, правда, не понимаю, с чего решила, что ты поймешь. Очевидно, что ты слишком погружена в свою идеальную жизнь первой леди, чтобы вспомнить, как попала сюда. Ты не лучше меня, Одри.

— Я *никогда* не говорила этого.

— Ты и не должна. Я видела твою реакцию, когда рассказала все.

— Не в этом дело. Я просто пытаюсь защитить тебя. Удержать тебя от мучений, — я следовала тенью за ней, пока она метала свою оставшуюся одежду в сумку.

— Потому что выйти замуж за замечательного мужчину и родить от него ребенка — это то, чего я не заслуживаю? Ты — невероятна, — она застегнула молнию на чемодане.

— Не оставляй все так. Поговори со мной.

— Зачем? Ты просто продолжишь говорить мне одно и то же снова и снова.

Я наблюдала, как она шла по коридору и пронеслась мимо работника, который устанавливал свежие цветы на столе. Я могла побежать за ней. Попытаться убедить ее остаться еще на ночь. Сделать все, как делают сестры. Но я позволила ей уйти. Я не могла спасти ее. Я не смогла спасти даже себя.

Той ночью я сидела на краю ее кровати. Она не маленькая девочка, но все равно оставалась ребенком. Она выглядела крошкой на чудовищной кровати. Я не могла воссоздать ей ту же деликатную обстановку, как в ее комнате в домике у пляжа. Все в особняке казалось формальным и отстраненным.

Я наклонилась и поцеловала ее в лоб.

— Спокойной ночи. Сладких снов, — я с трудом сплотнула. Я не смогу больше спать. Все, что я могла видеть, эти файлы. Я закрывала глаза. Они становились только ярче.

— Папа вернется сегодня?

Мой желудок скрутило.

— Да, он прямо сейчас в пути, — я выключила светильник. — Увидимся утром.

— Одри? Подожди. Я спрошу у тебя кое-что?

— Конечно. Что случилось? — я села обратно на кровать.

— Как думаешь, моя мама знает, чем я занимаюсь?

Я смахнула волосы с ее лба.

— Что ты имеешь в виду, милая?

— Например, она видит меня?

— Я надеюсь, что так. Я уверена, что она может.

— Я тоже надеюсь. От этого мне становится лучше. Потому что тогда она не будет такой грустной. Если она будет знать, что я здесь с тобой, тогда, может, и она будет счастлива тоже.

Я больше не знала во что я вообще верила.

— Где бы она ни была, она счастлива, когда счастлива ты. Это я знаю.

— Она сказала, что ты будешь заботиться обо мне.

Мое сердце заныло.

— Конечно, я буду заботиться о тебе. Я обещала это твоей маме, и имела в виду каждое слово.

— Она сказала мне, что ты хороший человек. Ты хорошая мама для той, которая ей никогда не являлась.

— Я пытаюсь, — я прикусила нижнюю губу.

— Я думала об именах для тебя.

— Именах?

Она улыбнулась. Это начало происходить все чаще. Ее тоскливые глаза искрились время от времени, и я понимала, что она находила крупицы счастья в своей новой жизни, которую мы подарили ей.

— Да, для ребенка. Я в основном знаю французские имена, но будет клево, если у моей маленькой сестренки или братика будет французское имя, как и у меня. Хочешь услышать несколько?

Я молча кивнула. Этот невинный ребенок, чья жизнь наполнена раздирающей скорбью, цеплялась за надежду о моем ребенке. Я сидела, пока она перечисляла свой список.

— Была девочка по имени Жозетт, и она мне по правде не нравилась, но это красивое

имя для девочки, и может быть, Жак — для мальчика или это странно звучит? Это не странно для Франции.

Я слушала, как она рассказывала мне об именах учеников из своей школы. Я никогда не была во Франции. Я всегда хотела поехать. Может, французское имя будет идеальным выбором. Я пыталась представить, чего бы хотел сам малыш. Этот ребенок, которого мы создали с Пэксом. Чего бы он хотел?

Я начала бродить. Вдоль коридора. Кружила по нашей спальне. Я спустилась по лестнице. Как в тумане, я в итоге оказалась в саду. Я села, не способная остановить образы, которые преследовали меня.

Кровь была повсюду. Разбрызгана по его лицу, стекая вниз по его шее. Впитывалась в его дорогой костюм. Я посмотрела на свои ладони, понимая, что она тоже должна быть там. Но в темноте было тяжело рассмотреть. Она там есть, говорила я себе. Я была покрыта кровью.

— Одри, что ты здесь делаешь? Я обошел всю собственность в поисках тебе, — туплю Пэкстона хрустели по опавшим листьям магнолии. — Подмораживает. Пойдем в дом со мной. Я хочу рассказать тебе о конференции. Мне нужен твой взгляд на слияние, которое мы предлагаем прибрежным штатам. Я думаю, ты будешь взволнована на этот счет. Это все будет твоей либеральной атмосферой.

Воздух заморозил мое лицо. Я, должно быть, пробыла в саду несколько часов. Сидела. Ждала. Планировала.

— Одри?

— Я знаю, Пэкс.

— Поделиться не хочешь? — он сел рядом со мной на бетонную скамейку и обнял за плечи, целуя в щеку. — Жаль, что тебя там не было со мной. Некоторые супруги были там. Но я рад, что приехала Эйвери. Вам двоим необходимо время вместе.

Я не двигалась. Мои мышцы сдавил паралич.

— Да что с тобой происходит? Это ребенок? Ты хорошо себя чувствуешь? Что случилось с Эйвери? Я думал, что она все еще здесь.

— Она уехала.

— Ох, ладно. Короткая поездочка. Я проверил Корин. Она уже спит. Я не хочу оставлять тебя здесь, но уже готов для стаканчика на ночь и собирался отправиться в кровать пораньше. Мне, правда, не хватало тебя, — он сжал меня крепче. — Давай я отнесу тебя в кровать.

— Не прикасайся ко мне, блять.

Он подпрыгнул.

— Да что с тобой?

— Я знаю. Я знаю все. Все. О Спенсе. Я знаю, что ты сделал с ним.

— Я ничего не делал со Спенсом. Что происходит? — он передвинулся на скамейке, чтобы видеть мое лицо.

Я не отступала.

— Я пересматривала это множество раз. Я убеждала себя два года назад, что все не так. Что это невозможно. Ты никогда бы не причинил мне боль. Даже предположений не было, что ты будешь способен на это. Но я знала. Боже, я знала. Я просто не хотела, чтобы это было правдой.

— О чем, твою мать, ты говоришь?

— Ты убил Спенса, — едкий привкус заполнил мой рот.

— Эй-эй. Это взялось из ниоткуда. Кто скормил тебе это?

— Это не важно, разве нет? Просто скажи мне. Посмотри в глаза и признайся.

Он покачал головой и прищурился.

— Признаться в чем?

— Есть снимки. Я видела их. Все в крови. Как он навалился на руль. Ты был на месте аварии, убеждался, что он мертв. Я видела, что ты стоял рядом с ним.

— Мы не пойдем по этому пути снова. Дерьмо Хьюза всплыло опять? Или это журналисты? Тебя научили видеть подобные вещи. Я думал, что теперь ты в состоянии справиться с этим. Пошли.

Я сжала кулаки, их немного потряхивало.

— Та ночь. Я проснулась, а тебя не было. Тебя не было, Пэкс!

— Ты хочешь сказать, что я оставил тебя в постели, поехал к заливу Трантера и убил Спенсера?

— Я знаю, ты сделал это. Я знаю это каждой частичкой своего тела.

— Не заметил, чтобы ты могла вспомнить хоть что-то, когда умер Спенсер. Ты была в полной отключке. Ты выпивала по бутылке вина, и принимала снотворное. Ты едва ли ела. Единственная причина, почему ты жива, — я позаботился о тебе.

— И этого ты хотел. Ты хотел, чтобы я нуждалась в тебе, стала полностью зависимой от тебя. И я стала.

— Это не справедливо. Я был влюблен в тебя. Мне было ненавистно смотреть, как ты мучилась. Я заботился о тебе, потому что хотел, чтобы ты снова вернулась к жизни.

— Ты соблазнил меня вернуться обратно к тебе. Я не замечала этого тогда, но вижу каждый шаг, что ты сделал сейчас. Ты спланировал все. Прописал. И идеально выполнил.

Это очевидно. Два года ясности разрывали меня.

— Ты спланировал всю ночь. Причина, по которой ты отвел меня наверх в гостевую комнату, чтобы я не услышала, как ты уезжал из дома. И от этого дорогущего вина, что ты наливал мне, я спала крепче, чем когда-либо. Ты не хотел, чтобы я проснулась и обнаружила, что ты уехал, — я заставила себя пережить все заново. — И вся эта безопасность. Что за чертовски напрасная трата денег! Все это было просто шоу, чтобы я подумала будто в опасности. Я жила в страхе за свою жизнь из-за тебя.

— Я думаю, мне нужно отвести тебя в дом, уложить в кровать. Может, ты что-нибудь поешь. Я слышал, что во время беременности гормоны вызывают у женщин эмоциональность, но, на самом деле, не был готов к такому. Я помогу тебе пройти через это, — он скользнул рукой вокруг моей талии, пытаюсь поставить меня на ноги. — Ладно, пошли.

Я зарычала на него.

— Я сказала, не прикасайся ко мне. Я вызову полицию. Я расскажу им обо всем.

Он отпустил.

— Думай, о чем говоришь, Одри, — он был спокоен, его слова ровные и четкие.

— Я думала об этом. Это все, о чем я могу думать. Эти образы выжжены у меня перед глазами. Ты убил его из-за ревности? Или потому что хотел, чтобы я была свободна? Почему? Ответь мне почему.

— Я никогда не причинил бы тебе боль. Мы разговаривали об этом. Ты задала мне все

вопросы тогда, и я ответил на них.

— Я передам все снимки, что у меня есть. Я расскажу им, что ты убил моего мужа.

— Это смешно. Позволь мне отвести тебя в дом.

— Ты убил Спенсера, — если я скажу это достаточное количество раз, он услышит это?

— Думаю, что ты забыла о своей помощи мне.

— Я не помогала тебе. О чем ты?

— Ты подкинула улики. Помнишь?

— Улики, которые, как ты мне сказал, доказывали, что Хьюз убил Спенса.

— Улики, которые ты хотела. Улики, в которых ты нуждалась.

— Только потому, что ты мне сказал, что это правда. Справедливость... вот, что ты говорил было на этой флешке.

— Это и было справедливостью. Хьюз — преступник.

Я покачала головой.

— Но он не убийца.

— Подумай об этом. Это не все, что ты сделала. Ты свидетельствовала в суде. Лжесвидетельствовала. Ты хочешь в тюрьму? Это туда ты хочешь привести нашего ребенка? В тюремную больницу.

Я вцепилась в живот.

— Ты просто пытаешься запугать меня.

— А что насчет Корин? Ты о ней подумала? Для тебя нормально разрушить ее жизнь? Мы — все, что у нее есть. Она думает, что теперь ты ее мать. Ты упечешь меня в тюрьму и сама отправишься туда же, тогда что? Она отправится в детский дом? Наш ребенок в итоге окажется вместе с ней, я так полагаю.

— Хватит. Хватит! Ты снова лжешь.

— Я? Подумай об этом. Ты подбросила улики в расследование убийства. Убийства твоего мужа, чтобы помочь своему любовнику отправить полицию по ложному пути. Ты думаешь, они поверят, что ты не причастна? Конечно, ты причастна. Ты знала это. Ты помогла мне спланировать это. Ты позвонила Спенсеру и сказала, что собираешься уйти от него. Именно поэтому он поехал домой в середине ночи. Он неистово гнал домой, чтобы поговорить с тобой. Поэтому, когда ты узнала, что он возвращается в Чарльстон, ты рассказала мне о маршруте. Ты сказала мне, где именно нужно ехать, чтобы найти его, как выглядела его машина. Мы спланировали это вместе. Пытались повесить все на Хьюза, выкрутили все так, что оба выглядели жертвами. Ты скорбящая вдова. А я, публичный человек, которого пытается уничтожить старый политик.

Он сел на скамейку рядом со мной и посмотрел вверх на свисающие над нами ветви.

— Думаю, это то, во что поверит полиция. Не так ли?

— Ты отвратителен.

— Я? Почему, потому что влюбился в тебя? Если ты хочешь злиться на кого-то, злись на саму себя.

— Как ты можешь перекладывать это на меня?

— Потому что все, что я сделал, было из-за того, что влюбился в тебя.

— Влюбился? Это так ты называешь?

— Потому что я знал с первой ночи, когда мы поцеловались, что мы принадлежим друг другу. Та прогулка по дороге домой из книжного клуба была медленным соблазнением. Ты заманивала меня, протягивала запретный плод мне. Заставила меня поцеловать тебя. И ты

знала об этом. У тебя могло бы занять много времени, чтобы выяснить то, что ты любишь меня, но ты любила, — он положил руку на мое пальто, поверх живота. — А теперь мы собираемся стать родителями. Мы принесем в этот мир нового человека вместе. Нет сильнеего свидетельства нашей любви, чем этот ребенок. Это судьба. Ты моя судьба.

— Я не останусь.

Он перемахнул одну ногу через скамейку, оседлав ее как лошадь, и наклонился ко мне.

— Ты останешься. Потому что это все утихнет. Это растворится. Ты будешь снова нуждаться во мне. Ты захочешь моей помощи.

— Ты больной. Я никогда не попрошу твоей помощи.

— Боже, я знаю тебя лучше, чем ты, — я чувствовала его дыхание на моей щеке, когда он прошептал мне на ухо. — Все те ночи, когда ты была беспомощна. Ты не могла спать. Бродила по дому из комнаты в комнату. Ты использовала меня. Ты была настолько потеряна и разбита, что умоляла оказаться в моей постели. Я понимал, что ты делала, и позволял тебе это. Вытряхнуть все воспоминания, да? Этого никогда не было достаточно. Ты плакала, а иногда смеялась. Ты выпивала целую бутылку вина, а потом просила трахать тебя всю ночь, — его взгляд ожесточился. — Я давал тебе то, что ты хотела. Каждый чертов раз.

Мое дыхание было поверхностным, я боролась за воздух.

Он продолжил.

— Ты не невиновна в этом. Мы построили эту жизнь вместе. Ты помогала мне на каждом шагу. И я люблю тебя за это. Я люблю тебя, Одри. Я выиграл сенаторские выборы из-за тебя. И губернаторские, черт, ты знала, что опросы показали, что в восемь раз больше проголосовала бы за меня, если я женюсь на тебе? Ты привела нас сюда.

— Я никогда не хотела быть первой леди. Я не просила ни о чем из этого. Ты знаешь, что мне даже не нравится политика.

— Но ты так хороша в ней. Это свело нас вместе, правда? Инь и янь? Противоположные стороны аллеи? Синие против красных? Я всегда считал, что из-за всего этого между нами была такая страсть.

— Я просто хотела нормальной жизни. Я просто хотела быть счастливой. Это не...

— У тебя было это. У тебя было «нормально», и тебе было недостаточно этого. Этого никогда бы не стало достаточно. В тебе было намного больше, чем ты хотела высвободить, пока не встретила меня.

— Я хотела, чтобы этого было достаточно, — мой голос скрипел. — Я хотела.

Он поцеловал меня в висок, его губы прижимались сильно.

— Слушай, я всегда обещал, что буду оберегать тебя, и я это и имел в виду. Ничего не значит больше для меня, чем ты. Но, ты не можешь никому рассказывать об этом. Ни полиции. Ни прессе. Ни своей сестре. Ты понимаешь? Я не смогу защитить тебя, если ты кому-то расскажешь.

— Как ты можешь хотеть того, чтобы я осталась? Как ты можешь думать, что я хочу теперь оставаться в браке с тобой?

— Потому что несмотря ни на что, ты любишь меня. Ты нуждаешься во мне. Ты не можешь справиться с этим без меня. И я не хочу того же от тебя. Я тоже нуждаюсь в тебе. Это займет немного времени. Я знаю это. Но ты вернешься ко мне. Ты всегда возвращалась.

Я схватила его руки, скручивая их, будто это сделает все, что он сказала неправдой.

— Зачем ты сделал это? — мои глаза обжигали слезы. — Зачем тебе нужно было сделать все таким темным и извращенным? Я могла бы любить тебя без этого. Я оставила бы

его. Я могла бы.

— Нет, не могла. Ты была слишком хороша, — он заправил локон за мое ухо.

Я закрыла глаза, чувствуя, как горячие капли стекали вниз по моим щекам.

— Больше нет. Ты уничтожил меня. Украл человечность из моей души. Сделал меня шлюхой. Убийцей. Лгуньей. Я проклята из-за тебя.

— Не говори так. Посмотри на то, что ты сделала для Корин. Ты убедила меня пойти против собственных инстинктов и привела ее в нашу семью. Ты помогала и направляла ее, после потери ее матери. Ты любящая и добрая. Ты станешь потрясающей мамой для нашего ребенка. Это все еще там...хорошее. Я вижу это. Но иногда, я знаю, что тебе нравится темнота.

Он поднял палец.

— Не пытайся убедить меня, что это не так. Ты живешь в ней. Бывают дни, когда я нахожу тебя, купающуюся в ней. И я понимаю это в тебе. Я люблю это в тебе. Это нормально. Мне это тоже нравится. Когда ты уходишь туда, в темноту, это позволяет мне становиться светом. Я могу вернуть тебя обратно. А когда я в тени, ты выводишь меня оттуда. Мы нужны друг другу. Ты знаешь это. Мы пользуемся этим.

Ветер поднялся вокруг нас.

— Я не могу остаться с тобой, Пэкс. Позволь мне уйти. Позволь мне оставить тьму позади. Я утону в ней на этот раз. Я знаю, что не пройду через это, если не уйду. Единственный шанс на спасение света во мне — уйти. Я могу забрать Корин. Я могу начать с начала где-нибудь, как Беки. Придумать любую историю, какую ты захочешь. Я уеду с ней. Я помогу спланировать все. Ты можешь выставить меня плохой...обвинить меня в разрушении нашего брака. Сказать им, что я бросила тебя. Просто дай мне уйти отсюда, до того как от меня останется только призрак.

— Ты же понимаешь, что я не могу сделать этого, — он пробежал большим пальцем по моим губам. — Мы в этом вместе. Навсегда. Наша история любви еще не закончена.

Я рухнула на его колени. Его руки обхватили меня, пока он не притянул меня к своей груди. Я плакала. Я боролась. Я била его. Я рыдала сильными, выворачивающими кишки слезами, поражая его своими кулаками. Пока, наконец, спокойствие не омыло меня. Пустота заразила меня. Холодный яд просачивался в мои вены, перекачиваясь через мое сердце.

Усталость захватила мое тело. Она поселилась в глубине моей души. Пэкс встал со скамейки, поднимая меня на ноги. Он переплел свои пальцы с моими.

— Пошли домой, — он повел меня через сад, прочь от скамейки.

Особняк был в темноте. Прислуга отправилась по домам на ночь. Корин спала в своей комнате.

Мы взбирались по лестнице в тишине. Каждый шаг казался мне, будто я поднималась в гору, мои ноги тяжелели под гравитацией. Я следовала за ним в нашу комнату. Я ждала у кровати, пока он раздевал меня. Он расстегнул мое пальто и повесил его в шкаф, потом вернулся, расстегивая мои пуговицы. Я удерживала руки по бокам, пока он стягивал рукава с моей кожи. Я стояла обнаженная перед ним, открытая мрачному желанию для него. Его глаза пробудили меня до того, как он откинул одеяла в сторону и уложил меня на подушку. Он подоткнул теплые простыни под мои плечи.

Он поцеловал меня за ушком.

— У меня есть документы со съезда, которые я должен просмотреть. Поспи, хорошо? Позовешь меня, если будет нужно, — он остановился в дверном проеме. — Боже, я люблю

тебя.

Я уставилась на него, изучая его взгляд. То, как он обожал меня. То, как он хотел меня. Мои руки устроились на выпуклости моего живота. Моя кожа должна быть холодной, но это не так. Она пылала.

— Пэкс? — позвала я.

— Да? — он шагнул вперед, остановился в метре от кровати, плотское желание вспыхнуло в его глазах. — Скажи мне, Одри.

— Ты нужен мне, — я собрала простыни в руке, складывая их поверх моего тела, и ждала своего мужа.

Я смотрела овальное окно, самолет набирал скорость, когда мы взлетели. Черный асфальт под нами переливался рядом мерцающих огней. Корин, уже спящая на моем плече, вздохнула, и я подоткнула одеяло, которое спало с ее подбородка.

Все могло произойти так. Так бы произошло, если бы я осталась и дождалась Пэкса в саду. Я закрыла глаза. Он мог бы сказать все это и даже больше, соблазняя меня предложениями и мольбами о любви. Потому что он любил меня. Он ни во что не верил больше, чем в то, что на самом деле любил меня.

Он мог бы забрать меня в нашу комнату, зная, что мы боролись со всем в постели, зная, что я буду нуждаться в нем. Я захотела бы, чтобы мой муж снова стал моим мужем. Он знал это во мне.

Мое тело напряглось. Да, вероятно, так бы и произошло, если бы я осталась.

Но этого не произошло.

Когда он позвонил и сказал, что конференция задержится еще на ночь, я поняла, что это мой единственный шанс. Моя единственная ночь на побег. Забрать Корин и бежать. Спасти своего ребенка. Спасти себя.

Сбежать от темноты. Сбежать ото лжи, на которой была построена моя жизнь.

Крупные слезы заскользили по моим щекам. Ложь. Годы лжи.

Знаете, все те дни, что я проводила с Беки, я задавала ей вопросы о Франции. Где она жила, как она создала новую жизнь самостоятельно.

Она немного научила меня французскому, усеивая наши разговоры своими любимыми фразами. Я повторяла их, пока мое произношение не соответствовало языковому приложению на моем телефоне. Прогулки по пляжу предоставили мне время для практики. Я думала, что это станет способом подбодрить ее, когда я смогу поговорить с ней на ее любимом языке.

Я не понимала, что сделала выбор, пока Корин не начала перечислять имена для своих братика или сестренки. Вот он. Мой план побега.

Я не знала, кто дал Эйвери флешку. Мне плевать. Эти снимки предназначены, чтобы уничтожить мой брак, уничтожить моего мужа, но все, что они сделали, — освободили меня. Больной ублюдок, который скрывал эту информацию от меня может отправляться в ад. У меня была копия в кармане и оригинал в багаже, запиханный в пару носков. Возможно, это единственная защита, что у меня есть.

Я больше не должна притворяться. Я не должна жить в сомнениях и вопросах. Я признала, что всегда подозревала, но клялась, что не хочу знать. Пэкс мог сделать все для меня.

Не то, чтобы я с самого начала знала, что он убил Спенса, потому что это не стало

очевидным, пока я не увидела снимки, и тень преследующую его. То, как он размывал направления. То, что он заплатил людям. То, что его отец развел грязный беспорядок. Все здесь, и я уже оказалась в безвыходном положении. Я не замечала этого. Так было, до флешки.

Я думала о лжи, которой он кормил меня. Я находилась в отчаянии, когда умер Спенс. Я хотела спасения, собрать себя воедино. Я позволила скорби найти для меня повод в слабости. Пэксу я нужна была слабая. Когда он сказал, что не убивал Спенса, я хотела, чтобы это оказалось правдой. Так сильно, что топила любой другой вариант. Если я делила свое тело с ним, вышла замуж за него, влюбилась в него, поддерживала его на всем пути до губернаторского особняка, тогда он должен был быть хорошим человеком. Идеальным.

Я жила в тумане, после смерти Спенса. Я жила в руках Пэкса. Позволила его губам вдыхать жизнь в меня. Позволила ночам в его постели убедить себя, что я ничего не могла сделать.

Потому что это правда, не так ли? Пэкстон Таннер ворвался в мою жизнь подобно пуле, рассекая мой мир на две части. Все это время, я знала, какую хотела жизнь, но была слишком слаба, чтобы признаться. Слишком напугана, чтобы полностью поддаться. Я позволила ему выбрать за себя.

Невинность Корин разожгла что-то во мне. Это пробудило инстинкты, которые были похоронены — потребность защищать. Я больше не одна. Я могла найти способ для всех нас троих.

Самолет взмыл над океаном. Я откинулась в кресле, осторожно, не разбудив Корин.

Может однажды, я проснусь и не буду бояться. Я смогу выглянуть в окно и не быть пораженной страхом, что он найдет меня. Это, может, произойдет не завтра, и не через неделю. Но это произойдет.

Страх лучше, чем смирение. Я не могла остаться. Он бы превратил меня в женщину, которой я не смогла бы жить. Мой желудок подпрыгнул, ужасаясь возможности, что это уже произошло.

Бегство — единственный шанс жить нормальной жизнью. Я могу вырастить Корин, так как всегда хотела Беки. Я найду способ бороться с темнотой. Я смогу научить своих детей прекрасной стороне жизни, когда снова ее найду.

— Мэм, могу я что-нибудь сделать для вас? — спросила стюардесса. Ее тележка была заставлена.

— Нет. Мы пока в порядке.

Она подняла подножку и передвинулась к следующему ряду.

У Пэкса есть люди. У него есть деньги. У меня меньше восьми часов, чтобы разработать план по исчезновению в Европе. Он может узнать, что я воспользовалась своей кредиткой, чтобы оплатить билеты. Он узнает, что исчезли паспорта. Если мне повезет, то у меня может, будет день, возможно, меньше, прежде чем он найдет меня.

Я сделала две остановки по пути в аэропорт. Я сняла столько дополнительной налички с карт, сколько было возможно. Я упаковала все драгоценности, которые подарил мне Пэкс. Моя сумочка была загружена бриллиантовыми браслетами и колье. Я никогда не продавала ни одной блестящей вещицы за свою жизнь, но это единственное, как я считала, позволило бы нам обзавестись быстрыми деньгам без цифрового следа.

Об этом я беспокоилась больше всего. Электронные транзакции и способы, которыми он может выследить мои передвижения. Я купила заранее оплаченный телефон за наличку в

аэропорте. Я оставила сообщение Эйвери — забрать Пэппера ради меня.

Чем меньше она знала, тем лучше. Но, я не могла оставить Пэппера позади, не подумав о том, кто позаботится о нем. Это последнее, что я могла сделать для Спенсера.

Я должна думать, как Пэкс. Думать о том, как он будет искать меня. Я пыталась вспомнить наши разговоры о путешествиях. Я раздумывала в шатких воспоминаниях, о чем говорила ему. Мой список мест, для поездок.

Я прикусила нижнюю губу. Это выживание.

Его палец прошелся по чувствительной коже на бедре.

— Я собираюсь увезти вас в медовый месяц, миссис Таннер.

— Да ладно. У тебя сейчас кампания. Мы можем поехать в медовый месяц позже, — я вытянула шею, и он крепко обхватил ее, пока целовал мое горло.

— Я не мог дождаться, когда мои родители уедут отсюда. Они самые не воспитанные гости на свадьбе. Как будто они не понимали, как я не могу дождаться, чтобы сорвать это платье с тебя.

Мое платье сгрудилось слоями на полу.

— Оно понравилось тебе?

— Ты была...ты самая красивая невеста, — он целовал ниже, моя кожа горела из-за него. — Но, пожалуйста, скажи, куда я могу отвезти тебя, когда появиться неделька только для нас. Должно быть место, куда бы ты хотела поехать. Куда-то, где мы можем провести отпуск. Просыпаться таким образом каждый день, — он переместился поверх меня. Я выгнула спину, с трепетом привлекая ее к себе. — Пить вино по вечерам. Делать все туристические шутки на протяжении дня.

— Хмм... — я притворилась, что думаю. — Как насчет тропиков?

— Нет, тропики не подходят тебе.

— Ну, как насчет поездки в Новую Зеландию? Я понимаю, что это далеко, но я всегда хотела поехать туда. Я просто не могла себе этого позволить.

Он поцеловал мои губы, прикусывая нижнюю.

— Новая Зеландия, да. Если это то, что ты хочешь, но, думаю, мне нужно расчистить свое расписание на две недели.

— Звучит, как потрясающий медовый месяц для меня.

— Я найму самолет. В нашем распоряжении будет все время в воздухе, пока мы будем лететь туда, — он поцеловал меня за ушком.

— Мммхмм.

— Ты уверена насчет Европы? Никаких досок объявлений во французских пригородах или как насчет Тасканских деревень?

Я уставилась на него, его широкие плечи нависали надо мной. Мой роскошный, восхитительный муж.

— Нет, я уверена. Европа — слишком обычно для нас.

Он засмеялся.

— Полагаю, это правда. Я люблю тебя, Одри Таннер.

— Я люблю тебя, Пэкстон Таннер.

Я сжала зубы, не уверенная что ранило больше, воспоминания или потеря того, что я думала у меня было. Стюардесса появилась с горячим полотенцем.

Я вытерла руки и лицо и протянула его ей обратно.

— Спасибо.

— Вау, у вас роскошное кольцо, — ее глаза округлились до формы блюдец.

Я прикрыла его правой рукой. Оно с чудовищного размера камнем.

— Эээм...спасибо.

— У вашего мужа отличный вкус.

— Да, — ответила я нервно.

Он выбрал меня. Тщательно отобрал в качестве своего партнера. Все время, когда он хвалил мой стиль или то, как я общалась с избирателями, — он оценивал меня, тестировал для следующего уровня. Образованная женщина, привлекательная, но не супер-модель. Женщина, которая работает учителем и любит детей, но не имеет собственных. Женщина со своим мнением, но слишком покорная, чтобы поделиться им. Да, я именно то, что ему было нужно на каждом шагу его путешествия. За меня можно было убить.

Я покрутила кольцо на пальце. Я могу добавить его к кучке в сумочке.

Европа станет началом. Он подумает, что я отравилась в Новую Зеландию в какой-то момент. Мы с Корин останемся в Мюнхене на день, а потом сядем на поезд до Швейцарии. Я могла бы, наверное, путешествовать месяц с наличкой, которая у меня была, но мне нужно было пустить корни. Мне не только о Корин нужно было беспокоиться, но и еще я нуждалась в дорожном уходе. Мы не могли путешествовать из города в город слишком долго.

— Мэм, вот ваш таможенный бланк, — стюардесса вернулась и протянула мне розовую карточку и карандаш.

— Спасибо, — я уставилась в листок. Это еще одна зацепка в бумажном следе, который я оставляла.

— Дайте знать, если появятся вопросы, — она повернулась к следующему пассажиру.

Отныне, каждый контакт будет подобным. Я могу спорить с собой о том, какое выберу имя. Как много информации оставить. Крохи, которые приведут его ко мне. Они всегда смогут привести его ко мне.

Я почувствовала, как снижается самолет. Корин открыла глаза.

— Мы уже прилетели?

— Да, милая. Мы будем в Мюнхене через несколько минут.

Она вытянула руки над головой.

— Не могу поверить, что мы уехали без папы.

Мой желудок скрутило.

— Это всего лишь девичник. Я подумала, что будет весело, если мы поедем только вдвоем.

Позже, я расскажу ей что-нибудь. Не правду, а что-нибудь.

Она пожалала плечами.

— Будет клево увидеться с некоторыми моими друзьями. Пожалуйста, мы можем съездить в мой родной город?

Я кивнула.

— Можем. Я должна проработать детали, но мы сможем сделать это. Франция определено в списке.

— Круто, — она потерла глаза.

Я подобрала свою сумочку из-под сидения и открыла застежку. Бархатные коробочки

уложены внутри, вместе с наличными. Мою кожу покалывало.

Мы в другой стране. Я сделала свой выбор. Моя ладонь разгладила перед моей юбки и на мгновение задержалась на животе. Я смогу защитить своего ребенка, пообещала я себе.

Дверь распахнулась на посадочной полосе.

— Одри, идешь? — Корин стояла в проходе, фиолетовый рюкзак в ее руках.

Я улыбнулась и скользнула сумкой на плечо.

— Я прямо за тобой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net